

В.В.чарнолуцкий

в краю

летучего

КАМНЯ

Записки этнографа

Издательство «Мысль»

Москва 1972

**Главная
редакция
географической
литературы**

**Ответственные редакторы
и авторы послесловия и комментариев
кандидаты исторических наук
Т. В. Лукьянченко
и Ю. Б. Симченко**

**Художник
С. С. Верховский**

**Фотографии и рисунки
В. В. Чернолуцкого**

Чернолуцкий В. В.

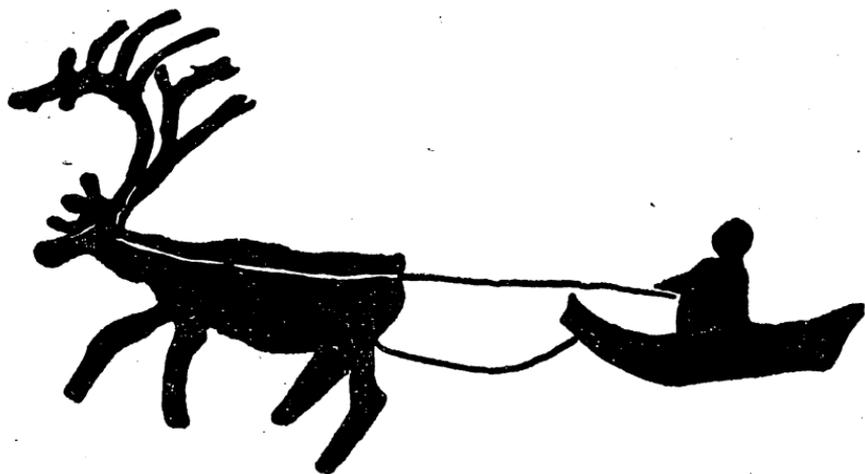
Ч-21 В краю Летучего камня. Записки этнографа. Отв. ред. и авт. послесл. и коммент. Т. В. Лукьянченко и Ю. Б. Симченко. М., «Мысль», 1972.

271 с. с илл. и карт.; 12 л. илл.

В книге ныне покойного советского этнографа, путешествовавшего в 20—30-е годы по Кольскому полуострову, рассказывается о жизни, обычаях, фольклоре небольшого северного народа саами. Многие страницы книги посвящены описаниям природы полуострова. Книга иллюстрирована рисунками автора и редкими фотографиями.

**2-8-1
155-72**

902.7

Вступление

Институт окончен. С заказом на литературную тему справился, работу сдал, но гонорар еще впереди, и, когда он будет в руках, неизвестно. «Карту кочевков в Канинской и Тиманской тундрах» сдал в КИПС¹ Академии наук СССР. Работа одобрена и оплачена. Впереди блестящие обещания: участие в солидной экспедиции — я в ней буду этнографом. Однако когда начнется эта экспедиция?

— Держитесь, а пока знакомьтесь с литературой, собирайте библиографию. — Это сказал будущий руководитель экспедиции антрополог профессор Д. А. Золотарев.

Легко сказать — держитесь! А сколько времени, сколько месяцев надо держаться?

¹ Комиссия по изучению племенного состава. (Прим. ред.)

Я поступил на службу в почтовое отделение, как раз на место того почтальона, который обслуживал Государственное географическое общество. Это была временная работа, и она меня вполне устраивала. Сдав почту, я отправлялся в Публичную библиотеку. Условия для работы там прекрасные, очень уютно и тихо. На стенах на особых подставках — бюсты великих ученых. Между ними мне грезилось (по крайней мере мне очень хотелось, чтобы они там находились) и мои ученые-лопареведы — И. Шефферус, написавший еще в XVII веке знаменитую книгу о саамах — «Лаппония», и наш русский этнограф Н. Харузин, автор известной монографии «Русские лопари». А внизу, между рабочими столами, ходили озобоченные читатели — старцы с юношески восторженными взорами и юноши с глазами умудренной старости. Шелест страниц, перевортываемых множеством рук в большом зале, звучал как своеобразная музыка. Эта музыка в те дни покорила меня на многие годы.

Однако чаще я оставался в читальном зале Географического общества. По закрытии его шел в канцелярию справиться: «Нет ли?» Ответ был один и тот же: «Пока нет».

Вот уже прошли сентябрь, октябрь и ноябрь. Наступил декабрь. Все сроки прошли! На службе уже предупредили: «Пора менять место», а ответа все нет и нет.

В 20-х числах декабря ответ наконец был получен. Правительство уже составляет пятилетние планы изучения производительных сил Кольского полуострова. С 1928 года начнут функционировать геолого-географические отряды, ряд геологов уже работает на местах. Что же касается антрополого-этнографических исследований, то Географическому обществу поручается срочно, уже зимой 1927 года, снарядить специальную Лопарскую экспедицию с тем, что в будущем году она сольется с Кольской экспедицией Академии наук СССР и будет работать под руководством академика А. С. Ферсмана.

26 декабря 1926 года я уже ехал в Мурманск со специальным заданием.

Я должен был, во-первых, связаться с Мурманским обществом краеведения, с его председателем Василием Кондратьевичем Альмовым (он же заведующий губернским статистическим бюро и временный председатель губернского планового отдела, общественный деятель Мурманского края, автор нескольких статей и книг по краеведению Мурманска и знаток саамского народа, он же начальник приполярной

переписи населения 1926 года и первый кандидат в уполномоченные Комитета Севера при ВЦИК*).

Во-вторых, надо было организовать встречу нашей экспедиции 12 января 1927 года на станции Пулозеро, то есть подготовить помещение, где можно будет производить антропометрические измерения, обеспечить для сотрудников жилье и помещение для работы, раздобыть оленей и сани для отъезда экспедиции на восток, в село Поной. Все это вызвался организовать заведующий Мурманским музеем краеведения М. Н. Михайлов, что он позднее выполнил как нельзя лучше.

Эта командировка в Мурманск оставила в моей памяти глубокий след. Хочется, необходимо сказать о Мурманской (ныне Октябрьской) железной дороге того времени, этой главной артерии Карелии и Мурманского края, о которой саамы мечтали многие годы. Я постараюсь обрисовать эту дорогу в историческом разрезе и по тем впечатлениям, которые сложились у меня в экспедициях, во время многочисленных поездок по ней, и которые я вынес из бесед с саамами.

«Мурманка»

Слух о том, что царское правительство намерено продать Кольский полуостров англичанам, был довольно распространен среди поморов Терского берега и восточных саамов. Мне рассказывал об этом в 1927 году секретарь Понойского волостного управления Н. Ф. Пирогов со слов «матери лопарей», жены смотрителя Орловского маяка. Она славилась тем, что спасла экипаж казенного парохода, потерпевшего аварию около ее маяка, «числом не менее сорока (а вернее, двадцати) человек». С помощью саамов и их оленей она доставила всех спасенных прямо к царскому двору. «Мать лопарей» стала вхожа в царскую фамилию. Она умело использовала свое новое положение и превратилась из жены скромного смотрителя маяка в деятельного судовладельца и рыбопромышленника. Говорят, это по ее совету один из влиятельных членов царской фамилии объехал на пароходе берега Кольского полуострова, осмотрел становища и рыбные промыслы. Будто бы именно после этой прогулки заговорили о постройке железной дороги от Колы до Петербурга. Слух об этом живо облетел русские и саамские селения. В столице новый, незамерзающий порт на севере рассматривали как сезонный, добавочный к петербургскому порту. Однако верх взял другой проект большой стройки того

времени. Был перестроен либавский порт, к которому подтянули железную дорогу от Рыбинска. Это строительство обеспечивало быструю и дешевую доставку сибирского хлеба к берегам Балтийского моря. О Мурманской железной дороге перестали думать.

Война 1914 года вынудила царское правительство приступить к постройке железной дороги к незамерзающему Кольскому заливу.

Приступили к стройке спешно, начали ее в нескольких местах одновременно: участок Петрозаводск — Сорока закончен в декабре 1915 года, Петрозаводск — Званка и Кандалакша — Мурманск — в декабре 1916 года. Вся линия Званка — Мурманск сдана в эксплуатацию в ноябре 1917 года.

Дорогу строили наспех, порой прямо по целине, на снегу, по замерзшим болотам, в предвидении того, что еще многие годы придется ее достраивать, переключивать пути на новые, более надежные трассы.

Шел четвертый год после ликвидации интервенции на Севере, когда в декабре 1926 года мне впервые довелось сесть в поезд на Мурманск. Станции и железнодорожные пути все еще приводились в порядок, поэтому движение было не налажено. Не хватало вагонов и паровозов. Вначале пассажирские поезда в Мурманск ходили только от Петрозаводска, лишь позднее они стали ходить от Ленинграда, да и то не каждый день.

В вагоне вместе со мной ехали командированные, железнодорожники, пограничники. Все они были между собой знакомы, все чувствовали себя как дома. Слышалось балагурство охотников и рыболовов, их восхищенные рассказы об охотничьем искусстве саамов, этих знаменитых стрелков, славных мастеров охоты, рыбного промысла и оленеводства. А в иных купе шли разговоры серьезные. Обсуждались разные вопросы, связанные с Мурманской железной дорогой. Эта дорога была задумана очень интересно. Она своими силами должна была обеспечить себя населением на станциях, грузами, должна была построить новые города и порты на Белом море, создать на землях, прилегающих к путям, население столь мощное, чтобы железная дорога могла существовать как самостоятельный жизнеспособный народнохозяйственный организм.

В серых двухосных вагонах было тесно и шумно, звучали гармошка и песни, даже слышались пляски. Это ехали рабочие в Мурманск на стройки, во флот, на лесозаготовки, в порт, на новые заводы, которых еще не было, но которые построят они сами. Теплушки были заняты колонистами. Эти ехали с лошадьми, с коровами, с телятами, всей семьей, по четыре семьи «на коробку», то есть на малый товарный вагон.

До Петрозаводска поезд бежал исправно: тут прекрасный грунт, хорошо укатанный путь. Уже утром другого дня, когда Петрозаводск был позади, начала чувствоваться другая природа, другая укладка рельсов, другое житье-бытье еще редких новоселов. Перевалили Медвежью гору с ее дивными видами на Онежское озеро. Вот и Сегежа. Среди редких сосен едва заметен заборчик вокруг будущего деревообделочного гиганта. Дальше в глубину Карелии начались сильные ухабы. Порой казалось, что железнодорожное полотно уложено прямо по ухабам; вагоны частенько качало, особенно там, где полотно первоначально легло прямо по целине; грунт давал промоины, оседания; бывало и так, что рельсы оказывались висящими в воздухе, а под ними бежала быстрая речка.

Мне повезло, я ехал зимой, без всяких приключений. А мой сосед, пограничник, был направлен на службу весной того же 1926 года. Он рассказал, как все пассажиры поезда два раза выходили из вагонов для ремонта размытого пути. Инструмент везла с собой поездная бригада. Отремонтируют участок и дальше поедут, вперед на Север.

Дорога пролегла среди прекрасных строевых лесов, расположенных на возвышенностях; в других местах она шла по болотам, в низинах. На болотах чахлые сосенки. Когда перевалили две трети пути, в окнах начали мелькать многочисленные озера. Они очень разнообразили путь. Унылые виды: убогие станционные избушки железнодорожников; кое-где водокачки, построенные в русском стиле, но наспех; телеграфные столбы — проволока бежит волнами перед глазами пассажира, — болота, лес, болота, среди них горюшки. Вдоль насыпи с рельсами с левой стороны заметны полусгнившие настилы бревен — остатки гати, по которой доставлялись грузы при постройке железной дороги десятки лет назад.

И нигде не видно старых поселений, если не считать таких городов, как Сорока (ныне Беломорск), Кемь, Кереть, очень походивших тогда на большие села.

Чем дальше к северу, тем чаще встречались новенькие поселки колонистов, то и дело белели избушки из свежего леса, лесопилки. Все это смоляное, свежерубленое. Даже в воздухе пахло смолой. Вокруг домов маленькие расчистки под огороды. Когда я ехал на следующий год, под осень, кое-где уже виднелись посадки картофеля, моркови, даже капусты. В этом сказывались забота и руководство сельскохозяйственных станций в Ухте и на Имандре, где работал в то время молодой ученый, ныне академик, И. Г. Эйхфельд. И все это на фоне порубок, сосновых лесов или топких болот с чахлой порослью. Кое-где виднелись стрелки иванчая, роскошные шапки мхов самой богатой окраски; вдоль насыпей встречались заросли шиповника с розовыми цветами. Такова была Карелия из окна железнодорожного вагона летом 1927 года. На Мурмане же и этого не было — там были горы, в а р а к и (то есть те же горы, покрытые лесом), ягельники и множество озер.

Меньше чем через двое суток поезд наконец добрался до Мурманска. Меня поразило: города-то нет! Вокзала нет, улиц нет. А люди держат себя, словно они в самом деле горожане! На месте будущих улиц справа и слева проложены мостки. Кое-где стояли железные «чемоданы» — бараки из гофрированной жести. Палатки, опять бараки; около порта одноэтажные деревянные дома. Не похоже на город! Это война, разрушенный войною поселок военного времени! На северной окраине чахлый ручеек. В центре города, немного к югу, рынок, рядом с ним стоит новенький, аккуратный домик — это музей местного края. Краеведы уже успели собрать предметы саамского быта и хорошую коллекцию по природе края. Тут же ютится Мурманское общество краеведения.

На рейде всего пятнадцать пароходов.

Людского движения почти не заметно. Все на работе, на службе. Кое-кто из мурманских граждан уже успел обзавестись пимами — теплой обувью из оленьего меха. Детей не видно, семейные люди редкость. Изредка посередине улицы проходит оленевод с оленьей упряжкой, на санях видны детские головки с любопытными глазами. Иногда это саамы в характерной для них одежде, реже коми-ижемцы в своих малицах, покрытых просторными черными рубахами. Скоро новогодние праздники — надо сделать покупки.

Население города живет главным образом на рельсах. На рельсах стоит бесконечное множество теплушек с тру-

бами — это «путевая деревня». Многие из тех, что ехали со мною в поезде, уже живут в вагонах этой деревни на колесах, которая ютится вокруг площади будущего вокзала. Для жителей ее спешно строятся новые дома.

Уже зимой 1928 года пошли настоящие пассажирские поезда — с прекрасными пульмановскими вагонами, с рестораном, со спальными местами. Выросли деревянные здания общественных учреждений, несколько школ, воздвигнут памятник Жертвам революции. От «путевой деревни» осталось только два состава вагонов. Население города уже одиннадцать тысяч человек. В поездах можно было встретить туристов.

В 1930 году пошла «Полярная стрела». Вдоль железной дороги вместо сосновых лесов теперь чаще встречались оголенные холмы. Около заново отстроенных станций выросли мощные склады лесоматериалов, заводы, лесопилки, поселки. Иногда можно видеть, как саам на двух оленях вывозит из леса громадное бревно. Везде лихорадочная стройка, в воздухе по-прежнему запах свежей смолы. Уже развернулось строительство огромного деревообделочного комбината в Сегеже.

В Мурманске теперь не менее сорока тысяч человек.

Выросли предприятия рыбтреста, отстроился порт, в разгаре стройки Кировска (бывший Хибиногорск). В центре города возникло большое каменное здание универмага, появились настоящие улицы с домами по обеим сторонам. Горсовет на планах города начертал главные проспекты.

Теперь в поездах среди рабочих, едущих в Мурманск, выделяются работники экспедиций — геологи, ботаники, ихтиологи, землеустроители, топографы. Обсуждаются разного рода открытия: там обнаружена одна ценная руда, там другая, а там нефелин, апатиты, диатомит.

Дух захватывало от открытия новых богатств Мурманска. Плановики вдохновенно разрабатывали грандиозные планы строительства заводов, рудников, комбинатов, городов, создания заповедников. Вся жизнь была в будущем. «Мы строим для наших детей», — говорил С. М. Киров, устроитель Мурманского края.

Во время войны фашисты разрушили Мурманск. Вражеские самолеты и артиллерия бомбили железную дорогу. Сейчас ее заново отстроили. Мурманск опять восстановлен, он стал еще лучше, чем был. Интересно, что здание универмага, казавшееся огромным в деревянном Мурманске,

теперь совершенно теряется среди новых многоэтажных массивов.

После долгого перерыва в поездках на Мурман мне удалось снова побывать там. Это было примерно через двадцать пять лет, в 1961 году.

Бывшие станции с одинокими избушками превратились в многолюдные поселки. В них кирпичные и панельные здания слагают характерный ландшафт города с открытыми дворами. Это уже настоящие города и городки — Мончегорск, Апатиты, Кировск, Никель и многие другие. Мурманск слился с Колой и новым небольшим городом Мурманшами. Когда подъезжаешь к Сегежскому комбинату, охватывает невольное чувство какого-то трепета, глубокого уважения к мощным массивам этого огромного завода. Впечатление такое, что от него исходит особый гул его машин и кочегарок. Его величавые трубы энергично извергают дым, они внушают особое почтение, словно это живые существа, творящие чудо. Кажется, они месят в каком-то волшебном котле.

С далекого Кольского полуострова через всю страну мчатся комфортабельные пассажирские поезда из красивых цельнометаллических вагонов. Громяхают тяжелые товарные составы с лесом, удобрениями. Иные поезда состоят сплошь из вагонов-холодильников. Это идут на юг, в центральные области страны, треска и другие продукты северных морских и тундровых промыслов. «Наверх», то есть на север, тянут составы с поковками, везут машины. Холодильные вагоны везут с юга на север разные продукты, фрукты и овощи для северных жителей.

Скорый поезд Москва — Мурманск, о котором тридцать лет назад можно было только мечтать, тянет свой состав точно по расписанию.

Около станции Полярный Круг издали стали видны тяжелые туманы. Они клубились под небом, поднимались от земли, смешивались и уходили ввысь, где-то далеко тянулись по горизонту. А на юге солнце. Въехали в туманы, потянуло холодом, сыростью...

Это повеял Мурман, заполярный край. Поезд миновал три или четыре такие полосы. Порой начинался дождь. Поезд уже идет между озерами, иногда по дамбам — справа и слева заливы Белого моря, уже виднеются Кандалакшские горы.

А вот и особенность Крайнего Севера: далекая перспектива, линии леса и гор на горизонте синие. А у нас, «на Руси», они лиловые, теплые.

Вечером опять ясная погода, но облака идут ниже, они суровее.

В воздухе студено. Вот она, Лапландия!

Первые впечатления. 1927 год

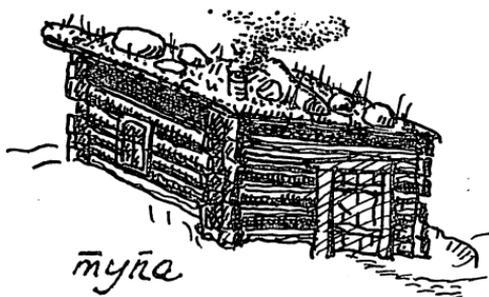
Голый человек.— Ефим Андреевич.—

О ягеле. Сказка «Землюшка, прости».— О Мяндаше

Наконец 11 января 1927 года мы сели в поезд, а 13-го при свете луны, взлетевшей очень высоко в небо, выгрузились на полустанке Кировской железной дороги — Пулозеро. Поезд, весь белый от инея, визжа колесами на крепком морозе, уже удалялся на север, когда перед нами предстал заведующий Мурманским музеем краеведения М. Н. Михайлов. Внимательность его была очень кстати, так как научного и дорожного снаряжения у нас было много, а пристанница мы не имели. Он заранее нашел и квартиру для нашего житья, и помещение, пригодное для антропометрических измерений, которым была посвящена первая половина нашего маршрута.

Солнце после круглосуточной ночи впервые показалось только через неделю после нашего приезда на Мурман. Утром, чуть только забрезжит рассвет, мы начинали свою работу. Блеснут первые лучи, и мы уже заносим на бумагу цифры точных обмеров саамов. Описание каждого человека производилось по особой антропометрической карточке. Руководитель экспедиции профессор Д. А. Золотарев производил измерения, и его показания заносились на карточку. Я дополнял ее сведениями о брачности и рождаемости, после чего карточка поступала к врачу Ф. Г. Иванову-Дятлову. Дело шло слаженно, очень дисциплинированно, но не быстро: торопиться было невозможно.

С наступлением сумерек общие занятия прекращались. После обеда начиналось собиранье материалов к описанию саамских жилищ *. Эту работу вел я, хотя не был к ней подготовлен и взялся за нее с неохотой. Современные лопарские тупы и избушки были малоинтересны. Я мечтал встретить и описать древнее кочевое жилище саамов — в е ж у. В литературе оно почти не было описано. В е ж а — жилище из

тупа

досок, установленных конусом на основании из трех-четырех венцов, покрытое берестой и дерном. Но вежа уже почти исчезла из быта саамов. Меня утешали тем, что настоящие жилые вежи я увижу на осенних и весенних местах обитания лопарей.

Тупа — низенькая избушка из горбыля и тонких бревен. Входишь в тупу согнувшись в три погибели. Обычно тебя встречает множество любопытных глаз, очень наивных и добродушных. Здесь на площади примерно десять квадратных метров размещается две-три семьи. Хозяин дома приветствует меня традиционной фразой:

— Входи, входи. Ну, рассказывай, чего знаешь...

Постепенно беседу удавалось направить не на то, что знаю я, а на то, что знают они, — на оленей, на пастьбу их... Меня это интересовало больше всего: здесь я черпал множество сведений, исключительно интересных, новых, еще никем не описанных.

Надо сказать, что мои собеседники довольно скоро утомлялись от расспросов. Тогда я прекращал беседу и выходил из домика на крепкий морозный воздух.

Перед глазами открывалась необычная картина поселка саамов ночью.

Темное, почти черное небо затянуто тяжелой тучей. Тяжелый снег закрывает сугробами все домишки поселка. Еле виднеются коньки крыш. Окна покрыты морозными узорами. Свет едва пробивается через узкую щель между стеной

дома и стеной снега. А из труб, тоже занесенных снегом, дерзкими порывами бьются волшебные огненные факелы — это столбы пламени от камельков, что пылают внутри домиков. Аромат можжевельника расстилается по всей земле. Иногда те же факелы пламенеют в лучах ясной, очень светлой и высокой луны. Но бывает и так, что луна прячется за вуаль облаков, и на сцену выступают сполохи северного сияния. Подчас они воспринимаются так близко, что кажется: вот-вот еще немножко — и они спустятся еще ниже, на землю, схватят тебя и унесут к себе, играть в их боевые потехи. Так верят саамы и тут же уверяют: «Не робей, посвисти немножко, и они поднимутся вверх, а тебя оставят в покое».

...Иногда мы не успевали в один день произвести обмер всего населения какого-либо поселка. Тогда дело затягивалось и на два, и на три дня. В иные дни выпадали и свободные минуты, особенно в праздники. Один из этих дней сохранился у меня в памяти.

Помнится, это было на масляной неделе в Йоканге зимней. Программа на этот день была выполнена накануне, можно было садиться в сани и уезжать, но каюра не находилось. Выдался свободный день. Д. А. Золотарев занялся своими учеными делами, а мы — доктори я — вышли на улицу, чтобы поразмяться. Против нашего домика играли девушки и девочки. Они танцевали «шерочка с машерочкой». На улице ни одного кавалера. Нам было известно, что сегодня вечером девушки устраивают с и р п а р х т — вечеринку с танцами, что они уже сняли для этой цели тупу и приглашали на танцулька молодых людей погоста. Приглашали и нас, доктора и меня, поскольку у нас не было на руках обручальных колец. А пока они забавлялись, играя с девочками и подростками. Мы наблюдали эти игры. Две знакомые девушки посмеялись над нами, что стоим мы как телеграфные столбы, только что не гудим. Доктор сейчас же пригласил насмешницу и пустился с нею в пляс. Я пригласил Оксю, нашу соседку, и тоже начал кружиться в «кадрели». Доктор подпевал, чтобы восполнить отсутствие музыки. Шел легкий снежок. Наша снежная танцулька оживилась: пришли еще девушки, но ни один кавалер не показывался.

Раздавалось ритмичное поскрипывание снега под черными пятками белоснежной оленьей обуви девушек, мелькали их яркие платки, румяные лица улыбались от удовольствия, от хорошей погоды, от снежинок, повисших на ресницах.

Все были серьезны, все переживали удовольствие танца. Всем было весело и очень хорошо.

Неожиданно к моей партнерше подошел один из парней погоста и отвел ее к тупе, снятой для вечеринки. Там собралась вся мужская молодежь поселка. Вслед за Оксеей побежали к тупе все остальные девушки. А мы, доктор и я, отправились дальше, продолжая нашу прогулку.

Вернулись мы к обеду и были потрясены необычной новостью: все кавалеры отказались прийти на вечерку. Пусть девушки танцуют со своими экспедиторами.

Не знаю, чем кончилась история с этой вечеринкой. После обеда неожиданно подкатил каюор с тремя оленьими упряжками. Он заверил, что часам к девяти-десяти вечера доставит нас в соседний поселок Каневку.

Опять в путь-дорогу, а на дворе начиналась пурга...

Вскоре я нащупал свою линию изучения этнографии саамов. Тема кочевого быта меня давно интересовала. Я убедился, что именно у саамов легче всего исследовать причины кочевания, ознакомиться с характером их землепользования *. Мне казалось, что именно эта тема должна занять первостепенное место в предстоящих работах по изучению быта и культуры кочевого народа. Возник вопрос: кочевой ли народ саамы, и если да, то каково состояние их нomaдизма, так сказать, степень их кочевничества? Я начал собирать материалы. И сразу целый ряд вопросов и наблюдений саамского быта, приемов их промыслов, оленеводства и рыболовства, охоты вообще и охоты на дикого северного оленя в особенности начал раскрываться передо мной и «напрашиваться на карандаш», как говорили некоторые саамы.

К концу февраля мы достигли села Поной, что лежит в устье реки того же наименования на берегу Белого моря. Здесь закончились совместные работы. Д. А. Золотарев уехал домой, в Ленинград, а мы, врач и я, начали заниматься каждый своей работой углубленно, вплотную.

Наконец-то я мог наблюдать жизнь саамского народа в непосредственном общении с ним.

В погосте Лумбовском нас поместили в доме вдовы Авдотьи Николаевны Матрехиной по прозвищу Беспалиха. Дом ее стоял в середине погоста; это была просторная, очень светлая изба-пятистенок, построенная на русский манер. Хозяйка ее, полная женщина, живая и очень подвижная, не

сидела на месте, а все время что-то делала по дому, хлопотала у печи, вязала чулки, что-нибудь шила, примеряла себе или своим домочадцам. Она успевала и шанежки¹ готовить, и рассказывать мне всякие были и небылицы. Сказочница она была изумительная. Все действующие лица, их характеры и мимика — все отражалось на ее лице. Все ее жесты, движения, голос были очень выразительны. Я решил приехать к ней еще раз специально для записи ее сказок, а пока попросил ее познакомить меня с Василием Тёлышевым. Когда-то это был очень богатый человек, владелец бесчисленных стад оленей; одним словом, это был стадчик, о котором слава шла по всему востоку Лапландии. Он славился тем, что однажды нарушил запрет: посмотрел в лицо, в самые глаза, мифического существа — оленя-человека, оленя с золотыми рогами, М я н д а ш а. С тех пор он одичал, раздарил оленей, разорился от пьянства и дарений, впал в полное нищенство...

Авдотья Николаевна удивилась моей просьбе и даже покачала головой: «Пусто дело человек, что с него взять...», — но указала мне тупу Тёлышева. Чтобы ее обитатели не испугались моего появления у них, она послала к ним свою внучку предупредить, что к ним сейчас придет «экспедитор».

На краю погоста стоит маленькая хибарка — тупа. Она даже не имеет сеней: дверь из нее отворяется прямо на улицу. Густая копоть и сизый дым заслоняют тусклый свет из единственного стекла в окне. Остальные стекла выбиты. Вместо них напихано тряпье, обрывки гнилых шкур, какая-то рвань. Посуда — единственный солдатский котелок, помятый, невероятно грязный и закопченный, — стоит на столе. Нигде никаких признаков пищи — ни корки, ни огрызка хлеба или кости. Хозяйка вся вымазана сажей и черной грязью, которая пятнами лежит на ее лице и на руках. Когда я вошел, она возилась около печки. Печь уже давно развалилась, огонь можно разводить только в загнетке, между двумя камнями. На них и ставится котелок, чтобы согреть пищу, которую им дают соседи.

Направо от входа стоит деревянная кровать с обломанными досками. На ней-то, под измызганной р о в о й (спальным мешком), кто-то шевелился и дышал. Избушка была так

¹ Шанежки — ватрушки с помазкой из пшенной каши или творога и т. п. (Здесь и далее примечания автора.)

мала, что мне с трудом удалось в нее втиснуться. В углах на полу намело снег, в щелях потолка проступал иней.

В избушке вряд ли было теплее, чем на улице. При моем появлении хозяйка начала икать, руки ее тряслись. В ее глазах стоял ужас, зрачки окостенели; казалось, она сейчас закричит. От страха она не понимала, о чем ее спрашивают.

— Василий Тёлышев дома ли? Я хочу с ним выкурить табачку хорошего.

Теперь дрожала не только хозяйка, но и рова на постели. Угадывая, что под нею должно находиться плечо старика, я легонько тронул его. Рова так судорожно съежилась, так задрожал находящийся под нею человек, что я быстро отдернул руку назад. Старуха уронила какую-то крышку и закричала истошным голосом. Старик на минуту скинул с себя рову — это был совершенно голый человек, грязный, со всклоченной головой. Он в ужасе уставился на меня, затем снова спрятался под рову.

Растерянный, потрясенный этой нищетой и дикостью, я вышел на улицу. Такого человеческого убожества я еще не встречал ¹.

Вдохнув свежего воздуха, я увидел, что ко мне на помощь уже спешит Ефим Андреевич — красивый старик, больше похожий на русского, чем на саама. Он шел старческой, дряхлой походкой, а в глазах его светился ум человека, много видевшего в жизни. Ефим Андреевич, живший в Лумбовском погосте, пригласил меня к себе.

С Ефимом Андреевичем с первой минуты знакомства у нас установилась дружба. Мы провели в беседе чуть ли не весь день. Он стар, очень стар, этот человек. Для саама семьдесят семь лет — большой возраст.

— У Беспалихи остановился?

— У Беспалихи.

Он вздохнул и спросил:

— Ну?

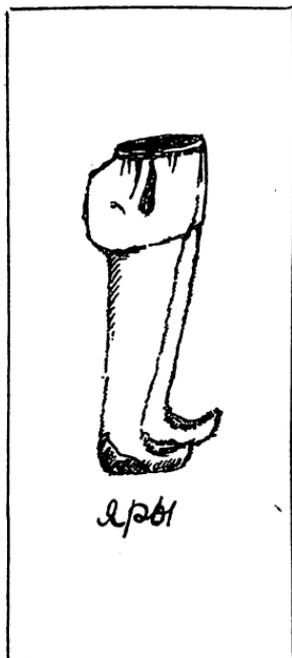
— Хорошо. Она умница, а сказки рассказывает лучше всех.

И поет!

— А в молодые-то годы, бывало... «Парус» пела...

Он прервал начатые слова и замолк. В этой паузе мне почуялось что-то грустное, невысказанное. «Тут что-то есть», — подумал я.

¹ Типы, подобные «голому человеку», встречались среди народа саами в первые послереволюционные годы. Это страшное наследие прошлого вскоре было изжито. После организации колхозов эти люди начали трудиться.

олений, сеточки, да жена, не вовсе уж старенькая, да дочь трудница, вдова. Вот и вся его опора в жизни. Сам же почитай что уж в могиле — вон и домоваина ждет уготованная, сам сколачивал три года тому назад. И для дров не гожа... Куда уж там! Самые смертные сроки пришли.

Вся его жизнь проходит в этом аккуратном домике, очень похожем на русскую избушку, только крошечную, с кулачок. Здесь все блещет чистотой. Пол прошпаклеван и покрашен масляной краской, блестит; потолок оклеен белыми обоями, протерт и отдает глянцем; русская печка-малютка стоит белая; каждая пещурка по краям окрашена синькой. В воздухе пахнет свежепеченым хлебом. «Сам» не терпит черствых краях, поэтому хлеб пекут каждый день свежий.

В этой избе, не очень-то теплой, Ефим Андреевич лежит в печке мехом внутрь, в шерстяных рукавицах и заплатанных я р а х ¹. Так он лежит целыми днями, ожидая смертного часа или добрых людей в гости. Иногда старик вдруг оживает, перестает жаловаться на боли, на старость, не молится богу, чтобы поскорее прибрал его. Это случается с ним всякий раз, как в Лумбовку приезжают «великие» гости с Руси. Вчера, когда мы приехали, он так же вот «ожил» и звал к себе, но сам к Беспалихе не пошел. Я был у него вчера, а сегодня он опять лежит холодный и неподвижный, и жизнь едва держится в его стынущем теле. (Ефим Андреевич скончался через год, в 1928 году. Незадолго до смерти гроб был внесен в избу, Ефим Андреевич лег в него и через неделю умер.)

С утра я у него в гостях. У нас было «учение»: записывали его познания по оленеводству саамов.

Свой первый «урок» Ефим Андреевич начал так:

¹ Яры — саамская меховая обувь выше колен, с пришитыми штанами.

Ефим Андреевич с жадной пытливостью смотрит на окружающий его маленький мир — мир людей своего селения и служащих Городецкого маяка. Новая жизнь в те годы даже здесь, «на краю земли», как любили тогда говорить, давала себя знать. Новое чуялось в речах редко приезжавших сюда людей, новое принесли сюда и смотритель маяка, и его товарищи. Ефим Андреевич замечал: их лихорадит, этих людей. А почему лихорадит, было непонятно. Они читали газеты, однако не очень понятными словами объясняли прочитанное.

И раньше, до революции, рядом с Лумбовкой стоял маяк. На нем жили люди. Люди из Архангельска, тоже семейные, тихие и такие же спокойные, как и сам Ефим Андреевич. Жили они на маяке, как у себя дома в Соломбале ¹, с геранями на окнах, с коровой во дворе. Они привозили свой хлеб, на пропитание себе охотились в тундре вдоль берегов и добывали рыбу в море. А эти люди, «московские», — совсем другие люди: говорят, как сечкой секут, ходят быстро, решают быстро, даже в гости приходят наскоро, а молоко-то — в банках! Что случилось в мире? Куда это нужно торопиться? Для чего? Вот задача непонятная! Но больше всего удивляло: хлеб не они сами привозят, а для них особый завоз. И еще — в бумажке, что на стене в коридоре маяка прибита, все расписано, как им быть и как им жить.

Когда он бывал в гостях на маяке, то больше возился с ребятами и заставлял маленького Мишутку читать, что ни попадет на напечатанного буквами, не исключая и «Правил внутреннего распорядка», тех, что висели в коридоре маяка. Впрочем, все это было давно, еще до того, как он построил себе домовину. — гроб, что стоит за амбаром, укрытый дровами.

Ефим Андреевич остался от отца с тем, «что на себе есть», — п е ч о к ² да ножик на поясе. Вот и все.

И стал он своим умом жить: домашних оленей берег, а кормился дикими оленями. Этим он сохранил стадо сыну и себе под старость. Не хуже, чем у других людей, было — двести пятьдесят голов! Жить можно! И не случись великого горя — смерти сына, не видеть бы ему этой скудости, в которой доводится умирать. От всего стада у него осталось пять

¹ Соломбала — часть Архангельска, расположенная на острове того же названия.

² Печок — меховая одежда саамов.

— Мы не пахари, мы не косари... Мы олений народ. Наш хлеб — олень-батюшка. Его кормом живем: мох белый, ягель...

Мудрый зверь олень, и корм его не простой. Хочешь быть сытым — знай, как беречь и холить оленя, ну а первая причина все-таки ягель. Умей пасти оленя на ягеле, и будешь счастлив человек — так надо сказать!

Мокро — ягелю плохо; не хочет он расти на прямой болотине. А вот где посуше — ну, однако, не во все сухое место выбирает, — родится хорошо: подушками расстилается и разрастается, заполняет собою всю землю. Оленю раздолье, а пастуху глаз да глаз: не слишком ли сухой ягельный росток? Сухой ягель очень хрупок. Олень, когда пасется в жаркий день, травой кормится, ягель не трогает, а ногами он его крушит и рушит, отбивает живую верхушку, в которой вся сила ягеля. Думаешь, беда? Нет, это еще не беда! Это даже хорошо. Олень порушит ягельный покров — свежий воздух проникнет в середину ягельной подушки, каждому ростку ягеля легче дыхание, лучший рост. Это во благо!

О ягеле.
Сказка
«Землюшка,
прости»

А вот беда бывает, когда неумелый или лихой пастух в сухой жаркий день, да хоть бы и не в жаркий, а в мокрый, когда земля топкая, прогонит стадо густо. Есть такие, что всегда стадо держат густо. Тысячи оленьих ног порушат ягель, повалит ростки, вомнут их в землю, черная земля выступит — это «черная тропа» называется. Это горе! Это беда! Болеет ягель, болеет земля.

Ягель растет тихо, очень медленно — это надо знать. Побитый ягельник возродится только через пятнадцать лет!

Теперь побили нашу землю, наши ягельники, наполовину побили их стадачки¹.

Деды и прадеды и прадеды наших прадедов учили нас: «Землю надо беречь. Как она досталась нам в поросли трав и во мхах, поросшая лесами и кустами и всякой зеленью, так и беречь ее надо зеленую. Будешь беречь и холить землю зеленую, веселую — и сам ты будешь сыт, здоров и весел человек». Вот как говаривали старики, наши п р а у д е д к и.

А еще в старину говорили: «Землю люби, не брани землю: ты на ней

¹ Стадчик — крупный оленевод.

живешь, ты ею кормишься; ягель-мох кормит оленя, олень кормит тебя; грибы, ягоды и травы кормят оленя, да и тебя также, а еще и лечат тебя. То надо знать, и землю надо любить. Ты хозяин — береги землю, она твоя кормилица.

Не брани землю, не кори ягели, и травы, и дерева... Это все твое, это ты, тебе на благо дано. Береги их, пусть растет и цветет, не ломай, не обижай землю без надобности».

Не любит кровь, чтобы ее на свет показывали. Видишь, тело-то твое кожей покрыто, твою кровь бережет? Великая беда, если кожу нарушить, если кровь на солнце окажется. Это рана, это боль, отсюда и болезнь и смерть случаются. Так же и земля: нельзя ее черною показывать! Пойдешь ли сам или оленей погонишь так, что они ногами сделают «черную тропу», — то грех, то нельзя... Беда будет...

Вот что было у нас здесь недалечко.

Один парень пошел в лес перевязать оленей: надо было поставить их на свежую траву, на ягель.

Уже вечер настал, роса выпала, веревки, которыми были привязаны олени к березкам, намокли и набухли. Не удавалось ему отвязать веревку последнего оленя. Парень ругнулся и со злобой дернул вязку — земля вывернулась черная; застонало, закричало деревцо, к которому был привязан олень; сломилось оно.

Парень узел развязал, оленя переставил в кусты, где корму побольше, и пошел себе домой. Лег спать и крепко заснул.

Тяжело заснул. Во сне забрался в него бес — ч о н к а п п е р¹. Заболел парень. Всю ночь черт шалил в больном. И горячка его трясла, и било его, и трепало так, что вся рубаша на нем изорвалась. Боялись, помрет. Тут и сознался он матери, как он землю обидел, как земля стонала.

На другой день спозаранку мать пошла на то место, где ее сын деревцо выдернул и черную землю обнажил, где земля стонала.

Пришла. На землю пала, сказала земле:

— Землюшка, прости².

¹ Чон-кашпер — буквально «востра шапка».

² «Урок» Е. А. Данилова записан с его слов по памяти. Позднее записана притча, которая носит название «Мяндашка прос», или «Землюшка, прости»; запись сделана в 1961 году в Лапландском заповеднике у престарелой сказительницы Василисы Архиповой (род. в 1900 году).

Беседа окончена. Я собрался уходить.

— Остойся-ко, Владимирушко!

Он перевел дыхание и, помолчав, посмотрел в мою сторону усталыми глазами.

— Скажи мне — ты из больших городов человек, многих людей видел, — чего это делается на свете? Нам допреж сего от нашего кореню человеческой жизни закон был дан: олень тебе и корм, и совет, и покой твоим детям, любовь, и все. Вся наша жизнь — олень. Мы сами почитай что олени. Право слово. Одно оленьё мясо едим, оленьями укрываемся, и одеваемся, и согреваемся, да как же не олени? Оленю и песни поем!.. Олени и есть. Только обликом не те, а так же бродим по свету, как они же. Так как же мы не олени? Олени мы, олени...

Теперь другое скажу.

Жили мы — боялись царских людей... Бывали времена — приходили купецкие люди из Архангельска, тяжелыми глазами смотрели на нас. Иокангских-то людей согнали с их родимого места. Иоканчане коё-где, коё-как по тоням прятались... А все ж таки, где ладом, где хитром, где калачом, уладились: ушли те, а саамы на своем месте живут. И жили мы, и плясали, и бога славили, и своего добра не боялись. Скажи же ты мне, чего такое в свете сотворилось?

— Марье, — окликнул он, обращаясь к жене, — выдь-ко на малое время.

Когда она вышла, он сказал:

— Я не колдун и не н о й д а, но я много слышал от наших знаткйх людей — я их понимал. И попы приезжали... У них что поймешь, а чего и так... Однако свечку ставил. Ну так вот, по-нашему не так получается, как по свечке. Ты сам посуди: всякая тварь человеку дана — ну там рыба, дичь, пушной зверь... А вот олень — он сам мне дает. Он есть, и я есть. Если я его заколол, кровь пролил — это я свое оленьё, как свое человечье, пролил *. В старину говаривали: оленью шкуру в воду ¹ — она вернется. А мясо я съел — я есть жив человек, и дитя от меня идет и множится, и олень жив моей силой, мною же плодится. Не гляди, что я за диким оленем на охоте гоняюсь, а бывает, в бой иду, и глаз потеряю, и раны, и ссадины — ништо! В смертном

¹ По древним представлениям саамов, море, проточная вода все принимает и возрождает. Шкура оленя, опущенная в воду (проточную), вернется в виде живого оленя.

бою все живем, живем и дородно живем. Хорошо, дай бог, жили — страху в этом не было, потому что наши души где-то ли там друг со другом борются. Как там, так и тут аукнется... А теперь мы этого боя не знаем, не слышим, не верим... Вот поди, Беспалиха, твоя хозяйка, своих же оленей боится. Ведь это, по-нашему, себя бояться, руки, головы своей бояться. Мы в своей земле жили — своего никого не боялись, жили в мире и миром, потому что все были в одном — олени. От оленя никуда. Страшно было без оленя оказаться — вот этого боялись. Несчастен тот человек, что без оленя остался. Чужого человека, безоленных людей боялись. Чуди (чужеземцев) боялись, очень боялись... А ты знаешь русаков с Терского берега? Было время, мы их тоже боялись... воевали! А смотри-ка: где подарили, где кому продали оленей, а там, гляди, научили их, этих терчан, как с оленем нашим водиться, и на охоту их научили ходить, на диких-то... А ты думал как? И нету страху между нами, они теперь люди оленные, нам от них, им от нас урону нет, мы с ними в оленях одно. Они другого роду-племени, и язык другой, а, где надо, мы понимаем все, что нам нужно. А Беспалиха своего оленя боится! Вот о чем говорю! Как ее здоровье-то, Беспалихи? Давно не бывал...

— Что ж так?

— А кто знает? Так вот, отцы, матери...

Я подумал: «Ох, не криви душой, старик. Где твой отец, где твоя мать?» А вслух сказал ему так:

— Да ничего старушка, все шутит, веселая, не жалуется...

Старик закрыл глаза и устало покачал головою:

— Не уходи-ка, я тебе скажу, тогда ты поймешь чего ли то... Отнимает от меня мыслю, вовсе отнимает... Вчера ты у меня спрашивал: Мяндаш? Мяндаш? Вот я тебе и говорю это все про Мяндаша. Матрена-то, наша прародительница, — она была за Мяндашем замужем!

Он закрыл глаза, с видимым усилием напрягая память, бормотал своими синими, стариковскими губами. Едва улавливались странные слова: «Ыштырь, пыштырь... йанизам...»

— Вот старость: метусится ум... А что на ум приходит? Вовсе мы обрусели — свое не помним. Свое спрашивают — не знаем.

Вдруг он засуетился, поднялся с подушек, вперился подслеповатыми глазами в бумагу и, держа ее длинным пальцем, приказал:

— Пиши, пиши... по-саамски пиши:

Ыштырь, пыштырь, кошторам,
колмогорра, ниеллегорра.
Рийталахта йанизам,
ймдид коз оаккад?

Пиши, пиши крепче... Это туда, вниз, а поначалу вот что надо написать: «Из-за Каменского, из-за Лимандров далеких, где-то из нутра Земли, от морё-окияну... бежит... бежит Мяндаш-пырре, начало дикарского кегору... Мяндаш-пырре бежит, Мяндаш-пырре летит... и встрепенулся...»¹

Ефим Андреевич спешил, торопился уловить и удержать нить набежавших воспоминаний. Они у него рвались, он не совсем понимал, что говорит. С натуги на лбу его проступал пот и слезы на глазах.

— Ничего, путаюсь я, а ты пиши знай, пиши... Дома разберешься, сам поймешь что к чему...

Получалось что-то отрывочное, рваное, непонятное, смысла чего я не мог ухватить.

Татте чигр, Мяндаш чигр...
Эта тундра — Мяндаша тундра...*

Кончил он и опять откинулся на подушку. Старик совсем изнемог.

— Поди, поди... Худо мне... Видно, погода идет.

Я подождал уходить, пока он улегся удобнее, пока не заснул.

К нам на квартиру, к Беспалихе, пришел Ефим Андреевич. Веселый пришел и здоровый. В лице Авдотьи Николаевны, шестидесятилетней женщины, проступил такой румянец, словно ей сорок лет с плеч скинули. Ефим Андреевич подчеркивал свою дружбу со мною, напирал на то, что вот Владимир велел прийти и он пришел. Не один раз сказал, что он-де дал Василию свою чистую рубашку: надел бы он, этот Василий, его рубашку, когда придут к нему заниматься. Степенно спросил о здоровье хозяйки, она ответила и пригласила его заходить к ним на беседу — народу у нее всегда есть. Ефим Андреевич рассказал всем, как испугались меня у Василия, и потешался над несчастными стариками.

Авдотья Николаевна была неузнаваема — помолодела, румянец, глаз не поднимает, и в голосе нежный бархат.

¹ Полный текст песни о Мяндаш-пырре приведен в главе «Праудедки».

Сидела она не за столом у окна, как обычно, а в тени, поближе к углу. Она что-то сказала по-саамски, что — я не понял, после чего Ефим Андреевич разгладил бороду и усы.

Беспалиха вышла на кухню. А когда вернулась, глаза ее были после слез.

— Пойдем к твоим старикам, — сказал Ефим Андреевич, — теперь Василий скажет что знает, все скажет... А только и он жалуется, и у него память стала ущербна. А рубаху я ему дал свою: голый ведь человек, вовсе голый. Вот уже семь лет так лежит!

Мы вышли на улицу. Ефим Андреевич продолжал свой рассказ:

— Первый у нас был человек, на всю Лумбовку первый. Василий Тёлышев — не шутовое дело, тысячник! Оленщик! Брага и пиво не переводились, работники, дом в обоях... Спалил он этот дом... Над всеми лопарями был первый человек, по всему нашему Терскому краю... Бывало, стадо идет — сила, словно туча надвигается, не стадо, говорю тебе, — туча. Случилось что — неведомо, разное сказывают; то ли заглянул, куда не след смотреть, а только начало у него стадо расползаться¹.

Распалось стадо, и хозяин его распался. И что с ним такое соделалось?! Но все пошло прахом! Что пропил, что раздарил, а что и так, между рук, ушло... Пустой человек, своего слова не имел. Такое большое наследство досталось, а сохранить его ума не хватило... Это не Панфил! Ему бы эту силу — тот бы всех нас скупил и перепродал... Ты, однако, спроси Василия, спроси его чего тебе надобно.

«Пустой человек» на этот раз встретил нас сидя, полукрыльшись ровой. Ситцевая рубашка была свежей. Чистота ее еще сильнее подчеркивала одутловатость сморщенного лица Василия, явного рамолика.

Грязь и убожество тупы были неумело прибраны. Ста-руха Василия забилась в угол, за кровать. Она принарядилась, надела на голову старинную меховую шапку, в ко-

¹ Стадо оленей, достигшее примерно 2500 голов, уже трудно удерживать обычным количеством пастухов; и вообще оно уже плохо держится одной мас-сой. Как правило, например, оленеводы ижемцы и ненцы стадо, перевалившее это число голов, разделяли на два, на три стада. По-видимому, стадо Василия Тёлышева достигло предела, пасти его обычными приемами стало трудно. Василий не сумел уберечь своих оленей. Страсть к дарениям довольно харак-терна для саамов в прошлом. Она отмечалась еще в 1870 году Дергачевым,

торых женщины выезжают в дальний путь. Эта шапка и до сих пор красуется в Русском музее в Ленинграде.

Говорить с Василием трудно. Он не понимает, о чем ему говорят по-русски, еще меньше доходят до него мои попытки разъяснить вопрос на саамском языке. Его беззубый рот шамкал — записывать было невозможно. Не будь Ефима Андреевича, не знаю уж, чего бы мы добились от этой умственной и моральной развалины.

О конце мира он слышал от стариков из Каменского погоста. И сам пел ладом, а теперь сказать не может, толком ничего не помнит. То, что передал мне Ефим Андреевич со слов Василия, было не ново, но звучало иначе. Порою улавливались намеки на ритм.

Тот же Великий Гром гонится за белым оленем с черной головой. Так же рассыдутся горы и воды, тот же запрет смотреть в глаза волшебному оленю...

— Говорят, ты видел его, ты смотрел ему в глаза? Какой он?

В глазах Василия мелькнул ужас, он юркнул в меха. И опять мелкой дрожью тряслась рова, дрожала старуха, готовая броситься и защитить своего Василия.

Уговоры Ефима Андреевича ни к чему не повели.

Мы встали и вышли на свежий воздух.

Ефим Андреевич, единственный из саамов, строго осудил затею иокангских стариков восстановить моления старым богам. Многое знал он из религиозного быта саамов, но на вопросы мои с искренним презрением говаривал: «Пустое дело», «То пустяки», «Чего тут разговаривать», «Это слов не стоит».

Но легендой о Мяндаше он восхищался, идею песни о нем признавал истинно саамской — это было красиво, это было «истинно так».

Не будучи в силах восстановить ее в памяти, он с наслаждением прослушивал песню о Мяндаше-пырре в моем изложении еще и еще раз. Придирчиво исправлял ошибки.

Мое умение записывать его речь по-саамски и так же читать вслух, и притом так, что он все понимал, изумляло его и приводило в восторг.

В доме у Ефима Андреевича трудно было с керосином, а сам он уставал от сборища людей. Поэтому мои беседы перенесли опять к Беспалихе. Теперь приходили сюда все

хозяйева Лумбовки. А одна из бесед вылилась в настоящее заседание сельсовета. Это было в доме у председателя.

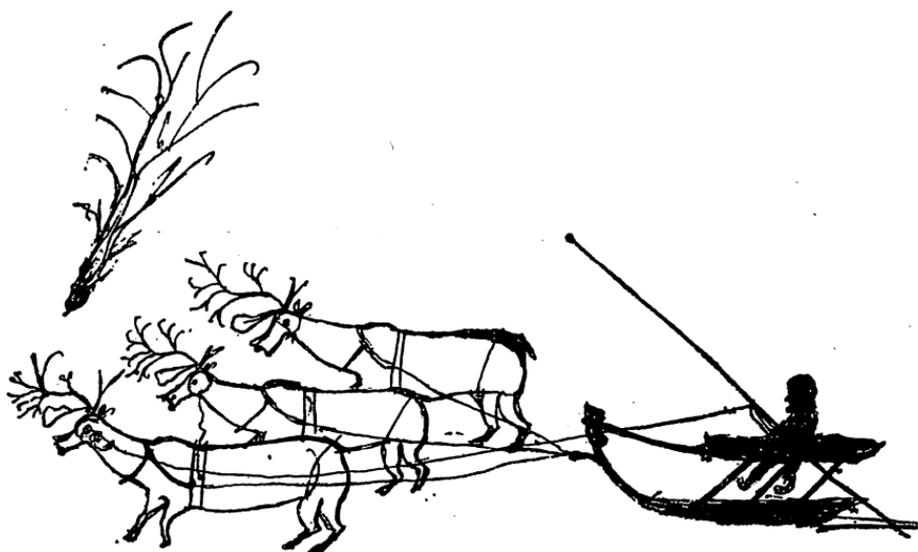
Лумбовцы хотели поскорее поднять свое оленеводство. Лучшим средством для этого считалась постройка оленней изгороди вокруг пастбищ, общей длиной, исключая озера и реки, не менее ста километров. На долю крупнейшего оленевода Лумбовки Трифона приходилась одна треть всей ограды. Трифон тоже стоял за изгородь, но строить на свои средства тридцать километров отказался.

Когда я вернулся домой после заседания, Авдотья Николаевна еще не спала. Изгородь ее не интересовала, у нее были свои планы. Между прочим, между слов она навела разговор на то, что вот вспомнилась ей песенка «Парус», ее певала она в молодые годы.

По морю суденьшко бежит,
Парус беленький виднеется.
Мимо милой ты идешь,
Мимо нашей салмы¹.
Ты в мою сторонку
Посмотри, мой милый!
Я в окошечко гляжу.

На другой день рано утром мы уехали.

¹ Небольшой низменный полуостров, вдающийся в озеро или в море; иногда через салму перекачивается вода.

Поперек земли

В Иоканге

*Сказка об англичанах в Иоканге. —
Иокангский сейдушка*

Однажды, еще в студенческие годы, мне представилась возможность поехать на практику — либо на Алтай, либо в Крым, или «куда хочешь». Я выбрал «куда хочешь» и поехал на Мурман к саамам. Маршрут был выбран не через озеро Имандра, где по дороге Кандалакша — Кола издавна ходили русские поморы. Решено было ехать морем, через Архангельск, на реки Поной или Иокангу. Их суровые берега привлекли мое внимание еще в 1922 году, во время поездки по Белому морю. Мне говорили, что где-то тут, в глуши лапландских тундр, ютились саамские поселки. На десятиверстной карте Генерального штаба издания 1872 года эти поселки были показаны как-то странно — все в двойном количестве: там Верхнекаменский, там Нижне-

каменский, а тут еще и Летне-Каменский, и тут же недалеко еще и Куроптевский летний и зимний погосты¹. Что это за верхние и нижние поселки? В литературе о них ничего толком не сказано. Из этнографов в Каменском погосте никто не бывал. Пробраться в эту глушь надо морем, минуя мыс Святой Нос: здесь сувой², тут древний волок, тут живут легенды. Что-нибудь интересное должно быть! Крайний восток Кольского полуострова в географическом и этнографическом отношениях — «белое пятно». И вот однажды ранней весной на пароход «Субботник» поднялся молодой путешественник самой туристской наружности. Студент-практикант в открытом море.

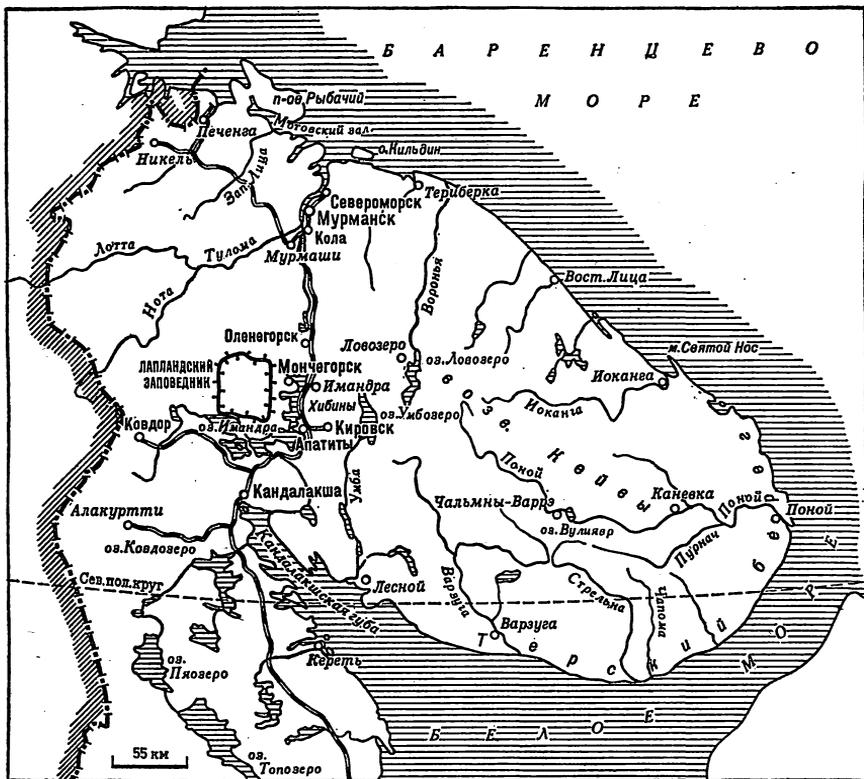
Задание самое простое: пересечь Кольский полуостров «поперек земли» — мимо Святого Носа в бухту Иокангскую, в погост Иоканга, отсюда горной тундрой в погост Каменский, через реку Поной, потом пройти пешком до реки Варзуги, а дальше — неизвестно как — до села Варзуга на Терском берегу. Это, конечно, был самый интересный участок пути. Однако пунктир на карте показывал на Варзугу только зимнюю дорогу. Село это знаменито древностью поселения и славится семгой того же названия.

Никто не ставил мне никаких научных задач. Просто надо посмотреть Лапландию — ее землю, ее горы, реки и озера, ее тундры и леса, ее травы и кусты, лишайники и кустики, собрать гербарий. Мне хотелось ощутить эту землю своими ногами, увидеть своими глазами, своими ушами услышать сказания саамской старины. Обо всем этом надо было рассказать товарищам по институту и профессорам*.

Начало июня. На севере это ранняя весна. Озера и реки только-только освобождаются от льда. Снег еще лежит во многих местах; все расщелины в берегах заполнены им доверху. Море спокойное и блестящее, как опрокинутое зеркало. Оно протянулось бесконечностью до самого горизонта. Еще очень рано. Солнце стоит низко над морем, оно лимонно-желтое; все тени зеленые, почти синие.

¹ У населения саамских погостов (поселков) имелись разные сезонные жилища — зимние и летние. (Прим. ред.)

² Сувой — водоворот.

Кольский полуостров

Пароход выгрузил на пристань грузы, прибывшие в кооператив погоста Иоканга. Выкинул и я свои, мне хотелось бы сказать «рюкзаки», но в те времена нынешних рюкзаков еще не было. Были только дорожные мешки самого простого устройства. А в моих руках был еще саквояж и древнейшего вида чемодан. Обе эти вещи приспособлены, во-первых, к тому, чтобы на них можно было сидеть и одновременно спать, а во-вторых, к тому, чтобы они промокали как можно быстрее и глубже.

Саамы, приехавшие встречать пароход и грузы, доставили и меня в поселок. Тут я обосновался в школе, чтобы не тратиться на оплату квартиры. Приходилось терпеливо ждать времени, когда растают снега, освободятся от льда

озера, а реки войдут в берега. Кроме того, надо было подождать попутчиков на Терский берег. Это были два печника: старик Афанасий Иванович, родом из Архангельска, и Серега, молодой печник из Мурманска, который ехал ремонтировать печь на фельдшерском медпункте в Ивановке, а также подработать у богатей этой деревни. Выяснилось, что Ивановка — это маленький поселок коми-ижемцев, еще не нанесенный на карту. Афанасий Иванович впервые после изгнания интервентов объезжал «свою епархию» — Терский берег и терских саамов, как это было заведено им со старины, то есть еще до первой мировой войны. Существованием новой деревни Афанасий Иванович был весьма заинтригован, так как прослышал, что это поселение сильно богатых оленеводов, которые живут в больших хороших домах. Как оказалось, печники уже сговорились с проводником — саамом Афоней. Испытав мое терпение, Афоня наконец согласился доставить и меня в Каменский погост за весьма солидную сумму.

Печники обещали Афоне, кроме платы, небольшую додачу да маленький ремонт камелька в его тупе. Со своей стороны я мог обещать для такого случая только ремонт часов (ходиков), которые я лихо умел купать в керосине, после чего они начинали лихорадочно убежать вперед. Впрочем, это было неважно, так как белые ночи и полуночное солнце и без моего усердия перепутали все часы в Иоканге.

Дни ожидания я решил использовать для прогулок по берегу моря, к озеру и в глубь материка. Комаров еще не было, поэтому прогулки были очень приятны. Ходить по камням и по торфу легко. А наблюдать, как из-под снега пробиваются ростки трав и цветки анемонов, было большое удовольствие. Они бодро поднимали свои ножки с цветками и тянулись к солнцу. Порой даже забывалась досада, с которой приходилось вытаскивать ноги из вязкой земли или мокрого торфа. На болотистых местах, где веселая зелень покрывала землю, уже лезли из земли грубые ростки чемерицы. На вернушках холмов виднелись багровые и пунцовые пятна камнеломки. Она обладает способностью распознаться по торфяным кочкам и оплетать валуны. На склоне оврага, что по дороге к озеру, я любил отдохнуть и сейчас же без труда находил побеги лугового чеснока. Насобирав полдюжины луковок, я относил их Марине, у которой столовался.

Прогулки я совершал в сторону Иокангского озера, на

запад по зимнику к радиостанции и за реку, к Иокангской губе и дальше. Иногда уходил в глубину тундры километров на пять, а может быть, и больше.

Удивляло: с моря, с парохода, берег казался высоким, подчас даже обрывистым и сумрачным, а с суши это были мягкого рельефа увалы, постепенно спускавшиеся к морю. Поверхность земли была словно устлана тканым ковром очень мягких зеленовато-бурых тонов. Однажды я углубился километров на десять внутрь материка и оказался на гребне кристаллического плато. Где-то внизу, едва различимые глазом, синели поселки у радиостанции и маяка. Здесь, на плоской высоте, гладкая пятнистая тундра, пятна обнаженного суглинка размером в полметра или супесь со щебнем. Пятна тянутся на запад, покуда глаз хватает. На юге начиналась кочкарная тундра с кустами карликовой березы, черники, голубики, морошки. На севере пятнистая тундра переходила в тундру, заросшую вороникой, а на самом берегу обнажалась горная порода с порослью лишайников и редких кустиков разных ягелей. На правом берегу реки Иоканги, против селения, «лесок» и луговинки — пожни редких жителей Иоканги, имеющих коров. Некоторые из этих пожней овеяны легендами.

Такова пожня Степанова трава. О ней я записал интересное предание — с а к к у, или сагу, бывальщину*.

Было это в досельное время. Не так-то давно: на памяти наших прадедов. Ну, однако, не раньше.

Жил в те годы в Иоканге нестарый еще лопин — Калина Степанович. Это его отец взял под себя пожню Степанова трава — вон, на том берегу виднеется! Там, против этой Степановой травы, на нашем берегу его вежа стояла. Там он семгу

Сакка
об англичанах
в Иоканге¹

ловил, там у него был котелок, недавно купленный, там и жил он в своей вежущке. Очень хитрым мужиком уродился этот Калина.

В те годы, в молодые годы Калины, царь брал лопарей на военную службу. Приехали за новобранцами, а Калина в лес подался. В другой раз приехали — тоже в нетях. В тре-

¹ Во время Севастопольской войны англичане бомбардировали город Кому и кое-где берега Кольского полуострова, а в Иоканге даже высадили десант, причем саамы отстреливались, обороняя свою землю.

тий раз требуют, а Калины нет... Старостой тогда ходил Иван Игнатович Матрехин, умный был старик; он отписал в бумагах: «Умер Калина Степанович Титов». Нету... Умер так умер — и стал жить Калина в мертвых.

Жили-пожили. И вот пришло такое время, что англичанка стала к нам похаживать. Никто их не звал, никто их знать не знал, а только они мимо нас на своих кораблях плавали, да и не одними суденышками, а многими. Где-то там постреливали, кого-то там пугали, а все больше около Поноя крутились; бывало, и в нашу губу захаживали. В Архангельско не стало пути — ни приезде, ни уезду.

По такому случаю роздали нам, лопарям, на каждый погост по ящичку ружей. Тяжелые это были гремяхи, нам не по росту. Ну, гремяхи они и есть гремяхи: грому много, толку мало. Однако против наших шомполок они стреляли очень хорошо. Нам нравилось забавляться с ними и стрелять из них.

Один раз зашел англичанский корабль к нам в губу за пресной водой. Высадились они у Степановой травы. Как узнали, что вода тут хорошая?

Старики наши про то проведали. Похватали гремяхи, побежали за горюшку, что на нашем берегу, против Степановой травы, залегли и давай стрелять. Стреляли и стреляли, так, больше шутки ради. А шутка-то получилась плохая: убили одного англичанина!

Ушли они, а вернулись на наш берег. Высадились не пустые, а с орудием. И пошли на приступ, пленовать наш Иокангский «город». Старики наши за пригорком притаились, готовят им угощение.

Калина оказался упрям: не захотел он дом свой, и котелок свой, и семгу свою англичанам оставить. Посмотрел туда, посмотрел сюда: тут и дом, тут и рыба сваренная, и котелок с ухой ждет — бери ложку и хлебай! Жалко отдавать уху.

— Не дам мою семгу англичанкам отведать!

Отвернул он от котла проволочную ручку, чтоб не могли котелок унести, проволокой вокруг пояса обмотался, а сам спрятался за камень, что повыше вежи лежал, и начал палить по англичанам, только пули засвистели. Англичане строем идут, орудию тащат, впереди начальники идут. Пуговицы на них сверкают,

эполеты блестят. Идут и стреляют.

И наши стреляют по ним. Англичане остановились и ахнули залпом. Наши побежали, а сами знай стреляют. И пошла у них перестрелка до обеда, на обе стороны. Старик Калина не убежал. Ругается и все боится: вот-вот англичане его вежу разнесут, его семгу съедят. Сидит за камнем Калина, постреливает, свою вежу бережет, свою семгу жалеет, а сам смекает: если англичане еще вперед пройдут, он окажется у них позади; тогда он в свою вежу вскочит и отстоит ее, не даст ее в обиду, отстреляется: он их видит, они его нет! Чья возьмет?

Англичане мимо вежи прошли, не тронули, даже не заглянули в нее. А Калина между тем знай себе стреляет из своей вежи, свой котел бережет, свою семгу спасает. Палит он из своей гремяхи раз за разом, и оказался он совсем уже позади англичан.

Англичане иокангских ребят и стариков-то наших пугнули, а сами дальше не пошли; изуродовали все семужные сети и тони разорили.

Калинову вежу обошли, хотя она на пути стояла,

однако в стороне, мимо прошли.

Калина загордился: это он англичан прогнал. Это он Иокангу-город отстоял!

Мало времени прошло, стало слышно: царь требует Калину к себе, хочет посмотреть, каков он есть, тот лопарь, который один Иокангу спас.

Требуют Калину из Колы — Калина не идет. Другой раз требуют — Калина в лес побежал. На третий раз царь дает приказ: изловить и предоставить обязательно!

Словили Калину и в цепи заковали.

А цепи не держат! Он-таки был немножко знаткой, просто сказать, хитрый мужик. Опять Калина-убег.

Еще сколько-то времени прошло, Калина поехал за дровами; дровишки привез, а сам говорит ребятам, что тут играли: «Детки! Когда шляка¹ придет, скажите мне, скажите, когда шляку завидите!» А шляка-то уже в берег ткнулась!

Эполеты светятся, духами по улице понесло — то молодой начальник со шляки сходит, прямо к старосте идет. Так и так, говорит, за вашим Калиной приехал.

¹ Шляка — небольшое судно.

А Калина тем временем на озере сижков ловит...

Староста Иван Игнатович отвечает, что Калина умер, нету того Калины. «Да вы не извольте беспокоиться, будет вам Калина не хуже покойника».

Молодой начальник не верит, спор затеял.

Иван Игнатович отвечает: «Ваше высокоблагородие! Он умер! Посмотрите в бумаги!»

Ну, завели начальство на отведенную квартиру. А там дочка-красавица. Начальнику бумаги показывают: вот, поглядите, Калина умерши, он у нас в нетях значится.

А начальник в бумаги не смотрит, он девкой любит-ся, глаз не оторвет. Ему говорят: «У нас другой Калина есть, на того похожий. Вот, извольте посмотреть!»

Куда там! Начальник от девушки глаз не отводит, сахаром угощает, ничего не слышит и не видит. Насилу-насилу усадили начальника в шняку, брагой напоили и в путь отправили. Другой Калина его до самой Колы вез.

«Вот,— говаривал Иван Игнатович настоящему Калине,— умный поп тебя крепил! А ты от своего счастья убега»¹.

Степанова трава — красивое местечко. Березняк, елки, даже можжевельник, изредка попадаетея и рябина, ивняк, карликовая береза — все они растут среди хорошего травостоя и сбегают по южным склонам холмов; там, где посуше, они исчезают вовсе. Еще можно встретить хвощи, черемшу, шведский дерен, манжетку, вейник, тимофеевку — все это наши, родные растения. Однако некоторые из них такие маленькие, карликовые, что становятся неузнаваемыми.

На открытых и более высоких местах между валунами и обломками каменных плит стелется береза-крошка — *Betula nana*; ее крошечные круглые листики слегка зазубрены по краям. Она старается заполнить собою все пространство, излучая от корня ветки, кривые и капризные, подчас корявые. И всюду между ее ползучими ветками виднеется ягель. Он очень редко сидит одиноким кустиком, обычно же занимает целую площадку, располагаясь на ней подобно подушке на кровати.

¹ Записано у сказителя Михаила Ивановича Титова, 65 лет, в 1927 году (погост Иоканга зимняя).

Нередко между березками и ягелем встречаются кочки. На них посуше, и тут поселяется брусника, иногда попадаются кустики морошки. Осенью, когда наливаются ягоды соком и солнцем, это самая веселая картина в тундре. Однако не на всяком месте, где отыскиваются листья морошки, найдешь ягоду морошку: она любит места потеплее, повлажнее и солнечные.

Очень часто между камнями и кочками из-под самых ног шмыгают мыши пеструшки. Спинка у них пестрая, головка большая. Это храбрый зверек! Если ему кажется, что на него нападают, он становится на задние лапки и бьет зубками в руку, в ноги человека, в морду оленя, пользуясь головой как молоточком.

Все время, пока мы шли по тундре, и тут и там, вдали и вблизи встречались валуны, лежавшие на самых вершинах горок. Иногда это были искусственно сложенные дорожные знаки саамов, но очень часто простые природные камни. Нередко они покоились на двух-трех камешках, причем с подветренной стороны у некоторых находилась лужица прозрачной воды.

Сегодня был очень жаркий день. Земля сильно прогрелась. Появилось марево. Порой оно настолько сильно, что прозрачной полосой отделяло валуны от земли. Верхняя часть их как бы повисала в воздухе. Если марево очень сильно, весь валун видится дрожащим. Кажется, вот-вот он оторвется от земли и полетит над землей, по воздуху.

Был я в гостях у весьма уважаемого оленевода Лазаря Федотовича Матрехина. Он оказался на местах отела, где ухаживал за стельными важенками. Я пошел к нему в тундру.

Оказывается, не так-то это просто — принять теленка и поставить его на ноги. Хозяин помогает оленухе в случае трудных родов, переставляет ее с места на место до родов и после, чтобы всегда у нее был хороший корм и свежая вода. Иногда хозяин выступает в роли акушера. Бывает и так, что сам он справиться не может, и приходится звать особого специалиста. Называют этих мастеров п а с т а й, видимо от русского слова «пастух». Таким знатоком в Иоканге ходил Михайла Иванович Титов, человек знатной фамилии, особо уважаемый всеми оленеводами. Отел проходит очень просто. Важенка-мать стоит привязанная на особой вязке к камню. Местечко выбрано так, чтобы матери был доступен хороший корм, и свежий ветерок, и вода. Корм — пушица

на болоте, мягкие осоки, корешки деревьев, ростки трав, почки кустов, а главное, ягель. По сути дела главная трудность ухода за матками заключается в частой их перестановке. Оленьи ребятки удивительно симпатичные создания, однако только после того, как они начинают бегать. До этого момента они так беспомощны, что их почти не воспринимаешь,— они все время сосут мать, едва держатся на дрожащих ножках. Когда они начинают ходить, хозяин отпускает важенку на волю, и вскоре она уходит в тундру одна со своим теленком.

Солнце назойливо стоит над горизонтом. Рабочий день давно уже надвинулся на ночь. Люди спят днем, как ночью, работают ночью, как днем, до семи часов настоящего утра. Когда солнце опять стоит «высоко», ложатся спать. Все мужчины на отёле. Они круглые сутки ухаживают за важенками. У женщин день тоже разбит: то они трудятся, то отдыхают, то несут мужьям перекусить и опять валяются спать не вовремя: «А не спится».

Я не могу уснуть, брожу круглые сутки, валюсь спать, где застигнет жажда уснуть. Хорошо, что дни стоят солнечные; хорошо, что мой плащ не промокает, а полушубок всегда теплый, всегда с собой. Зори вечерние сливаются с новыми зорями, утренними, совсем незаметно. Небо пылает закатами и восходами сразу, оно словно угрожает пожарами.

Суда, стоящие у пристани и на рейде, насквозь прозрачные, они стоят сонные, почти неправдоподобные. У водопоймины, то есть у той береговой полосы, по которой ходит приливная вода, едва слышен плеск волны.

Еще вчера Марина подговорила Пронея, сына Ласьмитрая, пойти со мной к иокангскому сейду*. Проней, паренек лет пятнадцати, долго собирался. Когда он явился, солнце уже перевалило за полдень. Однако Проней заверил меня, что до наступления «темноты» мы успеем вернуться. Отправились. Проводник мой оказался довольно-таки молчаливым созданием. От него я не мог добиться ни одного внятного слова, чтобы уяснить себе, что такое сейды.

У самого устья Иоканги, где река выходит из крутых, отвесных берегов в «большие воды» морского прилива, вода достигает подошвы двуглавого возвышения, на водоразделе которого, немного пониже, находится сейд. Он сто-

ит как бы в ложбине этого возвышения, среди болотца. Кругом поросль березняка. Тут же находятся еще два камня. Сейд внешне очень походит на лопарскую тупу.

Мимо сейда проходит тропа, соединяющая Святоносский маяк с погостом Иоканга. В последнее время пешеходы стали особенно часты. Беда была в том, что эти пешеходы были главным образом женщины — жены служащих маяка. Они ходили в иокангский кооператив, много говорили и даже смеялись. Это не нравилось сейду.

Однажды весной, когда уже начали ловить семгу, когда молодая трава уже покрывала землю, молодые пары затеяли играть в лапту, а девушки веселились по-своему — пели песни и шумели. Вдруг из-за горы предстал старик с длинной бородой. Одет он был в самую простую одежду. Он поднялся так, что все его видели. Он возвысил свой батожок и погрозил им разгулявшейся молодежи. Посох его сиял. Другие говорили, что и одежды его сияли золотом. Народ испугался старца и разбежался кто куда.

Вот это и был сейд. Тот, кто живет в камне.

По убеждениям саамов, «все на свете живет», в каждой вещи есть живое: в воде — водяной, в реке, в каждом дереве, в лесу — свой хозяин; так и в камне есть живое: недаром и камни летают.

Кончался промысел семги, наступала пора ловли оленей, затем переезд в леса, в зимний Иокангский погост. Саам-хозяин шел к сейду, приносил ему свою жертву — табак, или голову рыбы, или украшения из сукна. Он испрашивал совета, разрешения на переезд. По приезде в леса саам нес свою жертву священному дереву, в котором также жил сейд. Весною опять жертва и моление по поводу переезда к берегам моря, где опять надо было помолиться сейду.

В настоящее время эти обряды не соблюдаются, они основательно забыты, исключены из быта. Молодежь относится к ним с неприязнью и досадой; помнят о них только старики, да и то далеко не все.

Иокангский сейдушка ушел из своего жилища. Это был добрый старик. Стало слишком шумно в округе: из ружей стреляют, война идет. Слишком много народу ходит вокруг и по дороге. Особенно много женщин стало ходить. Это к чему же? Сейдушка собрался и ушел. А куда?

— А кто знает, куда, — ответил Проней. — Улетел!

Проней был в оппозиции к бредням стариков, но для меня он произнес:

— В зимнее место ушел, улетел, так старики сказывали. Ныне пусто там, в камне.

После этих слов Проней немного оживился. Отдохнув после нашего обмена мнениями относительно сейдушки, он набрался храбрости и спросил меня: правда ли, что в Ленинграде открыта школа для них, молодых людей Севера, а в Архангельске — штурманская школа? Он ладится поехать в Архангельск. В Ленинград-то не попасть!

Разговориться с ним мне так и не удалось.

От Иоканги летней до погоста Каменского

Кейвы

Однажды печники явились ко мне в школу и заявили: «Пора — реки и озера вошли в берега, болота остоялись».

На другой день мы двинулись в путь.

Оба моих попутчика до мозга костей городские люди. К тому же они ремесленники, и притом преуспевающие. С величайшим чувством собственного достоинства они информировали друг друга о том, кто, сколько, где и на чем заработал и еще заработает до конца поездки. Все изречения их и выкладки невыносимо скучны, к тому же оба они друг перед другом завирались.

Я присоединился было к Афоне, но ему было недосуг со мною разговаривать. И в самом деле, он с натугой тащил трех оленей, из которых второй и третий были загружены моими вещами.

У меня был собран целый гербарий¹, с рассказами и пояснениями Лазаря Федотовича о многих травах. Я надеялся, что в дороге Афоня пополнит мои сведения знаниями саамов о растениях тундры.

Но Афоня был молчалив, грубоват в ответах и даже несколько загадочен. Не знаешь, что он выкинет в следующую минуту. Мне казалось, он затеял что-то недоброе. Это предчувствие очень скоро оправдалось. Дело в том, что, отправляясь с саамом в путь, надо быть начеку. У саамов существовало суеверие, которое иные из них, наиболее приверженные старине, тщательно соблюдали. Если саам ведет с собой в тундру чужого человека, надо, по их мнению, обязательно нарушить цельность этого человека. Для этого

¹ В те времена состав кормов оленя был совершенно не известен.

достаточно лишить его хоть какой-нибудь маленькой его части: берут какую-нибудь вещь путешественника и выбрасывают ее в тундре, отрезают частицу одежды или немножко волос и тоже разбрасывают в тундре¹.

Из литературы я знал, что у В. Ю. Визе пропали все его путевые заметки, записи саамских песен и музыки — все это осталось на дне реки Стрельны, на одном из ее водопадов. Я боялся, что и мои записки и гербарий постигнет та же участь. И действительно, при переходе через речку Адийог началось.

Для переправы не было никакой необходимости загонять оленя с саквояжем в самое глубокое место. Олень упирался. Даже ему было понятно, что он может перейти там, где благополучно перебрался олень с другими вещами. Я не кричал, не бранился — я взмолился. Я просил Афоню пожалеть месяц моего труда и все собранные травки и дорогие книги: «Пойми, Афанасий Васильевич, все пропадет в этой ямке. Кинь мне лямку моего оленя, я проведу его мелководьем!» В глазах Афони я прочел злорадство. «Давай помоги, вместе мы выручим вещи, они еще не промокли!» Он неохотно отвязал лямку, перебросил мне, перескочил на мой берег и по моему указанию перевел оленя по мелкому месту.

Гранит выходит прямо на поверхность; каменистые гряды лежат впереди и позади меня. Я оглядываюсь назад: каменная возвышенность между нами и морем легла массивной синей грядой. Над ней нависла давящая полоса темного неба — это моряна. Видно, нас догонит дождик: ветер потянул северный. Солнце уже закрыто тучами. Ничего, это ненадолго. Сейчас весна. Потом мы вышли на вершины каменистых увалов с более мягкими формами, с зубцами из валунов на горизонте. Как морские волны, застыла земля, уходя далеко на юг, где лежат еще невидимые Кейвы, горная гряда, залегающая с краю возвышенности, на которую мы скоро вступим.

Ни Кейвы, ни Шуурт еще не видны. Мы прошли мягкие увалы прибрежных возвышенностей с их стелющейся карликовой березкой, брусничниками и зарослями вороники, с валунами, вросшими в почву и во мхи. Началась гладь

¹ Сейчас этот обычай давно забыт, да и в прошлые времена далеко не все проводники его придерживались.

земная, удручающая. И только мощные заросли камнеломки, то багряно-красной, то сочно-желтой, радуют глаз своей пестротой и жизнерадостностью.

Иногда между гребнями встречаются покатоности сухих камней, крупнозернистые россыпи, по ним поросль лишайников, кое-где подушки ягеля. Много мелких озер; очень часто они лежат на разных уровнях. По окраинам озер сфагновые болота и пушицевые заросли. По ручьям — ивняки. Они еще не освободились от пушинок семян, и ветер весело разносит их во все стороны.

Без кустарников скучно.

Мы все еще идем по горной, каменной тундре. Крутые обломки камней в виде плитняка сланцевого гранита мешают идти: очень часто они колеблются, или шатаются, или опрокидываются. Того и гляди, упадешь с этой качающейся глыбы и сломаешь ногу. Среди плитняка там и здесь лежат большие валуны. Все это каменное нагромождение заросло лишайниками — зеленоватыми, коричневатыми, розоватыми и серыми. Между плитняком и валунами растут жалкие кустики голубики, реже багульника. Иногда встречаются ямы. Эти ямы очень коварны, они не всегда на виду. Чтобы не оплошать, не заблудиться, надо держаться тропы. Кусочками, обрывками она мелькает там и тут. Афоня говорит, что это наша, человечесь тропа; рядом, в том же направлении, и ниже и выше, тоже бежит тропа, она тоже наша... А вот еще немножко выше или ниже, то уже не наша, то оленья тропа. Оленьих троп много. Все лицо матушки тундры, все покрыто оленьими тропами и вдоль, и поперек. А как отличить человечесью тропу от оленьей? Афоня на этот вопрос только шмыгает носом, усмехается и сам задает вопрос: «Ну как же ты не отличишь человечесью тропу от оленьей, ты ведь человек?»

Этот камень-плитняк утомляет, а с другой стороны, веселит: прыгать с одной плиты на другую доставляет некоторое развлечение, конечно на фоне очень однообразного пути. Олени своими чуткими ногами ступают удивительно точно и ловко — они идут не спотыкаясь.

Наконец-то кончились плитняковые нагромождения. Увалы стали как бы шире, рельеф мягче. То и дело попадаются речки или заболоченные долинки. Между увалами залегают неширокие болота и болотца. Они заросли ивняком и осоками. Когда идешь по ним, пересекая какую-нибудь мочажину, то и дело проваливаешься. Однако нога утопает

неглубоко. Вода не достигает колена, а ступни упираются в лед, не тающий даже летом.

Уже на склоне третьего дня мы достигли очень широкой и пологой возвышенности. Это еще не Кейвы. Афоня назвал ее просто Урт, что значит «высота». Отсюда он показал Кейвы с двумя рожками на самом их высоком месте. Рядом находились два гурия¹. Это Оаймкеджпоалла².

Держась направления именно на них, мы завтра после полудня будем на этой вершине. Там мы устроим дневку, то есть попросту подкормим оленей.

Местность, по которой идем, удивительно однообразна и кажется безжизненной. Так и хочется назвать ее полярной пустыней. Поверхность земли покрыта небольшими кочками и порослью брусники, стелющейся березой, изредка встречается голубика. Попадают сплошные заросли кустарниковой березы — они тянутся километра на два, три, пять и даже больше. Наконец началось большое плато, заросшее ивняком, осокой и березовыми кустарниками. Между ними пролегла «дорога», то есть узкая полоса осоки, лишенная кустарниковой поросли. Кое-где вдоль «дороги» торчали елки. Это было странно — одинокие елки среди водораздела, в горной тундре. К полудню или попозднее мы пересекли наконец это бесконечное болото, и опять пошло нам навстречу однообразное, ровное плато с каменистыми россыпями, с брусничкой и стелющейся березой, с порослями ягеля. На юге на самом горизонте появилась черная точка. Потом она раздвоилась. Постепенно стали видны два чума, издали пахло можжевельным дымом. Послышался лай собак. Стала видна большая груда оленей. Это было стадо коми-ижемца.

Афоня неохотно свернул с дороги. Надо зайти в гости к этому влиятельному среди крупных оленеводов человеку. Гостеприимство тундры повелевает: надо привернуть, посидеть, надо выпить чашку чаю, рассказать, что видел, что слышал.

Встретил сам хозяин. Сыновья и часть работников его были в стаде, на дежурстве. В чуме находились только женщины да спали ночные пастухи. Я решил не засиживаться

¹ Гурий — дорожный знак из камней.

² Оаймкеджпоалла — название возвышенности, на которой находятся два останца, а рядом с ними два гурия, или путевых знака. В старину эти останцы почитались как с е й д а к е д ь к е, то есть священные камни.

у гостеприимного хозяина, не отдыхать, как следовало бы — часика два, а, хлебнув чашку чаю, двигаться дальше. Однако печники были другого мнения. Они захотели остаться, погостить и обсудить предложение, с которым обратился к ним хозяин. Вопрос касался печных дел. В конце концов было условлено, что печников сам хозяин отвезет к себе домой, то есть в деревню Ивановку, где у него стоит большой дом-пятистенки, где у него имеется полное хозяйственное обзаведение. Есть у него запас кирпича, надо заново переложить сырцовые печи. Разговор шел в таком повышенно уважительном тоне, что я невольно позавидовал: почему я не печник?

Из чума мы с Афоней отправились вдвоем. Когда мы поднялись на первую вершину, Афоня обернулся на восток и сказал, указывая на синие дали:

— Вот за теми увалами река Атчейог («река отцов») бежит, и там, за нею, голубеют лучшие олени у х о ж и. Там Сыйвынь.

Видя его хорошее расположение духа, я попросил его сводить меня на сейд Чёрвечулт («роговой клин»), тут недалеко!

Лицо Афони вытянулось, затем выразило крайнее недовольство и удивление, потом смущение. Он взглянул на меня опять с той же злобой, что я видел в его глазах при переправе через Адийог.

— Как я тебя сведу на чёрвечулт? Никакого чёрвечулта нету — это только сказывают так, «нарочно», старые люди так говорили. Чёрвечулт и на Сыйвыне есть, и вон там, за Атчейог, — он везде есть, где олени держатся. А на самом-то деле его нет. Пусто дело говоришь!

Из этой тирады я понял, что «чёрвечулт» — понятие не материальное, это не кол и не рог, как я вообразил себе со слов Лазаря Федотовича. Видимо, «чёрвечулт» — магический термин, символ для удержания оленей в определенном месте.

— Ты посмотри лучше, что они (они — это значит крупные стадачки) с ягелем делают! Вот здесь наши олени по осени будут пастись. Олень-то осенью уже прихватывает ягель, а смотри, что они сделали с ягельной грядой. Что тут олень может взять?! Все побито! Ведь олени весной ягель не трогают. Нынче жарко, ягель сухой — олени его даже не пригубят. А смотри, что «он» наделал, видишь: весь ягель повален, побит и порушен. Олень прихватил только травку да листики мало-мало зеленые, а ногами

он весь ягель загубил. Жди, когда снова оживет и пойдет в рост: два десятка лет, не менее. Проказничают, прямо на посмех проказничают эти люди!

Афоня произносит эту коротенькую речь с горячностью, с большой обидой. Чувствуется: ущерб, причиненный яглю,— это его кровь; все его существо сгорает от бессилия, от горькой досады и боли за судьбу этого изящного растения — кормильца оленя и кормильца его самого, Афони, и его детей.

Я не могу забыть эти слова горечи, этот плач о ягеле, который так часто приходилось слышать от саамов.

Мы шли еще немалое время. Миновали и сухие, ровные, как стол, куски тундры, и болотистые места. Сравнительно высокие кочкарники остались у нас в стороне. Сухая тундра перемежалась болотными долинками, по которым бежали ручьи, бравшие начало в их вершинах. Там еще лежал снег, но уже более тощий, рыхлый, и только по северным склонам «оврага». Летом, по словам Афони, ручьи пересыхают, а снегу нет и в помине, разве что в углубленных местах, хорошо защищенных от солнца и тепла. Это была скучная ходьба, утомительная своим однообразием.

Все ямки с водой полны комариных личинок. Комарихи, живущие в воздухе, начали кусаться с остервенением.

Наконец мы достигли Кейв.

Подъем довольно крут. Сплошной ягельный покров лежит прямо по граниту. Ягель выглядит странно: он не молочно-зеленоватый, как обычно, а молочно-желтоватый. Я не тверд в знаниях лишайников, но, мне кажется, это все та же *Cladonia alpestris*, истощенная, обожженная морозными ветрами, которые здесь, на самой вершине, особенно свирепы. Недаром на самом гребне Кейв местами всякая растительность, даже лишайники, отсутствует. Проступает голая материнская порода, сложенная свитой слюдяно-дистеновых и ставролитовых сланцев, опоясанная интрузиями гранитов и мощными выходами кварцев. Высота 300—400 метров. Сами Кейвы отличаются сухостью, однако на склонах много ключей и выходов грунтовых вод; склоны сочатся водой.

Мы проходим между двух скал-останцов, которые видели издали еще вчера. Теперь они возвышаются, как два мощных каменных куба высотой в три-четыре человеческих роста, а расстояние между ними самое большее десять метров. Внешне они выглядят как некие священные врата.

Нечего греха таить: мне очень захотелось, чтобы эти останцы оказались предметом культа древних саамов,— это было бы большим открытием в этнографии кольских саамов. Я начал рассказывать Афоне, что вот, дескать, у норвежских саамов есть такие же две скалы, они почитаются священными и называются Небесными вратами.

— Пусто говоришь... И те гурьи — вон виднеются на горной вершинке — тоже пустые гурьи.— И опять в глазах Афони я видел ту же враждебность, с которой он топил мои саквояжи в речке Адийог. Опять он смотрел тем же недобрым, непримиримым взглядом.

Дошли до перевала через Кейвы. С самой вершины журчат два ручейка. Один выбегает из-под снега, другой — ключ, он бьет, не пересыхая. Не доходя до Кейв, Афоня взял и положил себе под шапку и в мешок много бересты. А ведь в этом не было никакой необходимости. На привале я сходил на южный склон и принес вволю бересты и сухого можжевельника. На следующей стоянке именно этой берестой разжигали костер. Остатки ее оставили на месте. Афоня тут же положил и свою бересту.

Перед нами широкий ландшафт открытого пространства. Лесные заросли здесь перемежались массивами разреженно растущих сосен. Сплошной ягель покрывал землю.

Если сравнивать Кейвы с Крымскими горами, то все они выглядели как самый скромный увал где-нибудь в предгорьях Яйлы. Но в пределах Восточного Мурмана это была весьма внушительная возвышенность высотой 500 метров над уровнем моря. Если до сих пор мы шли, ощущая на спине дуновения холодного ветра, то теперь, на пути в Понойскую впадину, мы чувствовали, что вступаем в более теплые края.

Даже солнце светило здесь ласковее, по-весеннему. Спускаясь с Кейв, я подсчитал, что мне в этом году пришлось пережить уже четвертую весну. Первая началась еще в Москве, когда я был у родных, вторая в Ленинграде, третья в Архангельске и в Иоканге, а четвертая встречает меня южнее Кейв. Здесь все было в цвету. Березки уже распустились и стояли в своем нежном зеленом уборе; они благоухали липкой смолкой молодых листочков и почек. Иные чешуйки почек уже отпали совсем, но запах их доносился с земли. Первоцвет, лютики, одуванчики, брусника были в цвету. Плаун с его стрелками пылил, когда его мяла нога. Все это наши растения, и чувствовали они себя здесь как

дома, и даже еще лучше. Чем южнее, тем гуще зелень листвы и хвойных деревьев. С юга пахло Русью, березками Нестерова, былинами и «Калевалой».

Кое-где там, вдали, сверкали озера, серели плешины болот. Впрочем, болота были едва-едва различимы. Ох и далеким же показался мне предстоящий путь! Афоня очень уверенно указал на темное пятно среди лесов и на другое пятно, рыжее, и еще там виднелся словно бы холм или горка среди болот...

— Вот туда нам путь! Завтра доберемся!

Спустившись со склона Кейв, на первой же остановке Афоня таинственно сказал:

— Пойдем, Ладымер, я тебе покажу кое-что... Дивно!

Дивом оказались две кочки, или, точнее, два песчаных холмика высотой около метра. Третий холмик расплылся. Все три кочки заросли травой, а снизу совершенно задерновались. На самой вершинке осталось углубление, свободное от травы. Все оно как бы выложено ровным слоем кварцевого песка; в самой середине лежала грудка камешков — подобные легко найти в отложениях любой морены. На северной стороне вершинки холмика намечался как бы сток песка. Я зарисовал эти сопочки, но объяснить, что это такое, не мог.

Кончились березняки. Теперь мы шли сосновыми лесами. Однако эти леса очень непохожи на наше представление о сосновом лесе. Земля здесь — сплошной ягельный покров. Как пышная пена, он окружает каждый ствол дерева. Высота ягеля иногда достигает пятнадцати-шестнадцати сантиметров. Нога в нем утопает. Ягель немножко пружинит, и это очень приятно. И в то же время жаль идти по этой роскошной земле, такой нетронутой, пышной и прекрасной. Там, где ягель отступал, он перемежался с зарослями брусники или черники. Восковые цветы их ласкали взгляд, напоминая наши родные леса. И что необычно у нас, здесь они были более ярко окрашены — как листья, так и цветы. Они пахли, казалось, сильнее, чем у нас дома. По ягельному полю стояли отдельные сосны. Они очень кряжисты. Ствол их, как говорят лесники, сбежист, то есть толстый комель дерева очень быстро переходит в тонкую вершину. Древесина этих сосен смолиста и очень ценится. Некоторые виды ее идут на изготовление музыкальных инструментов. Крона разрослась свободно,

каждая ветвь словно махровая; сочная хвоя интенсивно-зеленого цвета, которого у нас дома не встретишь. Ветви уже дали свои свежие побеги, они выбросили их в виде розоватых свечек, похожих на новогодние елочные украшения. Всюду, где ни ступишь ногой в этом лесу, везде лежат мертвые, уже истлевающие стволы деревьев. Везде, по всем лесам Лапландии, они лежат в одном и том же направлении — на NW (северо-запад). Это работа ветровалов. Изредка проходим через «пальник» — места бывших пожаров. Удручающая картина: стоят обугленные остовы деревьев, земля черная, угольная пыль, а под нею моренный песок.

Земля везде сухая, песчаная; мы легко переваливаем с одной морены на другую. Корни встречаются, но сравнительно редко. Чаще стали встречаться болота, они залегают в распадинах между моренами. Но их затопляет влагой, или по ним бежит ручей, а вокруг поросли карликовой березы, багульника, голубики. Лесные тропы реже. Иногда мы идем по земле без всяких признаков человека или зверя.

Перешли речку Лосенгу. Стремительная, порою бурная, она сравнительно легко переходима, но струя воды так напориста, что валит с ног. Дно устилают мелкие камни, вода студеная, совершенно прозрачная. Каменные саамы приходят сюда для промысла кумжи и семги. В устье Лосенги находится могила ботаника Регеля, который скончался здесь. Крест над могилой уже наклонился.

К вечеру перевалили ягельную гору Сыйвынь. Это любимые ухаживатели диких оленей. Они настолько хороши, что даже воспеты саамскими мифами.

Устроили привал. Я надрал кучу ягеля, положил на нее шкуру.

Афоня увидел и сказал:

— Негоже так землю обдирать, смотри, сколько земли обидел. Мы ягель бережем. Надо было побольше ёрника (то есть карликовой березки) надрать, а не ягеля.

Откровенно говоря, мне стало не по себе за мое намерение мягко поспать.

Утром Афоня объявил, что теперь скоро Каменский погост. «Вот перевалим одну-две горушки — и дома».

Между тем рельеф становится изрезанным, возвышенности более внушительны, чаще проступает камень, опять

валуны, и притом огромные. Лес переходит в настоящий бор-беломошник. Появляются хаотические нагромождения камней. Картины одна другой живописнее сменяют друг друга. Порой идешь в темном лесном полумраке, словно среди декораций для древних саг. Афоня рассказал, как недавно в таком-то вот лесу нашли женские косы и обрывки одежды; они висели на сухих сучьях сосны. А внизу валялись череп и кости. Это чужь (чужеземцы) ходила на саамский народ, грабила и убивала. И до сих пор вспоминают сагу про девушку, которая убежала в лес, укрылась там и погибла, потому что боялась вернуться домой¹.

Среди хаотического нагромождения огромных валунов сосны растут над ними, где-то вверху, на третьем и четвертом этажах. Мы пробираемся по камням, заросшим мхами. Странно: никаких признаков дороги! Наконец блеснул просвет. Вышли на обширное осоковое болото без единой поросли кустов, или елок, или березок.

Где-то вдаль виднелась отдельная горюшка, направо вдавался в болото отрог леса, из которого мы только что вышли.

— Ошибнулся я немножко, — сказал Афоня, — надо было правее забирать. Погост-то вон прямо будет, за горкой. Если идти в обход болота, надо верст пять крюка давать, да и речку не миновать! Крутая речка, вот беда-то!

При упоминании о речке, да еще крутой, то есть быстрой и глубокой, у меня по спине пробежали мурашки. «Опять будет тонуть мой гербарий и записки», — подумалось мне.

Я решил погибнуть в болоте вместе с саквояжем, но не подвергать купанию травки и книжки.

Всматриваясь в болотину, я проникся к ней доверием. На ней достаточно кочек, а между ними удавалось разглядеть обрывки тропы. Места опасные — топи — были незаметны.

Я сказал Афоне:

— Вон же тропка юлит — значит, есть дорога!

— Дорога-то есть, да только не весной, а осенью, да и то не каждый год.

Но я уже закусил удила. Я решил взять оленя с рюкзаком и чемоданом и идти прямо. Опасные места можно миновать. Афоня держал себя странно: он не отговаривал меня, а словно подбадривал, говоря:

— С одним-то оленем пройдешь, почему не пройти?

¹ К сожалению, мне не удалось найти сказителя, который умел бы скзывать эту сагу.

И я решился. Перевьючил оленя, подтянул подпругу, захватил длинную палку — и в путь, прямо по болоту. Афоня же двинулся вправо. Он не выпускал меня из виду.

Тропа, по которой я пробирался, то исчезала между кочками, то становилась легко различимой. Благополучно достигнув середины, я заметил, что осоковая проплешина впереди очень зыбка. Это во-первых, а во-вторых, она протянулась узкой полосой на восток и преградила мне путь. Место опасное, может затянуть. Выбраться из него не только самому безнадежно, но и другой человек не всякий раз поможет. Однако возвращаться не хотелось. Я оставил оленя, а сам отправился искать переход. Это была ошибка. Афоня издали что-то кричал и сигнализировал мне, я ничего не понял и продолжал поиски. Нашел. Можно перейти, отлично можно идти, шагая с кочки на кочку. Оглянулся и пришел в ужас: олень мой упал, ноги его увязли в болоте. Тщетно он старался вытащить их из трясины. Чемодан с гербарием был придавлен всею тушею оленя, рюкзак сполз со спины его и лежал в луже темной болотной жижи.

Как только мог скорее, я добрался до оленя и начал его поднимать. Безнадежно. Ноги мои увязали в мочажине. Я надеялся на вечный лед — его не было, ноги уходили вглубь. Расседлать, скорее расседлать оленя! Не топтаться на одном месте, не нарушать травяного покрова трясины! Я запустил свою палку в глубину болота — никаких признаков льда! А палка-то не меньше полутора метров!

Я кричал оленю на саамском языке, переводил ему порусски: «Анньт!» — «Вставай, пожалуйста!» Я путал саамские и русские слова, но они не доходили до сознания животного, привыкшего повиноваться только голосу хозяина-саама. Гораздо приятнее, по его мнению, полежать и немного отдохнуть на мягком ложе. Однако инстинкт самосохранения все-таки заставил оленя попытаться встать на ноги. Он начал судорожно дергаться, однако ноги его уже надежно увязли, и он не в силах был выпрямиться. Вещи его подавляли. Он дергался, разбрызгивая грязь. Грязь летела в меня, залепила и уже замочила вещи.

Пришлось признать свою неправоту. Другого выхода не было. Одному мне оленя не вытащить, тем более что Афоня вручил мне самое тихое, самое смиренное животное. Оно оставалось верным своему призванию и безропотно шло ко дну. Я не мог воздействовать ни на волю оленя, ни на его

темперамент. Своими обращениями к нему на саамском языке я не возбуждал в нем никаких жизненных импульсов. Я по-нукал, укорял, чертыхался, дергал за поводок узды, но он все лежал, утопая в жиже.

Пришлось кричать, взывать о помощи. Афоня уже шел ко мне один, без оленей. Он ловко прыгал с кочки на кочку и довольно быстро приближался. Наконец он добежал до утопленника, мы его разгрузили, а вещи расставили по кочкам, и, конечно, с кочек они свалились. О Выгажке! О повелительница преисподней! За что?! Что ты делаешь с моими травками, с записками, с запасом чистой бумаги, с книгами, с таким трудом добытыми из области твоего же ведомства — из подземелий букинистов?! И зачем я брал с собою эти книги?!

Афоня умудрился свою сыромятную чивистигу (попросту говоря, аркан) пропустить под брюхо быка. Затем он так повелительно прикрикнул на него по-саамски, что даже мне захотелось вскочить и бежать поверх болот Лапландии. Олень рванулся, но вскочить не мог. Я тянул его за узду, Афоня — за аркан. Кое-как мы высвободили его заднюю ногу. Он начал ею дрыгать, пытаясь зацепиться за землю. Афоня освободил ему переднюю ногу. Олень вдруг лег на живот. Тут я начал утопать: слишком уж я застоялся на одном месте, упираясь в землю, таща оленя за узду.

Наконец Афоне удалось поднять оленя сначала на три, потом на четыре ноги. Едва встав на траву, олень отряхнулся, и вся жижа и грязь, налипшие на нем, полетели на нас. Афоня, злой и усталый, вытер лицо. Потом поднял чемодан на плечи, взял в одну руку оленью оброть, в другую — мою палку и пошел. К моему удивлению, он двинулся не назад, к своим оленям, а вперед, к тому местечку с кочками, что я отыскал перед аварией.

Выйдя на сравнительно устойчивую твердь, он оставил меня и моего оленя отдохнуть, а сам отправился обратно за быками. Когда он вернулся, я погрузил на плечи саквояж и, досадуя на себя, пошел через мои кочки вслед за Афоней. Еще не один раз рюкзак перевешивался через мою голову, и я падал все в ту же слишком мягкую болотину. Надо сознаться: если я кувыркался раз десять, то Афоня — всего четыре раза.

Вероятно, Афоня с особым удовольствием купал мой чемодан еще раз и еще много-много раз, потому что на месте, уже в деревне Ивановке, все вещи из чемодана пришлось

перебирать и просушивать на печке у хозяев, которые приняли меня на квартиру как родные. Я был благодарен им от всей души.

От деревни Ивановки до реки Варзуги

*Сказка про птичку.— Капитан Федорович. —
Семга идет*

Каменский погост приютился у самой опушки прекрасного соснового бора. Правда, на наш взгляд, он немного редковат. На север, поближе к лесу, стоит часовенка, она еще не заброшена. А к югу залегло обширное болото: оно тянется до самой реки Поноя. На луговине, между лесом и болотом, разбросано около дюжины домиков мал мала меньше. Здесь очень уютно. В домиках чисто, полы хорошо выметены (воскресный день). Нет обычной захламленности, которая бывает в будни, когда хозяйки выделывают или кроят оленье шкуры. Все вещи внутри домиков как бы притерты к своим местам. Дорожные вещи — коробка и сумки из тюленьей шкуры — изящны и удобны. Войдешь в тупу, и так и кажется, что здесь сказывают сказку: «Ну, старик и старуха жили... У них родились три дочки...»

Площадь для движения живущих в доме людей сужена до предела. Но это не беда: обитатели люди маленькие, ростом невелички, всего 150 сантиметров, а то и меньше. Живут в этих домиках недолго — всего три-четыре месяца, а затем опять на простор, на волю, в кочевку, на озера, где у них есть вторая, а то и третья тупа или вежа.

Насладиться созерцанием гостей, посмотреть на Афоню и на меня высыпало все население погоста, и это понятно: Афоня и его жена — коренные жители Каменки, они только недавно перебрались к берегу моря, в Иокангу, поближе к маякам и рациям, то есть к заработкам. Вышли посмотреть на гостей и два убогих старика; у них в домах, наверное, не прибрано и неприглядно: их «молодые», люди из бедняков, перебрались зимой этого года в Ивановку.

На болотине, слева от погоста, возвышается одна гора, а напротив лежит другая — горушка Веретенная: она и в самом деле очень напоминает веретено.

Как это ни странно, в Каменском погосте нас уже ожидала лодка. Мы погрузились в нее и окольными путями, начиная с вершинки какого-то ручья, направились в Ивановку.

Продвигались не столько по ручью, сколько по ямкам с водой между его берегами; борта все время царапались о торф и осоки. Прямого пути на Ивановку не было, а между тем она все время виднелась невдалеке начиная с той минуты, как мы тронулись в путь.

Комары нещадно жгли наши шеи, щеки и лица. Накормарник плохо помогал, Афоня же свободно обходился и без него. Вошли в реку Поной. К вечеру, часам к девяти, добрались до деревни.

Ивановка расположена своенравно. Видимо, старинный циркуляр о порядке расположения жилых строений в сельских местностях вдоль улицы уже не уважали. Летом к Ивановке можно подъехать только на лодке, на оленях не доберешься. Зимой подъезжают с реки — а впрочем, и со всех других сторон — только на оленях. Эта деревушка построена в стороне от зимника Ловозеро — Поной, зато она лежит посередине другого большого зимнего пути, Иоканга — Варзуга. Каменистый мысок Чальм-Варре,¹ где стоит деревня, в самом деле похож на черный глазок, выглядывающий из-за реки, болот и перелесков. По крайней мере так уверяют саамы. Если ехать по реке Поною, деревня видна издалека, а добираться до нее по извилинам реки очень долго. То она маячит на виду, то, кажется, вот-вот ухватишься за крыши домиков — ан нет, погоди! Стоят избы у самой кромки берега, на самом мысочке. Здесь как бы свалился с неба хаос огромных валунов. На некоторой части этого хаоса, на самих камнях, поставлены надежные избы, одна саамская тупа и одна вежа. Малые домики оконцами смотрят в окна больших изб. С краю от больших домов, но в ряд с ними достраивалась небольшая избушка в три окошка. Я постучал в нее и вошел.

Несмотря на поздний час, молодые Вопияшины радушно меня приняли. Не прошло и двух минут, как свежий самовар уже стоял на столе и пел свои песни. Хозяйка, Федора Прокопиевна, заполняла стол чашками дулевского производства — это те чашечки и блюдца с крупными синими травами и цветами с золотой прорисью, которые так любил писать Кустодиев. Одно угощение появлялось вслед за другим. За семь дней перехода, когда питаться приходилось сухарями, да сушеной рыбой, да консервами, я изголодался

¹ На современных картах — Чальмны-Варре («черный глаз»). (Прим. ред.)

и теперь с наслаждением следил за появлением на столе традиционных северных блюд: шанежки с творогом или пшенной кашей, сканцы с горохом, соленая щука, пахнущая, как плохо квашенная капуста. Масло, кринка сметаны, в которую опускаешь кус хлеба — и глотай без оглядки. А главное, хлеб, пышный хлеб из сеяной муки! Он был необычайно вкусен!

Молодая хозяйка хлопотала у стола, не забывая рассказывать и расспрашивать о последних, самоновейших новостях тундры и в Иоканге. Мне показалось, что Федора Прокопиевна кому-то подражает в своих речах и манере разговаривать. Николай Иванович, ее муж, сидел помалкивая; изредка он вставлял свое веское мужское слово для уточнения вопроса, о котором шла речь.

Вероятно, я уже не раз клюнул носом. Заметья это, хозяева тут же раскинули полог, под ним на полу разостлали перину, и я лег. Я успел только подумать, что в деревне, где пахло дымом и печеным хлебом, комары не могли похвастать своим докучным усердием, что они вели себя здесь вполне благопристойно. Спал я в ту ночь так, словно продал того строптивого оленя, который искупал все мои вещи в болоте...

Через неделю мы уже были снова в пути. Мы — это те же печники, Афоня и я. Объединяющим началом служили теперь не три оленя, а лодка, которая была приобретена, чтобы спуститься вниз по Варзуге-реке.

Мы тронулись в путь рано утром. Сначала вверх по Поною. Печники, усевшись, сразу устроились спать. Афоня на веслах, я на руле. С любопытством следил я за берегами великой реки Лапландии. Такие реки можно встретить в любой части северной полосы России. На берегах те же ольшаники, ивняки и березы. Бросается в глаза только одно отличие: узенькой чащей тянутся вдоль берегов березняки попеременно с ивой и елками. Изгиб за изгибом — одна и та же картина медлительной и спокойной реки. Невольно зарождался вопрос: а в средних плесах, у озера Вулиявр, и в устье таков ли Поной с его опасными порогами?

Чего-то мне не хватает в этой, казалось бы, родной и хорошо знакомой природе! Слишком тихо. Даже утки и те не шелестят в травах и не плещутся в воде. Ага, вон утиный выводок! Всеми двадцатью лапками утят он улепетывает от нашей лодки!

Изредка пытаются взлететь гусята. Но мать их умна — она увлекает детей за собой в какую-нибудь нишу под береговыми кустами. И папа тут же, он громко гогочет свои наставления. Но дети — они еще не оперились — бестолковы; мать встревоженно лопочет из своего укрытия, а птенцам любопытно, они не спешат схорониться.

И опять мы едем среди безмолвия. Оно не угнетает, оно уже стало привычным, а все-таки хочется, чтобы чивикали снегири, слышалась пеночка, чтобы пел соловей! Вот чего не хватает — птичьих голосов, соловьиного пения!

Пройдя осоковые заросли и лесную поросль одного из рукавов Поноя, мы поднялись еще немного и вдруг нырнули в темную пещеру из кустарников. Это было устье неширокой речушки Кинемур¹.

В речке Кинемур все живет своей жизнью, вода темноватая, болотная, однако прозрачная; видно, как ходят в ней стайки мелкой рыбешки, а иногда метнется и большая рыба. Деревья опускаются низко, много валежника, упавшего с берега на берег. То и дело прячутся гуси и утки, шлепается в воду водяная крыса или выдра. Мы долго гнали перед собой новый выводок утят: не поняв возгласов матери, они остались одни и не сумели спрятаться от нашей страшной лодки. Мы пугнули их, чтобы соединить с матерью. Афоня подстрелил пару гусей на обед.

Мы скользили по спокойному и довольно широкому плесу, когда Афоня шепнул мне (я уже сидел на веслах, а он на руле):

— Смотри, Ладымер, что за зверь или птица: под водой и по дну ходит, как на воле!

Всмотревшись, я увидел: в воде, под тенью от берега, по песчаному дну небыстро бежала долговязая птичка — головка с клювом вытянута вперед. Видимо, она была очень напугана появлением нашей лодки.

— Это птичка оляпка. Она живет на берегу. И под водой бегаёт. Она не вредная.

— Ее бить нельзя: худо будет... Моя жена хорошую сказку рассказывает про эту птичку. Я скажу ей, она обязательно тебе расскажет.

Впоследствии сказку эту, вернее предание, удалось записать. Привожу эту запись полностью.

¹ К и н е м у р в переводе с саамского — палка или сук, на которые вешают котел над костром.

Еще раньше потопа жили люди. А когда случился потоп, к ним корабль приплыл. Мужик — его звали Адам — хотел поскорее забраться на корабль с женой своей и уже совсем было взошел на палубу, да баба помешала. Зацепилась ее юбка и не пускает на корабль взойти. Корабль на прибывлой воде поднимается, того и гляди отчалит корабль, а бабу не пускает. Что такое прицепилось? Глянул — а то чертенок махонькой, однако мужска полу, цепляется за юбку и тоже хочет ногу на корабль поставить. А его откидывает. Он на сходни, а его обратно, назад на землю, кидает. Адам набил его по рукам, тряхнул хорошенько, и «полетел дьявол ко всем чертям». Так оно с тех пор и говорят. Ну, перекрестились мужик с бабой. Адам двери отворил, и они вошли в корабль.

Уселись, кому где положено, со зверями да с птицами вместе. Корабль отчалил и отправился в путь.

Ну и стали они плавать. И этот корабль плавал везде, по всем морям ходил. А морё-то, морё при потопе было одно на всю землю. Куда ни глянь — кругом морё. Не только что земли — ни единой травинки

Сакка
про птичку

нигде не было. Жили они один год на этом суденышке, и другой год, и третий год жили. А было ведомо: на исходе третьего года должно появиться уж чего ли то, а должна оказаться где ли там какая-нибудь статья. Обязательно. Так уж оно иначе и быть не могло.

Ну, как сказано, на исходе третьего года вышел Адам на вышку посмотреть: где что видно? Корабль плывет... Куда плывет? Кто знает?

Посмотрел Адам: кругом вода, одна вода, конца краю нет воде. А в воде этой утопленные, мертвые тела плавают. Так оно было в начале первого года, так оно есть и в конце третьего года. А припасу-то на корабль было прихвачено всего-навсего на три года, день в день. Погодил Адам еще, поспал сколько-то времени и опять же поднялся смотреть: где чего видно? Ничего нигде не видно!

— Эх, непорядок, — сказал Йиммель-бог Адаму, — давно там дадена статья, непременно должна где-нибудь тут быть... недалеко. Пошли-ка ты мою верную ворон-птицу белую в облет моря. Он тебе все узнает. Однако облетит он морё, как ряд делу положено!..

Послал Адам ворон-птицу белую:

— Лети кругом моря! Не увидишь ли землицу?

Летала, летала птица-ворон белая, только мертвые тела виднеются кругом да инде. Он еще летал и летал, птица-ворон белая, и устал, очень устал он. Кругом вода, ничего, кроме воды, не видно, да мертвые опять же плывут и плывут. Сел он на мертвое тело отдохнуть. Сидел он, отдыхал, вперед глядел, кругом смотрел, сил набирался. Есть захотел. И показалось ему, что мертвое тело, на котором он сидел, должно быть вкусно. Наклонил голову, посмотрел слева правым глазом, посмотрел справа левым глазом... и клюнул. И так-то ему захотелось есть, что наклевался он мертвечины досыта. Силы набрался. Обратнo полетел, к Адаму. А тот посылает дальше, к Йиммель-богу. Побоялся ворон-птица белая предстать перед Йиммелем. Однако надо же хозяину показаться: так-то и так-то, вот был, лётал, надо ведь сказать?

Полетел он к Йиммель-богу и сел на пороге, у рундука.

— Ну,—спрашивает Йиммель-бог грозно,— что ж несмело идешь как надо быть? Сказывай!

— Устал,— отвечает.

— Ах, ты устал... а ка-

кой дух от тебя идет? Ты мертвую человечину ел?

Молчит ворон-птица белая...

— Ты был мне дороже дитя — моя птица был, мой вещун, чистый был, белый, все тебя любили, а ты что сделал? Человечье мясо съел! Посмотри, что у тебя на груди,— брызги крови гнилой, а ты говоришь «вкусно». Душу свою испоганил; а то что велено тебе: «найди землю» — не исполнил!

Йиммель-бог проклял ворон-птицу белую:

— Будь же ты проклятой душой! Был ты птицей белой, будь птицей черной. И что бы ты ни ел — не быть тебе сытым!

На другой день посылает бог на облет воды птичку чюдзай.

— Можешь ли принести травинку?

— Могу,— ответила, и порх... полетела. Глядела тут, глядела там... Кругом смотрела она, и здесь, и инде, заглянула и подальше, и поближе... Глядь: растет среди моря травинка сыйнь и даже корешочки в воду пустила.

Птичка чюдзай травинку сыйнь взяла в клювик и понесла. Далеко несла, очень устала, а принесла же до места и на порог, на рундук тот, Йиммель-богу положила. Села, голос

подала, а дверь открытъ не может. Маленькой, ну где же ей дверь отворить? Она еще раз пискнула. Адам голос услышал, открыл ей двери. Птичка чюдзай травинку на порог положила, лапки у ней подогнулись, и легла она, пала без сил:

очень уж она уморилась. Тут ее, не трогая, там, где она упала, накормили, и напоили, и отдых дали маленькой птичке этой, а имя ей положили с тех пор Йиммель чюдзай — Йиммель-птичка, «божья птичка» *.

Начав подъем по Кинемур у часов в двенадцать, к трем часам мы уже увидели просвет над болотом, из которого вытекала наша речка. Она сузилась настолько, что лодку пришлось тащить между торфяными берегами. Скольжение по воде немного облегчало наш труд. Начался волок.

В конце концов мы тянули лодку прямо по болоту, по каким-то лужам, по ручейкам между ними. Направо и налево лежали на разных уровнях озерца. Наконец вытащили лодку на твердь. Тут валялось множество нарубленных кольев, тонких бревен, березин — все это валки и рычаги для передвижения лодки по земле. Много валков было уложено по дороге к другому лесочку, видимо, к берегу Варзуги, тоже заросшему березняком.

Мы сели отдохнуть. Я пошел посмотреть тот ключ или родничок, из которого начинается речка Кинемур, но не нашел такого родника. Источник влаги был другой: она словно выпотевала из суглинка, из торфа, из супеси, скоп-лялась в лужицы, из которых она уже бежала тонкой струй-кой воды. На другой площадочке отмытого песка, сплошь пропитанного влагой, тоже выпотевала вода. Прямо тут же, на песке, рождался как бы маленький кратер, из кото-рого сочилась вода. Струйки соединялись одна с другой — так рождался один из рукавов миниатюрной «дельты». Она напоминала дельту Волги, только размер ее был не больше развернутой ладони. Эти рукава-крошки соединялись вме-сте — так рождалась игрушечная струя. Но чем дальше, тем мощнее она становилась, а через один-два метра она уже журчала, уже струилась, как настоящий маленький ручеек. Таких «дельт» было много. Все они имели одно склонение — вода сбегала к мокрому местечку, к лужице, из которой сте-кала в болото ручьями или очень медленно текла в общий исток речки Кинемур.

Все четверо мы впряглись в лямки, которые тут же свили печники, из веток ивняка. Укрепили их в местах для уключин, поналегли плечом и потащили пустую лодку по валкам. То и дело приходилось подкладывать и перекладывать валки, бросая их под киль нашей лодки. Тащить было не очень тяжело. Два километра мы преодолели довольно быстро. Я тащил лодку с особым удовольствием. Со вкусом переживал я свою фантазию, свое представление о волоках. ...С глубокой старины таскали люди свои суда через волоки. Здесь, на Мурмане и на Терском берегу, волоками пользовались уже в XII веке: через Святой Нос волочились в обход бурного сувоя; по волокам из Волхова в Днепр, «из варяг в греки», шло развитие Древней Руси. И тогда уже славянские и финские племена через волоки сообщались друг с другом, завязывали дружбу и вражду. Этим волоком проникли саамы на Поной, а позднее из Варзуги в Поной пробирались враги саамов и те же терчане, то есть русские с Терского берега. Ходили сюда из Варзуги и сборщики дани, вооруженные секирами и луками, и просветители, чтобы повернуть саамов лицом к христианскому миру...

Перетащив вещи, выгруженные в начале волока, мы погрузили их обратно в лодку, уже стоявшую в водах Варзуги. Это была небольшая речка, стремительно выбегавшая из-за нагромождения валунов. Не успели мы двинуться вниз по реке, как увидели приближающуюся к нам узкую посудину, похожую на пирогу. Это была терская лодка, специально приспособленная для хождения по варзугским порогам. В лодке сидел молодой человек, а на корме стоял к о р ш и к ¹, проводник из деревни Варзуги. Это был Капитон Федорович Вопяшин, известный мастер, проходчик через знаменитые варзугские пороги. Мы встретились и составили совет. Капитон Федорович заявил, что он может взять в свою лодку одного меня с вещами. Афоня успел сговориться с новым проезжим и обязался на «бросовой лодке», как он выразился о бывшей моей лодке, доставить его в Ивановку. Печники просили варзужанина, чтобы он спустил их и меня в своей и в бывшей моей лодках до деревни. Капитон Федорович отказался наотрез: пороги и падуны «стоят

¹ Коршик — кормщик, ведущий, управляющий лодкой; коршик сидит на корме, управляя веслами.

еще высокие» — опасно. Он согласился взять «такелаж» печников, да и то с неохотою, без обязательства доставить их целыми и в срок. Печники согласились, переупаковались и немедленно отправились в путь по тропе вдоль зимника на Варзугу. Капитон Федорович очень толково рассказал им дорогу. Незнакомец и Афоня поднялись к Кинемуру, решив ночевать на берегу в начале волока.

Капитон Федорович предложил мне остаться на ночлег здесь, на месте. Разбили мы палатку и начали наше новое знакомство, о котором можно было бы написать целую книгу.

Солнце стояло очень низко, почти над самым горизонтом. Капитон Федорович посмотрел на небо, переложил все вещи в одно место, повыше песчаной полосы берега, под березки, что стояли довольно дружною стеной.

— Пора, Владимирович! Разводи-ка костер, а я укрою вещи. Поедим каши — и на боковую.

Шатер оказался очень удобной и приятной палаткой из отбеленного холста. Усталость взяла свое, после ужина мы сразу крепко уснули.

Утром у меня состоялось еще одно знакомство. Выбравшись из палатки, я наткнулся на теплую шубку, которая, свернувшись, спала у входа. Это был Шарик, собака Капитона Федоровича. Он зарычал на меня, но не агрессивно, а для порядка. Потом он потянулся на передних лапах и начал меня обнюхивать. Мир был заключен.

Капитон Федорович уже сварил уху и теперь носил вещи и укладывал их в лодку; с этим делом мы быстро покончили. Позавтракали и сразу спустили лодку на воду. Течение понесло нас вниз по Варзуге.

— Порогов боишься ли? — спросил Капитон Федорович. — П о р а т о круты! (То есть очень сильны, опасны.)

Я не знал, что ответить. О порогах у меня не было ни малейшего представления. Капитон Федорович расписывал характер реки и каждого из порогов. Указывал на интересные названия, связанные с историей реки, а я рассматривал этого русского человека, терчанина — помора с Терского берега.

Он не был красив, скорее даже просто некрасив: невысокий узкий лоб, широкие скулы, нос отвислый, с мясистым кончиком, узенькие глаза словно подслеповатые, а на деле очень зоркие; большой рот и русая борода с усами, подстриженными над верхней губой.

Это рослый человек, прекрасно сложенный и, видимо, очень сильный. Во всех его движениях чувствовалась гармония. Несомненно, он очень добрый человек и хороший семьянин. Он с таким вниманием и добродушием рассказывал о своей семье, о малолетке Катюшке и мальчике Сергуньке, что я заранее проникся симпатией к ним, а также к его Домне Васильевне и к дочери Ульяне, о которой он как-то умалчивал. Он был на войне, на той, первой, войне, был ранен и немножко прихрамывал.

От всего его существа исходило теплое внимание, он все время добродушно посмеивался то над собой, то надо мной, то над своей «жёнкой»¹, но это не было ни для кого обидно.

— Ну-ко, «город Ленинград», покажи, како ты не боишься нашей земли,— становись с шестом на нос и отбивайся от камней, которые летят на нас из воды.

Начался небольшой порог. Задача была несложной. Капитон Федорович сформулировал ее так:

— Первое всего — смотри по носу!

Я смотрел по носу, отталкивался от дна шестом, правильно пуская нос лодки в самую середину гребня стоячей волны, вздымавшейся между двумя подводными камнями.

Коршик был доволен, а я вошел во вкус и жаждал встречи с другими порогами, особенно со знаменитым Ревуном. Однако вскоре первые пороги кончились, и мы вышли в открытое пространство, словно не имеющее берегов. И справа, и слева они состояли из осок, кувшинок и белых лилий.

Этим плесом мы плыли очень долго. Бесконечные болота тянулись и справа, и слева. Они составляют только незначительную часть обширного болотистого пространства, которое на карте может быть ограничено так: от среднего течения Варзуги на север до Поноя, включая озеро Вулиявр, далее южнее озера Пурнач. Реки Стрельна, Чапома и другие, впадающие в Белое море, черпают отсюда водные массы для своего порожистого бега.

Много позже, уже в 1936 году, геоботаник Ф. Самбук в книге «Оленьи пастбища и растительность Кольского полуострова» охарактеризовал это пространство как водораздельное плато площадью 403 941 гектар, имеющее склоне-ние к Белому морю. С этого плато в разные стороны и сте-

¹ На севере русские редко употребляют слово «жена», обычно — «жёнка»; «жёнка» — жена, женщина.

кают реки. В западной части плато расположено крупное озеро Сергозеро, на юге — Ондомские озера. Рельеф однообразно плоский, только изредка среди громадных болотных массивов можно видеть отдельные возвышения, острова, — в а р а к и — с сосновым или еловым древостоем. Большинство из них не что иное, как каменистые россыпи. Уровень грунтовых вод здесь близок к поверхности.

Я попытался встать на скамейку лодки в надежде увидеть на горизонте дальний край болота. Бесплезно — на глаза попался только лесочек около Сергозера. Тут когда-то жил преподобный старец. Чем он был замечателен, Капитон Федорович сказать не мог: «Лопарь был, святой человек, у них тоже были святые».

Часам к четырем мы приблизились к падуно. Водопад возник благодаря выходу на земную поверхность кристаллических сланцев. Это были последние отроги Южных Кейв. Камни стоят почти торчком поперек русла реки. Через них спокойно и уверенно, через край, льется гремющая масса воды. Перед водопадом пришлось вытащить из лодки на берег все наши вещи. Мы перенесли их по коротенькому волоку пониже падуна. Тащить нашу пирогу было легко и удобно, возможно, потому, что волок был хорошо оборудован валками. Шум падающей воды и легкое скольжение ладьи подбадривали, делали интереснее наш докучный труд. Мы работали бодро и весело, словно торопились. Между кустами и травами, окружавшими волок, я заметил смородину, черную и красную. Среди древесного навеса над волоком бросались в глаза осина и рябина. На Поное они редки.

Среди сочной поросли трав, густой тенью склонявшихся вдоль всей дороги, привлекала взгляд лесная гвоздика. Махровая и белая, среди простоватых растений, ее окружавших, она казалась нежданной невестой в пышном наряде.

Преодолели еще несколько порогов. Капитон Федорович доверял их мне. Стоя на носу лодки, я лихо направлял ее в главное русло порога. Но вот уже издали стал слышен гул Ревуна. Тут мой кормщик предложил мне сесть на середину лодки, поглубже, в самую гущу вещей, и не шевелиться, не шелохнуться, пока мы будем проноситься среди камней опасного порога.

Огромные валуны виднелись в глубине воды, они лежали и справа, и слева, заливаемые волной. Мощная струя ее с

неимоверной быстротой устремлялась в узкое русло между камнями. Стоячие волны стоймя играли свою нешуточную пляску. Капитон Федорович встал. Со сдвинутыми бровями, строгий, он остро следил за малейшим движением носа лодки, учитывая направление струй, рвавшихся вперед. Раз — влево, удар весла — вправо, опять удар — влево, прямо по току реки, в самом стремительном ее русле, и опять: вправо, влево, вправо, прямо; наконец последние «малыши» — и мы вошли в спокойное плесо, то есть относительно спокойное, потому что Варзуга, начиная от падуна и почти до самой деревни, — река бурливая и капризная.

— Ну, слава богу, миновали великую беду, теперь можно опять баловаться. На этом пороге чуть, самую малость, не догляди, так и костей не соберешь, а лодку вдребезги... Вот бывало...

И Капитон Федорович рассказал несколько случаев из жизни этого порога. Малоопытные люди, поленившись обойти порог пешком, спускались по нему и гибли.

— А саамы?

— И саамы тоже... Не всякий может сплыть. И то сказать — бывало и со знаменитыми коршиками... Я вот пока живой хожу... У меня лодочка такая — сам шил!

Весь этот день мы плыли мимо лесистых берегов Варзуги. Слева сосновые леса — настоящие корабельные роци; с запада — березняки с елью, сосняки с елью. Из них справа выбежала река Пана, приток Варзуги. Повыше ее устья когда-то находилась монастырская мельница, а дальше монашеские скиты. Пониже Паны-реки Капитон Федорович показал мне «вавилон». Он был выложен булыжником и еще не очень пострадал от времени *. Лес кругом стоял темно-зеленый, в далах синий. Небо вечерних закатов изумрудное. Мне все время казалось, что я еду среди иллюстраций Библины к русским сказкам. Воображаю, сколько здесь грибов!

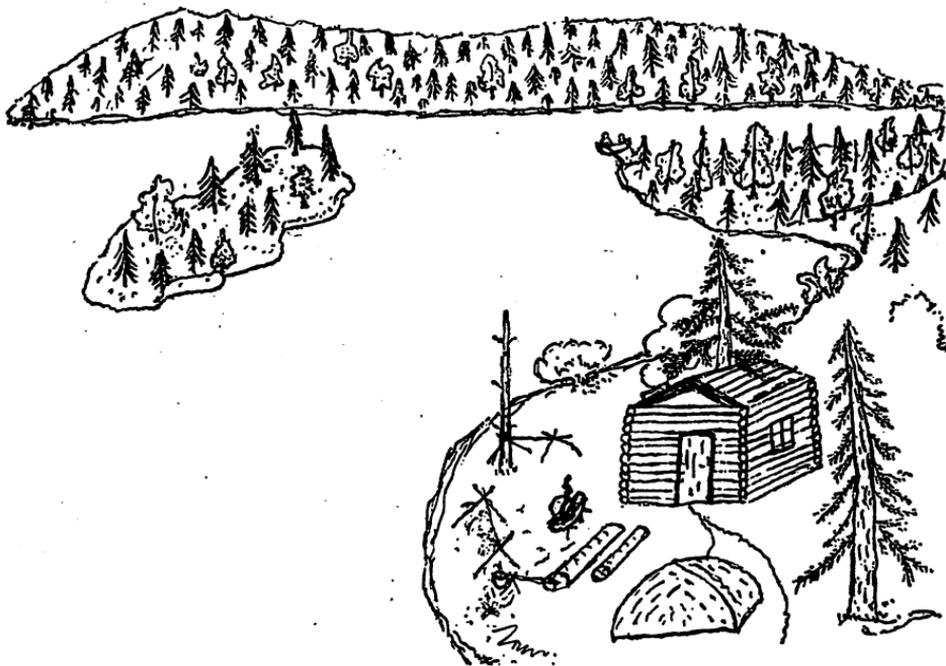
Ночевали мы рядом с шатром брата Капитона Федоровича, который приехал сюда для ремонта какой-то общественной избушки.

За ужином шел разговор о промысле семги, об интересном хозяйстве варзужан, настолько разнообразном, что они вынуждены вести полуоседлый образ жизни. Все это нарушало мое представление об оседлости русских.

Перед сном весь вечер братья пели старинные русские песни. Голоса у них были прекрасные. Я так и не успел у них

спросить, живут ли на Терском берегу саамы. Только потом, укладываясь на ночлег, братья мне сообщили, что с началом войны 1914 года все саамы с Терского берега вернулись домой. До того они жили здесь в работниках. Они приезжают в Варзугу только зимой, на новогоднюю ярмарку, которая длится две недели.

Утром по совету Капитона Федоровича я сбегал на угор. С высоты его любовался необычной картиной: вдоль берега вверх по реке в совершенно прозрачной воде парами плыли лососи. Торжественное шествие!

В краю Летучего камня. 1929 год

Тайна Сейдозера

Сага об озере Сейдгъяр

Во второй раз мне довелось побывать в Каменском погосте в 1929 году. Большая часть саамов — конечно, это были наиболее предприимчивые люди — уже перебралась в Ивановку. Жизнь в деревне давала слишком много преимуществ, чтобы можно было по-прежнему оставаться в старом погосте.

В Ивановке жил фельдшер. Один из коми держал учеников для обучения грамоте; среди них учился один мальчик-саам. Уже строили школу-интернат. Тут находилось правление оленеводческой артели. Сюда приезжал агент Госторга для закупки пушнины и мяса, он же привозил самые разнообразные продукты питания и хороший выбор платного товара (одежды). В Ивановке поговаривали о по-

стройке рыбокоптилки; со дня на день ожидали пуска смолокурни. Приезжал инспектор кооперации и обещал открыть кооперативную лавочку, а один из стадчиков уже прикидывал на счетах, во что обойдется постройка своего замшевого завода¹.

К 1929—1930 годам Ивановка начала занимать заметное положение на Кольском полуострове. Она росла быстро. Слава о ней шла по всему Мурману. И никто не знал и не подозревал, что в этом селении назревал очень серьезный конфликт.

Вскоре после своего переселения основатели Ивановки, коми-ижемцы, восстановили свое хозяйство. Стадо их умножилось настолько, что пришлось его разделить. Два стада требовали большего числа пастухов. Брать в пастухи саамов не было смысла, потому что все они на лето расходились по озерам, где занимались рыбной ловлей. К тому же саамы, подражаясь на любые работы по найму у богатых ижемцев, не шли к ним в пастухи.

Семьи крупных стадчиков выписывали себе батраков с Печоры. Большею частью это бывали молодые люди из числа так называемых хороших людей, иначе говоря, сыновья и племянники «хорошей» родни, которым было выгодно помочь. Эта родовитая молодежь приезжала в Лапландию без оленей, уверенная в том, что она быстро поправит свои дела за счет оленей, свободно пасущихся в тундре, то есть оленей саамов и русских с Терского берега. Эти гости — батраки и племянники — очень быстро обрастали стадами. Сколотив стадо, правдой или неправдой, числом 200—300 голов, молодой хозяин отделялся от покровителя и начинал самостоятельную жизнь. Это значит, он нанимал себе батрака-ненца или вступал в совместную пастьбу с таким же, как он сам, молодым хозяином.

В этом положении «хорошие люди» были особенно дерзки и опасны.

За время моего отсутствия в Ивановку переехало еще несколько богатых хозяйств. Назовем их условно одним общим именем «калистраты», поскольку во главе их стоял Калистрат. Это были стадчики с Печоры; там, на Печоре, им не дали места для пастьбы оленей. Новопоселенцы построились в Ивановке без разрешения райисполкома, но с согласия Ивановского сельсовета. Новые домохозяева стали жить,

¹ Первый замшевый завод был построен в Ловозере еще до революции.

не связанные никакими обещаниями. Сам Калистрат с первых дней своего появления в Ивановке повел себя агрессивно. Он не мог равнодушно видеть изобилие рыбы в водах Поноя и в озерах. И «калистраты» начали ловить рыбу не только «себе на варев», но и для продажи на сторону. Однако они плохо знали рыбные места. Тогда Калистрат приказал следить за рыбаками-саамами и ловить рыбу на их тонях. Саамы посчитали, что «калистраты» ловят и продают их кровную рыбу. Занятие «калистратов» рыбной ловлей и ее продажа на сторону больно ударили по бюджету саамов. Завязалась борьба. Старожилы колена Ивана Ивановича Артиева-«старого» (одного из первопоселенцев) держались своего обещания, а вновь прибывающие примкнули к «калистратам». Младший Артиев и его супруга встали на сторону саамов. Соседи прозвали ее «королевой лопарей», а парни и девушки «калистратов», гуляя по улицам, распевали частушку:

Лопарешки — люди бедные,
Сами ростом недовольные.

Что греха таить! Я не сразу заметил, что происходит в жизни деревни. Причиной тому была моя квартира в русской семье: вследствие этого я оказался вне русла общественной жизни саамов. Разговоров у моих хозяев на тему о действиях «калистратов» не было. Сами же каменские лопари оказались людьми слишком тихими, терпеливыми и совестливыми. Даже когда я гостил в веже саама Егора Петровича Койбина, которого стадачки сильно обидели в прошлом году, он ничего мне не сказал о «войне» саамов с «калистратами».

Вероятно, я сам был виноват в этой своей слепоте: я слишком гонялся за сказками и преданиями старины, за божествами саамов.

Эта погоня за богами вложила мне в руки предание или нечто вроде саги об озере Сейдъявр (Свято). В борьбе, завязавшейся между саамами и «калистратами», это озеро заняло весьма серьезное место. Привожу текст записи полностью. Я записал предание не под диктовку, а по памяти, стараясь возможно точнее восстановить его.

Вот эта сага.

На озере Сейдъявр саамы ловили рыбу один раз в году. Это бывало, по обычаю, летом, в день, указанный знающим человеком. Его знака ждали день ото дня начиная с петрова дня (то есть 12 июля). Скажет знающий и назовет имя, имя девушки такой-то, тогда уж почитай что и не спят в тот день. Надо правду сказать: в это время все люди все дни только во днях живут, а ночей-то и вовсе не бывает. Как прослышат люди о сказанном, тотчас затопляют камельки. И все, кто ни есть в каждой семье, моются с головы до ног. И все, у кого есть что переменить, — все надевают чистое, отбеленное белье. И тогда собираются и едут, каждая семья в своем карбасе, а та, чье имя названо, — та едет в лучшем, новом карбасе, в тот год сшитом. Одна она сидит на скамеечке, покрытой сухой донной травой². Не гребет она, отцов карбас толкает ее впереди себя.

Так и едут в молчании, дружно, карбас за карбасом, и только один человек виднеется впереди всех — это о п а с. Он все

Сага об озере Сейдъявр¹

пути знает, он разведает, свободен ли путь, нет ли препоны, не осквернил ли кто их озеро? Он примет на себя весь страх, всю оборону на случай беды. Он найдет особо запрятанную протоку из озера Вулиявр в озеро Сейдъявр. Он знает, где эта протока заложена кусками дерна и кустами. Надо было делать так, чтобы сторонние люди не могли проникнуть в озеро Сейдъявр.

Когда первый карбас подплывал к протоке, она уже была открыта и видима всем (особый человек ее стерег!). Одна за другой лодки проникали в протоку; последняя лодка, тоже с опасом, закрывала ее. Через малое время весь народ, что ехал в лодках, уже находился на озере. Знающий снимал шапку, кланялся воде и бросал в озеро монету. И все, кто стояли на карбасах, каждый хозяин своего суденышка, следовали примеру старца и бросали монету. После этого лодки разъезжались по своим местам. Теперь все забрасывали сети и начинали ловить рыбу. В великой тишине ловили рыбу. Покончив с этим

¹ Сейдъявр — по-саамски Сейдозеро.

² Донная трава — добытая со дна озера, реки (кувшинки, купавки, вахта).

делом, лодка причаливала к берегу; кто хотел, разбивал палатку. Все располагались на отдых и спали.

Приходил урочный час. Знающий вытаскивал со дна озера новые водяные травы и раскладывал их на бортах того карбаса, где лежала нареченная девушка. Остальные хозяева вытягивали сети, обирали рыбу. Покончив с осмотром сетей, один за другим собирались на островок на озере; по середине острова покоился огромный валун, похожий на рыбку голову. Тут с южной стороны камня уже запасены дрова. Все приносили свои котлы, полные рыбы, разводили под камнем огонь и усаживались в кружок, от мал мала меньше до самого старшего. Тут и пили, и ели, насыщались свежиной до отвала,

хмельной березовый сок пили и песни пели, кому какая на душу падет.

А потом в том же порядке отправлялись домой. Но девушку, имя которой называл знающий, везли теперь не впереди, а позади; и не сидела она, а лежала среди водяных, донных, с озера добытых трав... И опас ехал теперь позади, охраняя поезд родных и односельчан от неожиданной беды.

Так бывало в старое время. А с тех пор как старики начали примечать, что припленные люди ладятся разведать, где есть у каменчан их озеро Свято,— с тех пор саамы не стали справлять свой хороший праздник. Теперь настало время хоронить озеро Свято, чтобы не выдать его жадным людям...

Рыбная ловля на озере Пурнач, когда-то священном озере саамов, тоже, говорят, совершалась с некоторой торжественностью. У подножия горы Карбасной, или Лодочной, процессия рыбаков-саамов отдыхала. Перед тем как отправиться дальше пешком, все походное имущество переупаковывалось и перегружалось на плечи. Имелись ли лодки и сети на самом озере и приносилась ли какая-нибудь жертва озеру или совершался обряд, выяснить не удалось. Надо полагать, рыбные тони на озере Пурнач были оборудованы как и всякое промысловое место.

В Каменском погосте заниматься изучением рыболовства на озере Вулиявр не было времени, но мне доводилось бывать на этом озере во время рыбной ловли. Невольно привлекало внимание то, как саамы ведут себя на воде. Во

время лова рыбы все их движения медленны, они не торопятся, но как бы священнодействуют, говорят негромко, не бранятся, не стучат веслами. Первое правило — не шуметь и не стучать. Сети не забрасывают, их опускают осторожно в места, хорошо известных на тоне. Те места, где рыба держится постоянно, называют «рыбными домами». Понятие «постоянно» относительно, так как рыба «домой» приходит в часы и дни, хорошо известные только мастеру рыбной ловли.

Покончив с установкой или осмотром сетей, ловцы возвращаются домой, оживленно разговаривая, перекликаясь карбас с карбасом, если едут попутно.

Заповедных озер, то есть водоемов, где рыбу обычно не ловят, а берут только в определенные дни года и только путем общественной путины, у каменских саамов было несколько. Не считая уже указанных, имелось еще озеро Юрозеро и несколько озер севернее реки Поноя. В них рыбу ловили редко или временами. Обычно это самые богатые рыбой озера; рыба в них крупная, ловится очень хорошо. Качеством рыбы славились озера Сейдъявр и Пурнач, тут водились особенно крупные сиги. Саамы прекрасно сознавали пользу, которую приносили им заповедные озера. Они берегли их для сохранения породности рыб, умножения рыбного богатства для всего края.

Каждая саамская семья в Каменском погосте запасала на зиму бочку или две-три квашеной рыбы и столько же соленой. Все это хранилось в земле или в амбарчиках. На продажу заготавливали примерно столько же, а может, и побольше — на эту тему саамы избегали беседовать.

Промысловая артель в Каменском погосте организовалась зимой 1929 года. Она состояла из бедняков — оленеводов и рыбаков. В помощь артели Ловозерский райисполком отпустил несколько сетей и мотков прядины, одно хорошее нарезное ружье и 500 оленей. Через несколько лет этих оленей артель должна была вернуть району полностью с прибавкой некоторой части приплода. Остальной приплод поступал в собственность артели. Это было выгодно. Организовалась артель в составе двух бригад — оленеводческой и рыболовецкой. Во главе первой стоял оленевод ненец Семен Яхтусов; он же являлся председателем артели. Яхтусов выбился из батраков; в противоположность «племянникам хороших людей» он не обкрадывал саамов и русских. Саамы его ува-

жали. Года два или три он пас свое стадо самостоятельно. Однако пасти одному небольшое стадо очень трудно. Он пригласил к себе в товарищи еще трех малооленных хозяев — двух саамов и одного ненца. Стали пасти вчетвером, и дело поначалу пошло хорошо.

Бригадир рыболовов Варвара Койбина была отличным работником и хорошо знала озерное рыболовство. Бригада во главе со своим бригадиром ездила на озеро Вулиявр, соблюдала обычай и не облавливала тони, которые считались за той или иной семьей. Среди озер Каменского погоста были озера заповедные. Это были озера, где лов вели только всем обществом, с соблюдением обряда. Все знали, что есть такие озера, что они очень рыбные, что озера эти запретные. Все знали, где они находятся, но как проехать к ним, ведали только знающие люди — н о й д ы.

После революции старый обряд перестали справлять. Однако ловить рыбу в этих озерах продолжали только всем обществом. С организацией артели по совету стариков рыбу в этих озерах ловила бригада Варвары.

Вокруг этих-то озер и вокруг рыбной ловли в озерах бывшего Каменского сельского общества разыгрались большие события, о которых так просто, на двух страничках, рассказать трудно.

Пока был жив старый Артиев, никто из пришлых не заикался о том, чтобы ловить рыбу в саамских угодьях. После смерти старика находились охотники порыбачить, уловить и продать, но младший сын старика вместе со своим старшим братом очень быстро пресекали эти посягательства. Саамы от этих отдельных нападений не страдали, они полагались на слово братьев и терпели.

Но вот появились «калистраты». Поначалу они были очень сладкоречивы и очень дружелюбны с саамами. Не прошло и года, и они оказались весьма энергичными рыболовами-жищниками. Сам Калистрат захватил озеро Пурнач, построил там летний дом и намеревался перебраться туда на постоянное жительство, но что-то у него не вышло в Понойском райисполкоме.

Нарушив запрет на озеро Пурнач, «калистраты» начали рыбачить на других озерах и на коренном саамском озере Вулиявр. Новые рыбаки заготавливали рыбу, продавали ее и в Варзуге на ярмарке, и в Тетрино — в кооператив, и в Ловозере, и соседям с рук. Эта предприимчивость сразу и пре-

больно ударила по бюджету саамов. Разговоры об организации рыбокоптилки заглохли. Между тем «калистраты» открывали все новые и новые тони саамов и ловили рыбу во все больших количествах. Случалось, и не редко, что саамы приезжали на место уже обловленное. Новые рыбаки производили лов рыбы грубо, они распугивали ее. Рыба покидала «рыбные дома» и переселялась в другие, еще неизвестные места.

Дальше — больше, и «калистраты» открыли настоящую войну с саамами за их рыболовные тони. Борьба обострилась, когда промысел стал артельным, а бригадиром рыбаков поставили женщину. За ней «калистраты» ездили по пятам. Подчас затевались драки. Все это отражалось на уловах рыбы, на выполнении плана рыбацкой бригады. Артель не выполняла плана, а стадчики, богатые люди, заготавливали рыбу для продажи на стороне.

Чтобы сохранить за собой еще неизвестные кулакам тони, Варвара и ее рыбаки начали ездить на рыбную ловлю тайно, так, чтобы не обнаруживать свои тони. Саамы особенно опасались за свое озеро Сейдъявр. Оно было окружено тайной. Это интриговало «калистратов», им грезились в Сейдъявре необычайно жирные сиги и небывалые уловы. «Калистраты» решили выведать тайну Сейдъявра хитростью.

Племянник старшего Калистрата, молодой парень Ванька Кокулев, уже год как ухаживал за саамской девушкой Улей. Когда организовалась артель, Уля вошла в нее. Она была грамотна и вскоре стала правой рукой бригадира. Отец ее, весьма уважаемый саам, середняк, владелец стада, которое позволяло ему вести самостоятельное хозяйство, уважал артель рыбаков; он и сам в ней участвовал. Он был большим приверженцем саамского уклада жизни. Своих сыновей и дочь он воспитал в духе преданий глубокой старины. Мать Ули была той последней «жертвой», которую возили в лодке на Сейдозеро.

Ванька Кокулев намекнул Уле о своих намерениях, но старик не согласился отдать дочь за племянника Калистрата: «Пусть уходит от «калистратов», пусть живет по-нашему», а что будет дальше, того не сказал.

Что случилось, неизвестно, но однажды Калистрат выгнал со двора своего племянника Ваньку Кокулева. Парень переехал на другую квартиру и запил. Никогда Ванька водку не пил, а теперь каждый день во хмелю. Только с саамами

знается, «калистратов» поносит, и бранит, и с грязью мешает. А сам от Ули не отходит, просит, чтобы приняли в бригаду, обещает, что будет он первым работником: дайте срок, он «докажет себя». А сам к Уле сватается, проходу не дает. Приняли Ваньку в бригаду, начал он ездить с артелью. Водки в рот не берет. Вошел Ванька в полное доверие и к Варваре, и к Уле, и ко всем членам бригады, и к старику, отцу Ули. Лето прошло — Ваньку не узнать, справный парень, на всех озерах побывал, где как ловить рыбу вы-знал, про Сейдозеро тоже вы-знал. С бывшим своим хозяином помирился. Стала Уля примечать, что ее Ваня имеет интерес уже не к ней, а к бывшего хозяина дочке, а дочка-то эта на выданье, и приданое богатое.

Стало приближаться осеннее время — самый рыбный сезон.

Варвара с Улей составили план — во второй половине августа ехать на озеро, что не доходя Немецкой горы лежит. Приехали — а «калистраты» уже тут, сушат сети и собираются домой. Поехала Варвара с бригадой на самое рыбное место на озере Вулиявр. Только им въехать в протоки — а там уже Ванька Кокулев заодно с «калистратами» рыбачит на трех лодках. Ванька коршиком, за старшего, Варвару в протоку не пускает, да еще и посмеивается. Поехали саамы на Лосенгу семгу ловить — сам Калистрат уже там и Варвару с исконных саамских семужьих тоней гонит.

Когда я приехал в Ивановку, борьба «калистратов» с рыбаками-саамами была в самом разгаре. Некоторые хотели проучить, то есть избить, Ваньку Кокулева, другие грозились его убить. Однако кроме угроз так ничего и не произошло. И все-таки в один из воскресных дней, на вечеринке, Ваньке досталось, и крепко досталось, от одного ненца-батрака. Долго ходил он с помятым носом и сломанным ребром. Дело, однако, замяли.

В конце концов как же реагировали, как вели себя саамы в таком остром и жизненно важном для них конфликте?

Они удивлялись, как можно поступать так, как это делают «калистраты». Их возмущало, что «калистраты», эти богатые люди, стадачки, вырывают хлеб из чужого рта. Где у них совесть?! Терпели саамы долго, но не обращались ни в сельсовет, ни в суд, ни в район, ни к уполномоченному Комитета Севера.

Они обратились за советом ко мне. Я мог указать единственно правильный путь — Комитет Севера при ВЦИК. Кончилось тем, что Варвара сократила поездки на озеро Вулиявр. Здесь промышлял только один старичок со своей семьей. Это был Егор Петрович Койбин. Его «калистраты» не трогали. Саамы «спустили» озеро Сейдъявр, об этом стало известно, так как с некоторых пор в озере не стало рыбы. Бригада Варвары рыбачила теперь только на дальних озерах бывшего Каменского сельского общества.

Тут на сцену выступил Илья. Это тот мальчик-саам, которого несколько лет назад начал обучать грамоте один из коми. Теперь Илья уже юноша; он единственный комсомолец в деревне.

Илья поехал в Понойский район. Рассказал все подробно и написал заявление. В районе Илью поддержали, обещали помощь, составили протоколы; выписки из протоколов и копии вручили Илье. Много бумаг послали в область, на бумагах была и его подпись, подпись Ильи Койбина. Вернулся он домой окрыленный и принялся ждать ответа на свои бумаги*.

Когда я уезжал из Ивановки, Илья просил меня напомнить, где надо, о том, что творится у них в Каменском погосте. Я написал письмо В. К. Алымову, но ответ получил только при отъезде из Мурманска. Устное резюме его было кратко и многозначительно:

— Это общий вопрос для всего Севера. Он изучается. В ближайшие один-два года со всеми этими узлами будет покончено.

Шел 1929 год. В стране начиналась коллективизация.

«Праудедки»

*Ловта «Дерево дружбы». — Ловта «О начале человека». —
«Мяндаш-пырре»*

Для поездок по местам, связанным с памятниками старины, мне нужен был проводник. Я обратился к пожилому человеку, которого все почему-то звали уменьшительно Трифон-Гришка, то есть Григорий Трифионович. (У саамов, именуя кого-либо, величают по отцу, личное же имя ставят на второе место.) Трифон-Гришка был уважаемый человек; жена его,

замечательная сказочница, держала дом в завидной чистоте, а супруга своего — в крепких руках.

Трифон-Гришка производил впечатление хитроумного Одиссея, но какого-то припугнутого. Зная мою заинтересованность в священных камнях, он как-то вечером начал мне рассказывать о лыхте-верра, то есть о старинном религиозном обряде лопарей. В переводе это выражение значит «себе вера». Однако все его рассказы были не более как безудержное словоизвержение. Из потока его слов я вынес впечатление, что Трифон-Гришка знает, что сказать, но не хочет. Он растравил мое любопытство утверждением, в которое, видимо, верил: «Знать лыхте-верра без того, чтобы тому человеку не было вреда через год, нельзя. Обязательно случится с ним беда. А если хочешь быть свободным от худа, от обитателей лыхте-места, надо обойти вокруг него и постучать по нему три раза. Место это очень страшное: страшно смотреть, сколько там костей, рогов и черепов. Испугаешься, если увидишь. Если ты с худым намерением пришел, то лучше уходи от этого места».

Я попросил его показать мне все эти места, быть моим проводником. Он отказался. Я обратился к отцу Ули и еще кое к кому — тоже отказ. Между тем мои хозяева докучали мне советом взять Илью: он парень развитой, умный и разговорчивый, расскажет все, что знает. Он знает, говорили они. Правда, он очень стеснительный, но это потому, что доля у него горькая. Было ясно: они хотят, чтобы парню перепал заработок.

Явился Илья наниматься.

И вот передо мной юноша лет двадцати пяти, бедно одетый.

Илья — сын батрачки. Выглядит он моложе своих лет, и не потому, что жизнь его была легкой. Сказывалось постоянное недоедание, кусок хлеба из рук хозяина и харч из чужого котла. На деревне он слывет за чудака, который много хочет, а ничего не может. Он единственный комсомолец в деревне. Надо быть очень храбрым человеком, чтобы быть комсомольцем в этом гнездилище богатых оленеводов, стадчиков, «калистратов» и их прислужников. Трудное положение его осложнялось еще и тем, что мать его, слепая женщина, ходит из одного богатого дома в другой, не отказывается ни от какой работы и трудится за прокорм себя и сына. В глазах местной бедноты — она великая мастерица и советник в любом житейском деле. В глазах же стадчиков — это

«вредная Ирinya». Илья хватается за любой заработок, но загнанность бедняка, к тому же еще и грамотного, не дает ему разогнуться.

Я так и не понял, чем же он занят, какие работы он ведет. Он не состоял в бригаде рыбаков. Видимо, он пробавлялся случайными заработками при домах стадчиков.

Мне казалось, что Илья как проводник мало чем сможет мне помочь. Иначе говоря, я не надеялся услышать от него ни сказок, ни песен, ни легенд. Но других желающих со мною путешествовать не было. Илья не запросил, я не поскупился — и мы решили ехать в первый же погожий день.

Выдался замечательный денек. Мы быстро собрались и выехали из деревни на поиски п р а у д е д к о в. Живут они где-то на озере Вулиявр, на горе, название которой никто не хочет мне сообщить. Илья тем охотнее согласился ехать со мною, что мать его работала у хозяйки Егора Петровича Койбина, который жил в веже на озере, в бывшем Нижнекаменском погосте. Мы выехали спозаранку в надежде, что течение реки Поной поможет нам быстрее добраться до места.

Вот мелькнула крайняя избушка Ивановки, вот еще виден амбарчик с оленьими рогами на коньке крыши. Но вот и они исчезли. Остались небо, вода да прибрежные кусты и травы.

Небо на Мурмане бывает высоким только по ночам; сегодня же утром оно чуть-чуть голубело и было все в барашках. Они отражались в лоне широкой реки. Плывут они медленно и спокойно и словно глядятся в свои отражения, как Аленушка и братец Иванушка в сказке, а по-саамски — как Осип «лебедь-сердцева тоска» смотрится в глаза любимой девушки, которая поет ему прощальную песню.

Я сижу на руле. Илья на веслах.

Когда мы вышли на широкое плесо Поной, я спросил Илью первое, что пришло мне в голову:

— Что значит название реки Поной? Что это за слово такое — «Поной», каков смысл этого слова?

Озадаченный, он перестал грести и мурлыкать песенку о том, что вот он едет в лодочке, лодочка гладко бежит по воде и едет в ней к а й л е с из больших городов.

— Поной? — переспросил он удивленно. — А кто знает? По-русски Поной, а по-нашему Пыэнняйог, это значит по-русски Поной-река.

Я объяснил Илье, какой ответ от него ожидаю. Например, возьмем слово «человек». В этом слове два слова: «чело» — это как бы лицо человека, его лоб, его существо, и другое слово — «век», что значит «сотня лет», «много лет». А если вместе составить два таких слова, получится «человек». Это уже новое слово, его можно понимать так: «сто лет челу», «сто лет этому лицу», «сто лет живет это чело, это существо», «чело многолетнее», «многолетнее существо», «чело многих лет», «человек».

Илья задумался. Потом совершенно неожиданно дал умное толкование названия реки: Пызня — это будет «со глуби дна».

С этого топонимического развлечения началось наше знакомство и наш разговор *. Однако Илья во всем, что меня интересовало, особенно же в области верований саамов, был скуп, так же как и его мать, и все каменские саамы. Илья оказался не так «разговорчив», как уверяли меня хозяева. Он больше помалкивал и даже не очень расспрашивал меня о целях моей поездки, о Москве, о Ленинграде.

Меня удивляла и раздражала эта нарочитая замкнутость. Он жил какой-то своей жизнью. Даже о стадчиках деревни Ивановки он ничего интересного не рассказал. И только на другой день, когда мы одни коротали время в шалаше на озере Вулиявр, когда шел проливной дождь, он разговорился и поведал мне повесть их жизни — его с матерью; рассказал, как заболела она слепотою еще совсем молодой девушкой и никто не знал причину ее болезни. Он не говорил, что очень любит мать, но в каждом слове его это чувствовалось, была видна его забота о ней. Затем он рассказал кое-какие с а к к и, или бывальщины, которые давно мне были знакомы.

К полудню мы добрались до вежи простака Егора Петровича. В прошлом году его сильно обидели стадчики. Он отдал на выпас десять оленей, а ему не вернули ни одного. Теперь он был зол на больших оленеводов. Поэтому именно ему саамы Каменского погоста поручили наблюдение за передвижением врага. Ему был дан наказ следить: кто из стадчиков плывет по реке Поною вниз, кто пробирается по протокам в озеро Вулиявр. В особенности он должен был знать, куда ездят на лодке «калистраты» и подручный их Ванька Кокулев. В зависимости от этих наблюдений Егор Петрович сообщал бригаде рыбаков, где и когда они свободно могут рыбачить. Егор Петрович строго соблюдал наказ. Его

молодая жена Федосья приказала старшей дочке стоять на крыше вежи и следить во все глаза за всем, что творится на озере.

Федосья вызвала к себе Иринью, чтобы она жила у нее в веже и работала. Мать Ильи обязалась за прокорм себя и сына шить дочерям Егора Петровича платья к зимним праздникам. Когда мы приехали, она уже несколько дней сидела за работой. Я с интересом наблюдал, как Иринья Фоминична, абсолютно слепая женщина, кроила куски материи, разрезала их на части точно по мерке и по фигуре дочерей Федосьи, вдевала в игольное ушко нитку и вела стежку шва безукоризненно ровно.

Федосью с трудом удалось уговорить, чтобы она разрешила Иринье во время шитья рассказывать сказки «под карандаш», то есть для записи текстов этих сказок.

С а д к а ¹ Нижнекаменского погоста — местечко, приметное в жизни саамов. Отсюда идет род лопарей Матрехиных. Это они заселили всю восточную часть Кольского полуострова, так называемый Теплый Наволок (Нырхт-ниярк). Здесь хранились традиции терских саамов, отсюда шли предания старины, которой жила эта восточная ветвь саамского народа. Пришли сюда люди с запада, как говорят, от К а н д а л у х и с Терского берега. Это было тяжелое время гонения на их веру, на их л ы х т е - в е р р а. Следовательно, это было время монаха Феодорита, крестителя саамов, то есть примерно 1530-е годы. Иначе говоря, время Ивана Грозного. Поселились тут саамы среди болот тайно, никому неизвестно. Только один человек, «святой Сергей», жил на озере Юрозера, которое и теперь называется его именем — Сергозеро. Этот святой человек предупреждал каменчан о готовящихся на них набегах с Терского берега для обращения их в православную веру. Другая версия этого рассказа сообщена Капитоном Федоровичем Вопяшиным. По его сведениям, «святой Сергей» был русский, варзужанин, он жил «во пустыне», заботился о просвещении саамов.

Если сопоставить устное указание саамов о приходе их предков из Кандалухи в 1530-е годы с наличием среди обитателей Юрозера человека с отчеством «Сергеев-сын», то су-

¹ Садка — место поселения саамов, имеющее сравнительно постоянный характер — 50, 75 и даже 100 лет сезонного обитания (зимой или летом).

ществование какого-то Сергея становится несомненным, хотя вопрос о национальности его остается неясным.

Нижекаменский погост расположен в средней части озера Вулиявр (что значит в переводе «грязное озеро»), на северо-восточной его стороне. Песок и мелкий гравий придают этому мысочку своеобразный характер. Среди болот, раскинувшихся вдоль русла реки Поноя, он словно шапка гриба, что осела с ножки на землю и заросла вороникой, кое-где стелющейся березой, а повыше голубикой и багульником.

Среди этих зарослей стоят две красивые сосны. Кроны их прекрасно развиты. Вдали голубеют еще три такие же красавицы, но более старые. Это «обетные деревья», они посвящены богу Кавраю. Левая сосна посажена с молитвой матери, чтобы грозный бог сохранил жизнь младенцу Илье, впоследствии славному охотнику за дикими северными оленями. Он родился слабым и рано умер, видимо от туберкулеза. Он был знаменитый сказитель и певец. Второе дерево, более старое и более мощное, посажено в середине прошлого века на имя глубокого старика, который никак не хотел умирать. Он просил себе долгую жизнь, просил дать ему подольше пожить. Он действительно долго жил.

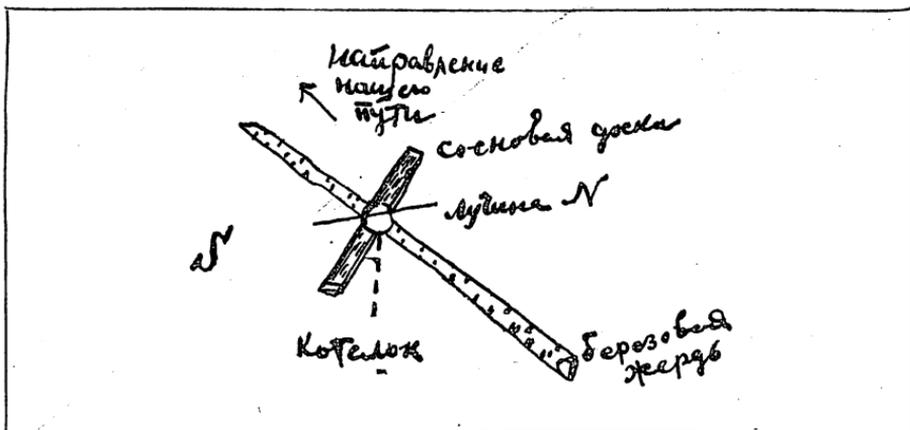
Наволок, то есть полуостров, на котором расположился Каменский погост, своим основанием простирается на север. Если хорошо знать дорогу, по нему можно добраться до горы, нас интересующей. На лодке же озером, а потом пешком через три-четыре болотца можно достигнуть этой заколдованной горы скорее и проще. Илья избрал именно этот путь.

Мы уже погрузились в лодку, когда я вспомнил, что забыл в веже треногу фотоаппарата. Быстренько выпрыгнув из лодки, я побежал обратно к веже и тут увидел необычную картину: все обитатели обеих веж сгрудились перед входом той вежи, из которой я только что вышел.

Егор Петрович на корточках, без шапки «ладил» нам добрый путь.

Этот «добрый путь» состоял из трех сучков, уложенных друг на друга шалашиком. Четвертая лучинка, довольно длинная, благоухала смолой; одним концом она упиралась в землю, другим была направлена в сторону нашего пути.

Все были крайне смущены моим появлением, особенно Егор Петрович. Он подошел ко мне и доверительно сказал: «Делал тебе дорогу», и его простоватое лицо выразило такое

добродушие, что мне стало как-то особенно хорошо и спокойно. «Путь-дорога будет хорошей», — уверенно сказал я себе.

Аппарат мой в лодке, он уже увязан и укрыт, тренога тут, у меня в руках, солнце стоит уже высоко — надо ехать, а не возиться с моим громоздким аппаратом. Я не стал фотографировать сооружение Егора Петровича. А жаль!

Болото начинается сразу. Оно стоит стенкой высотой всего в какие-нибудь две-три четверти ¹. С этой высоты беспрестанно, ручьями, льется вода прямо с края торфа в воду озера. Мы нашли кочковатое место и решили здесь высадиться. С кочки на кочку перебрасывая себя и вещи, порой проваливаясь, добрались мы до сухого перелеска. Тут привал. Перед следующим переходом надо отдохнуть: теперь придется идти прямо по топкому болоту до матерой земли. Попробовали — топко. Нога вязнет глубоко, вытаскивать ноги очень трудно; на дне не чувствуется спасительного льда вечной мерзлоты. Но глядишь, на ином месте, покрытом пушицей и пучками старых осок, нога держится прочно, особенно если нарубить и набросать веток березы. Так мы и сделали. Держит!.. Идешь, и неплохо идешь, только успевай снять ногу со слишком топкого места.

Добрались наконец до матерой земли. Тут хорошо: рослые сосны, мягкий ягельный ковер.

¹ Старинная русская мера длины. (Прим. ред.)

Илья взял направление, одному ему известное. Надо сознаться, в глубину этого леса, леса прадедов, я входил с глубоким почтением. Мы шли между вековыми соснами, шли мимо огромных валунов, сплошь заросших ягелем. Грезилось что-то необычайное, сказочное в этом лесу, где даже камни-валуны казались какими-то заколдованными существами, нашедшими здесь свой покой. Порой эти камни были повыше пьедестала памятника Петру Великому на площади Декабристов в Ленинграде.

Миновали Кровавый ручей; говорят, в русле его вода бежит не по камушкам, а по человеческим косточкам, а самый источник, родник, покрыт маленькой вежущкой. Я предложил Илье пойти вверх по течению или вниз, чтобы проверить, нет ли здесь в самом деле остатков каких-нибудь костей.

— Пусто дело, все это сказки...

А легенда говорила, что где-то тут во времена «подземной войны» происходили «кровопролитные бои» между чуждью (чужеземцами) и саамами. Однако плохо верилось в «бои» в этих, самых глухих, местах Лапландии. Людей в те годы могло здесь насчитываться в лучшем случае сто семейств на всю округу. Из них в Каменском погосте жило, может быть, десять-двенадцать семейств.

К трем часам мы поднялись на открытую высоту. Здесь не было леса; среди пышного ягеля стояли лишь отдельные сосны и ели. Впереди уже виднелась вершина горы и на ней скалы. В их контурах угадывалось что-то необычное.

Я поспешил было к скалам, но Илья остановил меня и указал на странное дерево. Оно было лишено коры. Обнаженный, свободный от коры остов его белел от солнечного загара. Дерево «росло» вверх корнями *. Я не сразу сообразил, что оно именно не росло, а было просто воткнуто вершиной в расселины камней, корнями вверх. Илья подошел и ткнул в дерево пальцем. Оно упало.

— Это «дерево дружбы», — сказал он.

— Ну зачем же ты свалил старину? Ведь это ваша древность! Ее надо беречь. Охранный столб надо тут поставить, чтобы никто не трогал это дерево. Ведь это «дерево дружбы», сам подумай — «дерево дружбы»!

— Какая теперь дружба?! — хмыкнул Илья, посмотрел на меня какими-то закрытыми глазами и пошел вверх, к макушке горы, а я занялся фотографированием «дерева дружбы». Мне совестно было ходить по пышному многовековому ягелю, расстилавшемуся вокруг.

Пока я возился со своим громоздким фотоаппаратом, Илья присел отдохнуть. Я уселся рядом с ним. Помолчав, Илья посоветовал мне попросить его мать рассказать ловту про «дерево дружбы». Я упросил его рассказать ее сейчас, благо мы сидим, ничего не делаем.

Илья оказался неплохим рассказчиком. Вкратце суть сказания сводилась к следующему.

Девочка и мальчик родились в одном селении на берегу моря. Он был сыном бедной старушки, а она была дочерью богатых и знатных людей. Однажды она гуляла по берегу моря и вдруг лицом к лицу встретилась с мальчиком. Так случалось не один раз. Однажды они заговорили друг с другом, и стало между ними знакомство. Дальше—больше, подружился эта девочка и мальчик. Возросли они. И стала девочка девушкой-красавицей, а мальчик пригожим пареньком. Полюбили они друг друга и дали клятву дружбы: никогда друг друга не забывать.

Время шло. Девушка и парень по-прежнему встречались, и было им хорошо. Однажды мальчик на свидание не пришел. Пропал мальчик: ни слуху ни духу о нем! Девушка очень горевала об этом пареньке. Время шло. Родители ее умерли. Родственники решили выдать ее замуж.

Ловта
«Дерево дружбы»

А она не соглашалась — отказ на все уговоры.

Тогда родня без ее согласия объявила на весь мир, что вот такую-то красавицу девицу выдают замуж. Начали съезжаться женихи. Со всех концов мира понаехало всяких купцов и королей. Заняли все квартиры в той деревне, на берегу моря балаганов понастроили, орехи продавали направо и налево. Однако невеста не согласна! Упрямится невеста! А женихи-то все едут и едут, девать их некуда, во дворец к невесте просятся. Говорят: «Вызывали — так пускайте ночевать!»

Видит девица: делать нечего, надо сдаваться, а выходить замуж она все-таки не хочет. Подумала она, пораскинула умом-разумом и согласилась.

— Я согласна, — говорит, — но с условием: моим мужем будет человек с золотым носом. Смотреть буду до паузины, в шесть часов вечера конец.

Объявили смотр. С утра женихи начали доказывать, что они ребята золотые. А один свой настоящий нос вырезал, а золотой нос на то же место вставил. Однако невеста разглядела фальшивый нос, схватила его за кончик, с мясом вырвала и бросила в море. Пока женихи подходили и подставляли носы, время-то шло, а ведь иные забежали по три, по четыре раза. Стало дело приближаться к сроку, иные женихи начали разъезжаться, а другие все еще шли и подставляли носы: охота им была хотя бы посмотреть на невесту.

До конца срока оставалась уже половина минуты. И вдруг примчалась тройка вороных. Лошади в мыле, взбешенные. Из саней выскочил жених — весь зеленый, как старый медный котел. Невеста от него поворот. «Поздно», — говорит, а он черные часы вынул и показывает: «Никак нет, — говорит, — в самый раз, еще полминуты осталось, успеешь полюбоваться». И требует, чтобы невеста осмотрела его нос, да еще и приговаривает: «Повнимательней, повнимательней!» — и подставляет ей свою зеленую медяшку.

¹ Равк — мертвец, покойник, выходец из могилы, самое пугающее создание саамского фольклора. Русская аналогия — вурдалак.

Нечего делать, взяла невеста свой ножичек, поскоблила нос у этого человека — из-под зелени золото блеснуло, а вовсе не медь. Царапнула раз, царапнула два — чистое золото.

«Неправда! Неправда! Нос приставной!» Схватила за нос, и правда — нос отвалился. На месте носа черная дырка виднеется, как в черепе.

— Я тебе не кто-нибудь, — говорит этот жених. — Я равк!¹ Я настоящий золотой человек! — И открыл ей свою грудь. Она царапнула — из груди проступили капли крови золотой.

Нечего делать, пошла девица замуж за этого человека. Он тут же кое-как справил свадьбу, даже подарками никого не одаривал. «Некогда», — говорит. Забрал невесту, усадил в сани, укутал дорожными мехами, из которых сыпался золотой песок, гикнул, гаркнул — только их и видели!..

И привез он ее в свои хоромы. Жил-пожил и собрался в дальнюю дорогу. Садясь в сани, дал ей ключи от дома и сказал: «Учись в моем доме хозяйничать! Все двери от-

воряй и смотри: все, как ряд делу, производи. На вот ключи, держи!» А от одних дверей ключи-то он дать-то дал, а двери те отворять запретил, даже в замочную скважину не велел заглядывать. И уехал равк.

Она обошла весь дом, все двери, все ключи примерила, двери отворяла и запирала. Дошла и до запретной комнаты. Она ключ в замочную скважину вставила и взошла. Там оказался лось. Он был голоден и очень слаб. Два раза она приходила к лосю. Приносила ему еды и воды вволю, чтобы он подкрепился. На третий день они решили бежать. Она села ему на спину, лось прыгнул, и они помчались. Чтобы равк их не догнал, они позади себя бросали оборону. Гребешок бросили — вырос лес дремучий, бросили зеркало — озеро стало, черепок метнули — гора выросла, спичку чиркнули — лесной пожар поднялся. Но равк гнался за ними по пятам. Все их проделки были ему известны, однако пожар встал до самого неба, тут и равку стало страшно. Пожар надолго задержал его.

Лось между тем привез девицу к морю, к своей старушке матери. Он велел

старой в случае опасности превратить девицу в щепку и спрятать ее в подпол. В знак дружбы с девицей лось вырвал самую красивую, самую большую сосну, что росла около дома, перевернул ее корнями вверх, ветвями вниз и воткнул в землю. Он сказал: «Пусть моя сосна растет корнями вверх, пусть дружба наша будет вечна и верна» — сказал так — и умчался за синие леса. Прошло немало времени. Равк не дремал, он рыскал по всему свету — все искал ту девицу прекрасную. Прилетел он и к бабушке, увидел сосну, хотел ее выдернуть, но не тут-то было. Это не его была сила. Осмотрел он всю избушку и в подпол заглянул, а щепку не заметил... Старушку до смерти напугал. Ничего не нашел. Дальше полетел. Полетел разорять все дома и народы, которые попались ему на пути.

Лось вернулся, взял девицу за руку, подвел к избушке, к матери подвел и спросил, не помнит ли она кого-нибудь в этом доме. Девица помогала головой и сказала, что нет, она не помнит в этой избушке никого. Лось подвел ее еще раз к матери: не помнит ли она эту старушку? Нет, девушка не знает

и не знавала эту старую бабушку. Много на свете бабушек живет, и все старенькие.

Тогда лось крепко сжал девиче руку и повел к сосне, что росла вверх корнями.

Вспомнила подружка эту

сосну и пала на грудь своего друга лося. В ту же секунду лось превратился во взрослого парня — ее милого друга.

И они еще раз дали клятву — не разлучаться никогда, помнить друг друга крепко-накрепко, навсегда.

Наконец мы добрались до «праудедков». Еще издали они маячили своими загадочными очертаниями. Это были каменные отдельности, похожие на головы гигантских людей, поднимающиеся из-за горы. Туловища их, казалось, лежали за склоном горы. Ветры выдолбили в скалах такие углубления, что создавалась полная иллюзия лиц: с глазными впадинами, ноздрями, ртами и скулами. Эти глыбы стали похожими на живых людей, идущих на восток. Даже не привлекая на помощь фантазию, можно было совершенно отчетливо выделить среди этих глыб массивные головы старика и старухи. Лица широкие, монгольского типа, с сильно раскосыми глазами между мощными скулами. На темени старика три «колодца». Тысячелетия, миллионы лет били дождевые капли в одно место на «темени старика»! В конце концов в нем образовалась плоская выбоина в виде неглубокого блюдца. В нем скапливалась вода. Вода растворяла породу, расширяла эти блюдца. В них испокон веков стоит прозрачная, «священная» вода.

Эти две головы несколько отделялись узкой щелью от остальной группы. Расколы горной породы и углубления выветривания располагались так, что с одной точки зрения лица вырисовывались очень точно на одних головах, а стоило отойти немного в сторону — виделись новые лица; они выглядывали из массы других скал. Некоторые лица выделялись очень четко, а иные были едва намечены.

Об этих камнях и об этих «людях» мне говорили еще в Иоканге. Один нойда, родом из Каменского погоста, даже рассказал мне предание «О начале человека». Он открыл мне далеко не все, что знал, многое он утаил. Вести запись его сказа было невозможно, так как у старика был только один зуб. Зуб этот шатался. Илья Семенович шепелявил и все время поправлял этого свистуна пальцем. По оконча-

нии сказывания он отказался повторить всю вещь заново. Повторение было необходимо, чтобы я мог проверить, дополнить и углубить запись.

Сдается, мне удалось сохранить эпический характер сказа, наивность его и величавость при крайней простоте и лаконичности стиля сказания.

Я достал текст этой записи, опечатанный на пишущей машинке еще в Ленинграде, и перечитал его заново, слово за словом, здесь, где, по представлениям саамов, происходили события великой древности.

Ничего не было. Была одна голова. Старик с колодцами на темечке. Была на нем шапка. Налетел гром и сокрушил шапку. И вырвалась из колодцев струя воды. Высокая, до самого неба. Сильно была струя, так сильно, что скоро затопила вода всю землю. И не было земли. Было одно морё — вода. И не было никакого человека. А утка летала. Несколько времени утка летала, и утке некуда сесть. Некуда — одна вода! Кругом вода. Летала она несколько времени и нашла травинку на воде. И она села на травинку. А не дёржит! Опять полетела. Летала она несколько времени и прилетела к той же травинке — с ы й н ь называется эта травинка. Утка летала, летала, а травинка росла и росла. И травинка сыйнь выросла больше, и утка стала летать кругом этой травинки. И глядит — рас-

Ловта
«О начале
человека»

тет земля от травинки вокруг. И утка села, а не дёржит! Ну, еще несколько времени утка летала, и от травинки стало расти земли больше. И выросла земля! И утка села! Та земля была Л а в ч е п а х к, она первую выпла из-под воды. И земля выросла! И утка по земле стала бегать. И снесла яйцо, и снесла другое яйцо, и третье, и четвертое, и пятое яйцо она снесла. И села утка на яйца. И от первого яйца от земли стала расти трава разная и стал расти лес разный. И первое дерево выросло — береза, а второе — ель, третье — ивняк, четвертое — сосна. И стал расти мох. Потом отделились от земли острова и озера. И от озера до озера потекли ручьи.

От второго яйца пошли птицы и рыбы, а первая птица — утка, а вторая птица — гусь серый, а третья птица — лебедь белый,

а четвертая — ворон и пятая — маленькая птичка по имени п ы з - к ы д ц ы н ь к е .

От третьего яйца вышел зверь разной. И первой зверь — олень дикой, второй-то зверь — медведь, а третий зверь — волк.

От четвертого яйца вышел человек мужской половины и женской. А уточка все летала и летала! Несколько времени летала она. И вот летит она, и глядит в землю, и видит: идут двое — мужчина и женска пол.

Ну, и эта жёнка понесла. И от них родился мальчик.

Народу не было — так уж имен не клали в те времена. Мужик сделал прядинку из травинки сыйнь, и связал сетку, и поставил ее в озеро. И попала первая рыба — щука. И попала вторая рыбина — окунь красной... И заловили они разную рыбу. И стала земля большая и покрылась лесами.

Ну вот и достали люди пищу себе на пропитание. В поте лица.

Ну а сын уже стал большой. А от жёнки, от матери той же, родилась девочка. И они долго ли, коротко ли жили — девочка стала уже девушкой на возрасте. И пришло время — сына надо женить, а девушке

замуж пора. А народу-то нет! Выйти девке замуж не за кого, мужику не на ком жениться.

Тогда сказали отец-матери: — Подъте, дети, сюда.

И поставили их друг ко другу спинами, и толкнули их, и сказали им:

— Идите каждый прямо вдоль моря-окияна куда глаза глядят.

И они пошли друг от друга, пошли в разные стороны.

Год, два года шли. Земля-то остров! И сошлись девка и мужик. Грудь со грудью сошлись. Были брат со сестрою — стали муж со женою.

И выдумали себе поставить вежу, такую же, как и ныне строят. И они поставили вежу. Ну и стали жить.

И пошли у них дети. Вот и внуки явились. Отец-матери стали деды. И устроился у них целый погост, и вырос народ. И они выбрали себе Велика-человека. Велик-человек клал имя на рожденное дитя.

И встали великие озера. Великою выросла земля. Леса и сузёмки великие выросли, и болота легли, и разной птицы развелось вдоволь, и много оказалось человеку всякого блага.

Читатель, наверное, скажет: «А ведь голова старика из легенды и голова старика на вершине горы — это одна и та же голова, а остальные фигуры на скале — те же, что упоминаются во второй части легенды!» В этом нет ничего удивительного: старик рассказчик был родом из Каменского погоста, и, конечно, он рассказывал о том, что видел своими глазами в натуре.

Казалось, эти люди куда-то шли, но переступили какой-то запрет — и окаменели. Я не мог отделаться от ощущения, что эти люди из гранита все еще идут и что-то ищут. Идут куда?

Отдельные, обрывочные обмолвки саамов говорили, что эти окаменевшие их предки идут искать землю, добрые уголья, добрых соседей. Куда еще может идти человек, первобытный номад? И у меня перед глазами шел народ — с горы на гору, от одного камня, словно готового взлететь, к другому, туда, где за далью уже виднеется новый летучий камень.

— Туда им путь! — сказал Илья, когда мы взобрались на темечко старика с его мокрой лужицей.

Здесь надо внести уточнение в изложение действительного хода событий. Все происходило именно в обратном порядке. Сначала Илья произнес свои загадочные слова: «Туда им путь», а потом уж у меня возникли, вернее, углубились догадки и ощущения о походе «праудедков». Так часто бывает. Вслед за тем выяснилось и это направление: «туда» — значит на восток, туда, где лежит С е й д а п а к у ш к а, С е й д а п а х к, то есть священный Летучий камень. Пока он лежит там, но он может сняться и улететь на лучшее место. Это его воля.

Илья вежливенько своей дорожной хворостинкой нанес священным камням несколько ударов, приговаривая: «Не сердчайте! Не шевелитесь, дедушка и бабушка, мы не со злом пришли!»

— Это мать научила меня сказать... Очень просила сказать... А мне неохота обманывать ее. Сказал уже. Вы помяните ей про это, чтобы она не сомневалась. Ведь мы за вас в ответе...

Кругом, во все стороны горы, залегли ягели, настоящий нетронутый ковер. «Видно, оленей здесь не пасут», — подумал я — и ошибся.

По всем склонам горы росли отдельные ели и сосны с очень сбежистыми стволами. «Этот лес под топором не бывал,

значит, берегут каменчане своих «праудедков», — решил я. Лес, настоящий ягельный бор-беломошник, начинался в 200 метрах ниже по склону горы. Сначала я думал, что лес этот извечно был таким, как он стоит сейчас предо мною. Оказалось, однако, что много лет, может быть, сотни три-четыре тому назад, а быть может и меньше, вокруг этой труднодоступной горы шла своя особенная жизнь. Предание рассказывает, что внизу, у подножия горы, когда-то располагалась с а д к а, то есть зимнее местожительство саамов.

Пониже «праудедков», на восток, в лесу, находилось место, где каменчане справляли свой религиозный обряд, так называемую л ы х т е - в е р р а. Огромный камень, очень похожий на голову оленя, скрывался под обрывом скалы, в глухом, затененном месте. Около этого камня, под одним из его навесов, приносились жертвы (п а л ь в), совершались жертвенные трапезы в честь божества М я н д а ш а. Смысл их заключался в приобщении к священному животному — оленю — путем его поедания. После трапезы все косточки собирались и раскладывались на правой половине шкуры убитого оленя. Раскладывались в строго определенном порядке — точно так, как они расположены в теле живого оленя, в его костяке. Полученный скелет покрывали левой половиной шкуры. Костяку и шкуре придавали позу живого спящего оленя.

Эти наивные люди, съев оленя, оставались в полной уверенности, что душа съеденного оленя осталась жива и невредима, что она опять вернется на землю в своем настоящем виде на благо человеку.

Немного в стороне от места лыхте-верра расположено несколько концентрических кругов из камней-гольшей, взятых из воды. Они сильно заросли мхом, но все еще видны. Здесь справлялся другой древний саамский обряд — гадания. Темы гаданий были самые различные: о погоде, удачен ли будет промысел, поход на охоту, о здоровье человека и т. п. Нойда (гадал именно он) становился одной ногой на дорожку между гольшами и, прыгая к центру лабиринта, смотрел, какие признаки говорят за успех или против начинания. Об этом рассказывал мне Егор Петрович. Я не мог добиться от него ясного ответа на вопрос: были ли между каменными кругами проходы, усложнявшие передвижение гадалателя, применялся ли прием перекалывания камня из одного круга в другой и т. д.? В зависимости от того, как шло гадание, получался тот или иной ответ:

фантазиям нойд был полный простор. Подобные лабиринты известны в Иоканге, в Поное, в Харловке, на реке Варзуге ниже впадения в нее реки Паны и в других местах. Обычно считается, что лабиринты приурочиваются к прибрежной зоне морских берегов; в таком случае лабиринты на горе Праудедков и на Варзуге — интересное исключение.

От каменной головы оленя куда-то вниз уходила оленья изгородь. Устройство ее крайне примитивно: на уровне плеч пастуха наваливают на ветки деревьев или на землю сучья из елок. Ветки торчат во все стороны, пугают оленей, и те пасутся внутри изгородей. К помощи таких оград саамы прибегают в те годы, когда хотят побыстрее приумножить стадо оленей, чтобы они лучше, спокойнее себя чувствовали, чтобы лучше был нагул, чтобы уменьшить потери приплода, чтобы освободить себя от пастьбы оленей на время рыбной ловли.

Вокруг кладки из камней — к е д ь к е - т а б а й — в виде оленьей головы лес нависал над самым камнем. Было сумрачно и тесно. Я сфотографировал и ограду, и самый камень, но снимки оказались неудачными.

Поднявшись на вершину к «старикам», я решил отдохнуть перед обратной дорогой. Перед глазами открылся типичный ландшафт восточной Лапландии. За макушками леса залегли просторы болот Вулиявра, за ними блестели блюдца многочисленных озер. Они серебрились среди желтовато-зеленой поросли осок, уходившей далеко за мокрые берега Поноя. Кое-где виднелись перелесочки. Вон вокруг Сейдъявра — словно искусственная посадка скрывает его от постороннего взгляда. Как дружно поросли здесь круглокронные березы! Воображаю, как перекрутил их стволы ветер шелонник. Направо от нас поднималась гора — мыс Вороний Нос, а дальше на северо-восток — гора, название которой я так долго не мог выяснить. Я узнал его только позднее — это Соколиная гора. С высоты, где мы стоим, отлично видны Северные Кейвы, а на северо-востоке — возвышенность Сыйвынь. Это здесь, на месте, где расположен Сыйвынь, появилась первая травка — сыйнь. Это об этой возвышенности, об этом лучшем месте для пастьбы диких оленей, первобытные охотники сложили красивую песню, которой теперь уже почти никто не помнит. В ней говорится и об озере Вулиявр, и о Сыйвыне, и о Каменской

садке. Песня, или сказ, называется «Мяндаш-пырре». Вот эта песня.

Из-за Каменского, из-за Имандры, из нутра матерой земли бежит Мяндаш — дикий олень. Мяндаш-пырре имя ему, он начало дикарского к е г о р у¹. Мяндаш-пырре — начало жизни в краю. От края до края земли, от начала не наших пределов Мяндаш-пырре бежит. Путь его — солнца путь, туда ему бег.

Мяндаш-пырре летит, златорогий олень! Белый как снег, он бежит из-за Лимандров далеких, из-за Норвеги, летит прямо к Каменскому Нижнему озеру. Замарались копыта — и не понравилась ему эта земля, невзлюбилась вода. На Сыйвынь побегал. Стал на камень крутой.

Здесь!

Отсюда видна высокая Кейва, сытные земли Оаймкеджпоалла. Остоялся тут, ноги расширил — омочил нашу землю; отдых принял. Встал и подумал:
«Думы, раздумья
Мой ум разнимают
(иссушают).

Мяндаш-пырре

На три-четыре стороны я гляжу,
На все на три-четыре стороны!
И не знаю — куда же мне путь?»

Цокнул копытом о гладкие камни, легким скоком, играя копытцами, вновь побегал.

Хрустят его ноги, шелестят ему кормные травы и белые ягели.

Мяндаш-пырре бежит, Мяндаш-пырре идет... Оаймкеджпоалла-холмы под его ноги растут. Летний Наволок приходит под ноги его.

Понравилась сопочки эти, и на Летнюю землю пришел он. В родниках копыта омыл.

И ел тут, и жил, и кормился, и отдыхал, и свой рог золотой уронил...

И сказал:

— Эта кегора — Мяндаш тундра. Вершинам этих холмов — рог Мяндаша, рог головной...

И встрепенулся.

Из сплошной болотины, простирающейся на многие десятки километров к югу, отдельными плюхами, словно лепешки, возвышались гранитные выступы. У всех у них одна

¹ Кёгора — угожье; иногда это несаамское слово употребляют в смысле «добро», «благо».

особенность: пологой стороной они направлены к северу, а крутой, обрывистой — к югу. Вон Веретеновая горюшка; в представлении саамов она связана с богиней трав, пастбищ и домашних оленей. У этой богини всегда в руках веретено; поворачивая его туда или сюда, она направляет ветры и стада оленей в нужную сторону. А еще дальше виднеются горы, правда, не очень высокие. На запад гора Колокольная, а правильнее надо сказать — гора Колокольца: тут в летнее время выпасался древний олень-бык. Тот олень, на котором солнце совершало свой объезд вокруг неба в полдень. На восток и юго-восток видны горы Девичья и Женихова; вокруг этих уютных горок бродит извечная тема фольклора о девушке, убежавшей от немилостивого жениха и бросившейся с высокой скалы в пропасть. Что ни гора, что ни озеро — всюду легенды в этой зачарованной земле.

— Вон и наша гора, куда мы поедем. Летучий камень там живет, — сказал Илья, нарушив молчание. — Красивое местечко. Там тоже наши прадедки жили. Приметное к и н т и щ е ¹. Долго там жили. Много времени назад покинули его. Далеко, однако! Поедем ли?

— Обязательно поедем! Как же не послушать, о чем поет Летучий камень?!

Поздно вечером, уже затемно, мы возвращались домой. Небо затянуло черной хмарой, с минуты на минуту брызнут первые капли дождя. Чтобы нам легче было найти правильный путь, не наткнуться на подводный камень, Егор Петрович развел костер. Издали, в кромешной тьме огонь мигал над уютом и теплом.

Летучий камень

Сказка о Тёлышеве-старике

Илья в общении со мной становится заметно свободнее. Он охотнее принимает участие в общем разговоре, часто употребляет выражение «мы», когда заходит речь о нашей поездке; он даже уговорил Федосью разрешить матери завтра утром сказывать сказки для записи. Обычно хмурая, она милостиво разрешила Ирине заниматься со мной завтра до обеда; и сегодня вечером пусть сказывает. Ей самой было инте-

¹ Кинтище — место стоянки саамов-кочевников; старое местонахождение погоста, заросшее травой.

ресно послушать предания старины, которые я старался извлечь из памяти сказительницы. Но назавтра она встала с левой ноги, «заперла сердце», и со сказками было покончено.

Мы выехали сразу после утреннего чая, часов в девяносто. День был серенький; облака стлались по небу низко-низко, их мрачная гряда лишь изредка прорывалась голубыми просветами. Ветер, прохладный и настойчивый, рябил озеро. Его словно лихорадило мелкой дрожью.

После полудня повеяло южным ветром и теплом; мы снимали наши плащи: я — мой «непромоканец», а Илья — брезентовый, проолифленный, старый и рваный — память какого-то дяди Михайлы. Вскоре стало так жарко, что и телогрейки полетели на вещи в середину лодки.

Небо открылось. Белые гряды облаков поплыли, отражаясь в спокойной поверхности озера. Мы шли теперь в верхней его части. Скоро миновали ее и вошли в ту часть, куда впадают рукава верхнего Поюя. Эту часть Вулиявра нельзя назвать озером. Скорее это расплывшееся русло большой и серьезной реки. Вода здесь стремительно несется по песчаному дну, которое просматривается всюду. И всюду над гладью воды виднеются луды — валуны, выступающие из воды. И у берегов озера, и посередине его разбросаны они по всей его мчащейся поверхности. Кое-где возникают ряды стоячих волн. Говорят, они бывают не всякий год и не в одном и том же месте.

Посередине озеро перетянута с алмой, то есть отмелью с зарослями трав, камышей, с торфяными перемычками. Здесь стеной стоят осоки. Между ними, поближе к берегу, камыши, водяной горец, вахта — все они бьются в потоках воды; кувшинки с их круглыми листьями смяты течением и мотаются в воде, как тряпки. Все это колеблется, сникнутое в воду, пригнутое к самому дну. И только высокие крупные осоки стоят крепко; они лишь дрожат под напором воды. Тут легко сорваться с фарватера и очутиться где-то в стороне от нужного пути.

Благополучно миновав салму, мы опять вышли «на озеро». Тут течение спокойнее.

Вдруг лебединые клики и шумный всплеск воды донесся до нас.

— Смотри! — крикнул Илья.

Саженья в ста от нас вздымалась на воздух белая стая лебедей. Штук двадцать пять, не меньше. Было видно, как

каждая птица становилась на гужку, расправляла крылья и медленно, не торопясь, взмах за взмахом крыльев, начинала полет. Вот вытянулись в две линии... Снежно-белые, они хорошо были видны на фоне темных вод и синего берега. Мы долго провожали стаю глазами, пока она, извернувшись, не исчезла среди зарослей на юге.

Дальше, справа, опять начали бить бойкие струи настоящей понойской воды. Это сказывались уже нижние рукава Поноя; они выносят свои воды, быстрые и светлые, изобилующие рыбой, к истоку нижнего Поноя. Тут мы, зайдя в одну из проток, без промедления взяли на блесну несколько рыб — щуку, хариуса и двух рослых окуней. Пригодятся на обед и ужин.

Пока мы поднимались, а потом вновь спускались по протоке, за нами по пятам ходил огромный ветвисторогий олень. Видно было, что он соскучился без людей, ему хотелось к нам. Казалось, он просится к нам в лодку. Вероятно, он забрел в эти бесконечные заросли осоки, потерял ориентацию и не знал, как выбраться из этих путаных трав, осок, стремительных протоков, которые несут свои воды и вправо, и влево, и вперед, и назад. Жаль было оставлять быка-работягу на произвол судьбы, но наша лодочка была не для его широких рогов. Он еще долго шмыгал ногами по болоту, идя вслед за нами, пока новая протока не преградила ему путь.

Выйдя из протоки на обширное плесо текучего озера, мы некоторое время опять шли быстрым мелководьем. Слева — набросанные валуны и отмели, а справа — обрыв болота высотой около полуметра. По этому обрывчику сочилось и струились бесчисленные водопадики болотной воды, ручейки, по которым сбегала излишняя вода. Их было бесконечное множество. В воздухе стоял неумолчный звон воды да изредка доносился клик чайки. Сюда бы композитора, который понимает, что такое первозданная музыка!

Вот наконец исток. Здесь глубоко. Вода теплая и стремительная; с левого берега галечник, а затем опять барьер мокрого болота, такого же ручьиного, как и правый берег, мимо которого мы плывем. Изредка справа вбегают в понойское русло мелкие болотные ручьи и речки. Где-то здесь замаскирована протока из озера Сейдъявр.

(Я потому так подробно описываю озеро Вулиявр, что пройдет еще три-четыре года — и картина этих мест резко изменится. Начнут строить Понойскую ГЭС, где-то ниже по

реке поставят плотину, на месте Грязного озера, от отрогов Северных Кейв и до Южных, разольется обширное водное пространство. Вода закроет вершины рек Стрельны, Чапомы, Варзуги и средний плес Поноя. Разольется здесь водохранилище, и возникнут вокруг него рыбные хозяйства. Появятся новые рыбопромысловые районы, рыбоводческие станции, где будут разводить сига, хариуса. Лапландский сиг заступит место знаменитого когда-то копченого волховского. Тут и красной рыбе найдется приют в горных речках, которые впадают в эту болотину или истекают из нее.)

— Вот Круглого озера речка, а вот налево гора Девичья встала, а позади осталась Женихова гора. От той горы злой жених бежал за Р а з и а й к е, он ее догонял. А она бросилась вон с того мысочка горы Девичьей, вниз бросилась — с такой-то высоты! Насмерть! Говорят, и по сей день ее кости виднеются...

На этот раз я не очень доверял словам Ильи. Разайке — богиня трав и домашнего оленя — была счастливой супругой своего мужа и хорошей хозяйкой тундры. Героиня же горы Девичьей — это девушка из многих известных легенд о девичьих башнях, утесах, горах и мысах.

А вот и Сейдапахк стал виден, вот и Летучий камень предстал.

— Посмотри-ка, Владимир Владимирович, сколь красива эта гора! Вот сейчас подъедем, оттуда, сверху, очень красиво смотреть!

Гора Летучего камня с места, выбранного Ильей, действительно производила сильное впечатление. Казалось, сейчас вот-вот сорвется этот камень и полетит. Сфотографировать гору мне не удалось: фотоаппарат был слишком громоздок, лодка неустойчива, накладной штормный затвор отсырел. И высадиться было негде: мокрые берега были непрочны.

— Здесь есть лаз... По нему наши прадедки ходили к берегу за водой, где-то тут они прятали свои карбасы, чтобы не нашли враги. С реки-то он вовсе не виден. Это кинтище самого старого нашего погоста.

Илья что-то подсчитал, прошелся вправо, прошелся влево, нашел какие-то ему одному приметные деревья, а затем авторитетно заявил:

— Тут и будем сходить... Угадал я!

Мы загнали лодку в камыши. Илья был озабочен, как бы кто ее не приметил. Он не объяснил мне причину этой таинственности. «Не хочу» — вот и весь его ответ.

Поднявшись на берег, мы вошли в осиновый березнячок, а затем в сосновый бор. Сосны были рослые, нетронутые; идти по ягелю мягко, особенно это приятно в саамских то бур к а х. Нога в них чувствует себя легко и просторно.

Чуть заметная, заросшая травой тропа вывела нас к кинтищу, видимо давно уже покинутому. Я сужу об этом потому, что пырей уже уступил место гипновым мхам и брусничнику; лишь кое-где виднелись еще пучки белоуса. Судя по квадратным насыпям, тоже заросшим мхами, здесь когда-то стояло пять, может быть, шесть веж или землянок. Место шестой было трудно отличимо от земли.

Мы повернули на запад и пошли к вершине горы, к ее обрыву. Ягель, прекрасный ягель попеременно с черничником и зарослями брусники покрывал все основание горы и ее склоны, состоявшие из голубовато-серого гранита, сплошь заросшего мхами и лишайником. Из щелей между глыбами торчали расколовшиеся кубами отдельности, тут же через щели пробивались елки, березки, ивняк, кусты можжевельника. Чем ближе к вершине, тем разломы горной породы крупнее, расщелины между ними глубже. Не каждую из них перескочишь. Под деревьями становилось сумрачнее, картина приобретала мрачный характер. Наконец стало трудно идти. Приходилось карабкаться, обходить глубокие трещины. И вот взобрались на макушку горы. Здесь в распадах породы росли сосны, мы стояли под их кронами. Самая верхушка горы казалась обнаженной, словно бы развеянной ветрами. Только въедливые лишайники срослись с поверхностью камней и были от нее неотделимы.

На скалу, обособившуюся от общего массива горы, видимо, во времена великого оледенения упал огромный валун. Его минеральный состав не похож на породу основного массива горы. Кажется, он едва держится на своем основании, толкни его хорошенько рукой — и он полетит... Может быть, он полетит куда-нибудь дальше? Так невольно думает каждый, кто стоит рядом с ним. Согласен, что это гипербола, это фантазия. Однако что удивительного в том, что и первобытный человек, фантазируя, приписывал камню летучие свойства? Нам только «кажется» или «фантазируется», а неандерталец это свое ощущение принимал как реальность, то есть «знал».

Культура народа саами обожествила этот камень, этот сейд, а гора, в которой живет сейд, носит название Сейдапахк, то есть «сейдова скала». С сейдом связана какая-то

легенда, миф. Добиться изложения ее для записи не удалось. Я уловил лишь обрывки этого мифа.

Ранее Сейдапахк жил или сидел где-то там, далеко за Лимандрами¹. Не понравились ему те места, не понравились ни горы, ни воды, не понравились и ветры. И он удалился от тех мест. На новые места полетел. Садился он во многих местах, а покой и отдых нашел на Поное-реке, на озере Вулиявр. И лег он лицом к озеру Свято.

Мне не удалось записать текст сказания о Сейдапахк. Судьба его оказалась связанной с судьбой народа саами. Миф о Сейдапахк тайный, рассказывать его постороннему человеку нельзя. Не сомневаюсь, что в дни моего пребывания в Каменском погосте сказители еще помнили этот, несомненно очень интересный, миф.

Оставалось только проникнуться уважением и интересом к этому памятнику старины и постараться понять, вернее, почувствовать этот камень как можно ближе к себе.

Право, он был не просто камень, а какой-то особенный, «симпатичный» камень. Я приложил к его телу ладонь — оно показалось мне теплым. Это не фантазия: Летучий камень с его солнечной стороны на ощупь был теплее, чем камень скалы, на которой мы сидели. Я попросил Илью пощупать камень сейда. Он притронулся и неопределенно сказал: — Что удивляться? Солнцепечная сторона.

Древние саамы были послушны «велениям» этого камня или капризам нойд-предсказателей. Они почитали именно этот камень. Но не он вел их с одного места на другое, а ряд ему подобных камней, которые саамы во множестве видели в тундре, которые служили им веками на их кочевых путях, в их поисках лучших угодий.

Мы облазили Сейдапахк со всех сторон. Я искал хоть каких-нибудь следов культа. Но ничего обнаружить не удалось. Мы вновь поднялись наверх и сели отдохнуть, опустив ноги в щели между основной скалой и скалой, на которой покоился священный камень.

Отсюда открылся обширный вид и на Вулиявр, и на гору Праудедков, где мы были вчера, — она была едва видна за Девичьей горой. И Колокольная гора виднелась. Очень далеко, на самом горизонте, едва заметная, выступала Чальм-

¹ Название мифических земных гор или озер, связанное с представлением о каких-то западных землях, может быть озер Сарекчокко или Еггеваре в Норвегии (около Тромсё) или Чуна-тундры.

Варре, где ютилась Ивановка. А прямо перед нами, левее Вулиявра, лежало озеро Сейдявр. Оно было совершенно круглое. Еще левее от него находилось озеро Круглое. Видимо, с тех пор, как его так называли, оно уже давно перестало быть круглым — теперь оно было очень неправильной формы.

Сохранилось предание, что на Сейдапакушку приходило сорок человек терчан, то есть русских с Терского берега. Они строили лаги и хотели Сейдапакушку поднять или нарушить, но ничего не могли поделать. Даже с места не сдвинули. Подозреваю, что это те же сорок человек, что были в Каменке с варзугским священником во главе. Приходил он «обратить саамов к вере христианской». Вероятно, это они хотели свергнуть «идола», но не удалось. «Было это на третьем поколении от теперь», следовательно, это было в XIX веке, примерно в середине. Наезды миссионеров к саамам памятливы в семидесятых годах. Между прочим, видимо, об этом же походе сохранилась коротенькая сакка о старике Тёльшеве*.

Жил Тёльшев-старик в лесу в стародавние времена, во пустыне, на осенних местах. А время-то было такое, что и теперь еще находим — то девичьи косы с треугольничками красного сукна и с бусами на суку висят, то косточки на земле лежат не зарыты — как попали сюда, неведомо! Варзужане тогда ходили на нас! Ходили они на нас шиповать и грабить.

Тёльшев был старик большой и богатый. До него варзужане давно добирались, да кто их знает, обходили как-то. Боялись.

Ну вот, живет Тёльшев во пустыне своей со всем своим семейством. Живут, живут, а только домашним

Сакка о Тёльшеве- старике

его стало чуть: идут! Идут Тёльшева убить — давно добирались!

Ну ладно. Тёльшев взял большой топор, сел посередине вежи и давай его точить. Большой топор точит, глаза под лоб ушли, нос скривился, ноги в землю вросли.

Пришли те. А в вежу-то войти боятся. Вот они залезли на крышу вежи и в дымовую дыру смотрят, а в двери-то поп дается: он у них вожаком. Дверь отворил, голову сунул и смотрит (он будто бы мирный — так думает он, — его Тёльшев не тронет). А Тёльшев ему кричит:

— Ты куда, попишка-калагаришка? Куда голову

сунул? — И показывает ему топор. — А этого ты не видел? Тяпну по голове — как пуговка, отлетит!

Те, что там, на крыше, сидели, испугались, с крыши покатались и побежали. Попишка-калагарипшка обмер, кричит:

— Ой, ребята, убегайте прочь! — кричит остальным. — Тёльшев нынче сердитый, он на нас осерчал — большой топор точит, глаза под лоб ушли, нос скривился, ноги в землю вросли! Прочь бежимте, бежимте прочь!

Илья сидел молча; он, видимо, наслаждался картиной своей, саамской, земли; потом, не сказав ни слова, спустился вниз и рукой поманил меня к себе.

— Надо обойти кругом, вниз. Как раз к этому месту надо выйти, где сидим, и чуток подняться. Там внизу есть ручеек особенный! Пойдем, я тебе покажу...

Мы спустились по расщелине вниз и прошли немного влево. Илья начал искать. Я было обратился к нему с расспросами, но он сделал знак молчать. Остановились перед нишей, образованной огромной отдельностью гранита. В глубине ниши, словно в большом мелком блюде, покоилась прозрачная родниковая вода. Ключ тихонько, едва заметно мутит воду песком в том месте, где выходила вода на свет. По узкой канавке сбегала струя воды и сразу низвергалась вниз. По-видимому, по пути этой струи был еще источник воды, так как ручей, сбегая вниз, уже имел сравнительно «мощный» вид. Он заливал своей влагой попутные мхи, поэтому они выглядели сочными и ярко-зелеными. Во мхах ручей иссякал. Мы напились студеной воды, захватили ее в котелок, чтобы на привале сварить уху. Илья опять молча поманил меня, и мы поднялись обратно. Уселись тут, против Летучего камня, для передышки.

— Видел? Бьется, живой ручей! — Илья был очень доволен, улыбка не сходила с его лица. — Старики так сказывают про этот ключ: пока бежит вода, пока журчит этот ручей — и народ саами будет жить, и будет он в силе. А когда угаснет родничок, кончится л ы п с к е г ы э д и й. Знаешь ли, что за слова такие? — спросил Илья неуверенно.

— Знаю, — ответил я, — это значит «лопское старинное житье-бытье».

— По правде ты сказал: «лопское житье-бытье».

За чаем, после сытной ухи, я предложил Илье проехать на Сейдозеро.

Илья поморщился и сказал, что к этому озеру сейчас нет пути, да и не знает он протоки к нему, никогда он там не бывал. Это было похоже на правду: он батрак, худого роду-племени, как можно пускать его на Свято озеро — Сейдъявр!

Говорю Илье, что озеро меня не интересует, а надо мне посмотреть на сейда, который там наверняка имеется, раз озеро называется Сейдъявр. Илья повторил, что пути на Сейдъявр он не знает, и предложил съездить на старое кинтище, где когда-то стоял Верхнекаменский погост: там рядом сказочная Черная варака и есть хорошие сейды.

Мы тут же решили в первый свободный день Ильи ехать в Верхнекаменский погост.

Нашему возвращению были особенно рады Егор Петрович и Иринья. Она очень подробно расспросила сына. Кое-что было понятно в их разговоре: ее интересовало, где мы были, что видели и что именно сказал я при виде Летучего камня, при виде ручья. Не обидел ли я их каким-нибудь словом? Потом она обратилась ко мне и по-русски старательно расспросила: где были, что видели?

Я подробно рассказал все что видел. Об одном пожалел: что не видел я Сейдозера, а главное, не видел сейда на нем.

Егор Петрович и Иринья Фоминична стали мне рассказывать «все, как ряд делу», об обряде на святом озере.

Было уже темно, из дверей вежи то и дело набегал холодок, из дымника побрызгивало каплями дождя. Попадая на горячие камни очага, они шипели. В веже было тепло и сухо.

Рабочий день кончился, хозяйка варила ужин; в котел пошли и наши сиги, хариус и щуки. Слепая Иринья вязала шерстяные чулки; она «смотрела» прямо перед собой, как сидят слепые люди. В рассказ Ириньи Фоминичны изредка вставлял свое слово Егор Петрович. Слова его всегда приходились кстати и уточняли рассказ. (Рассказ их приведен в главе «Тайна Сейдозера». Я изложил его по памяти, стараясь сохранить некоторые особенности речи сказительницы.)

Утром дождь продолжался, то мелкий и назойливый, то частый, пронизывающий насквозь. Мы выехали рано и очень скоро промокли до нитки. Холодные, совершенно мокрые, добрались мы до Ивановки. Когда я вошел в горницу Вопияшных, на полу сейчас же образовалась огромная лужа воды, которая бежала с меня ручьями, — а ведь я скинул в сенях и плащ, и тобурки.

Каврай

О сотворении волка

По возвращении от «праудедекв» я уговорил Илью пораньше съездить на Поной в то место, где в камышах лежат рога и кости оленей. Потом привернем на озеро Песочное, где когда-то стоял Верхнекаменский погост, заглянем и в знаменитую Черную вараку, о которой с такой таинственностью рассказывается в сказках. Дня через три Илья освободился, и мы отправились. Перед этим он основательно пораспросил мать, как добраться до нужных мест.

День выдался прохладный, солнечный и ветренный. В воздухе чувствовалась приятная бодрость.

Мы плыли вверх по реке.

Даже Илья, обычно не очень-то весело настроенный, сегодня был оживлен и с удовольствием работал веслами. На сей раз он расспрашивал о городской жизни, о Мурманске, о Москве. Насколько я понимаю, он много читает. Книгами его снабжают Иван Иванович и знакомые ребята из деревни Краснощелье, что стоит вверх по Поною-реке в 70 километрах отсюда. Когда в Ивановку приходили «заморские гости», как он называл приезжих, он старался побыть вместе с ними, послушать, что они говорят, но сам в разговоры не вступал. Как-то я спросил у него, читал ли он «Сказку о царе Салтане» Пушкина.

— А как же, — твердо ответил он и прочел наизусть несколько строф из того места, где на остров Буян приезжают «заморские гости». — Мы и живем-то тут, в Ивановке, как тот князь Гвидон, только что золотых орешков не щелкаем. Ну, а есть которые щелкают.

Течение в Поное сильное, грести не так-то легко. Вначале Поной делает большие меандры; на расстоянии пяти километров мы обогнули не меньше семи излучин. Вслед за этим вошли в рукав Поноя — реку Пячиму; тут течение спокойнее.

Километрах в пяти от Ивановки Пячима имеет протоку, соединяющую ее с Поноем. Примерно с половины пути по берегам реки все чаще попадаются березовые леса, слегка смешанные с рябиной, но главным образом с ивой. Еще выше попадает ель с непомерно вытянутыми стволами и узкими кронами. Именно эти елки подчеркивают полярный характер пейзажа. Выше опять начались заливные луга. Миновали лесную полосу, разросшуюся по берегу, и вошли в сплошные заросли камышей. Тут Илья начал искать местечко сухой

земли, каким-то чудом сохранившееся среди топкого дна, по которому медленно не текла, а ползла вода. Илья убеждал меня, что этот кусочек сухой земли лежит где-то тут, недалеко от твердого берега. Но где этот берег и где этот кусочек земли находятся, он не знал, а мать не могла растолковать ему точно. Пришлось отказаться от поисков священного места. Мы вернулись в Поной.

Проехав немного по правому берегу, перешли на левый и сразу же юркнули в речку Кинемур, узкую настолько, что приходилось проталкиваться шестом. Вот маленькое озерцо; оно почти заросло травой. Там, где через него протекает речка, «дна не достать», как выразился Илья. Я измерил глубину шестом. Было всего метра три. К тому месту берега, где когда-то приставали саамы, метров двести плыли сплошной травой. Вскоре стали заметны следы пребывания человека: оголенный берег, своеобразный травяной покров, колья, вбитые в дно ручья. Они уже совсем истлели. Подъехали к летней дороге и высадились. Прежде тут были погребя Верхнекаменского погоста — заметны ямки в земле, где стояли бочки для посола рыбы. Дальше дорога пошла по болоту между ивняками, кустарничками. Самое кинтище находилось у опушки соснового леса, на склоне пологой varaки. Направо стоит крошечный амбарчик с крошечными дверцами. Однако какой-то медведь умудрился в них протиснуться и попортить все добро. Невеселые вести привезем мы хозяину амбара! Немного далее стоит вежа, она полуразрушена. Пониже, около подножия varaки, стоит другой амбар. Вежи и вежные места окружают свободную лужайку. Говорят, только на ней в старину играли дети. У мальчиков было свое место для игр, у девочек свое.

Вокруг лужайки стояло несколько старых, кряжистых сосен. Местечко это, когда-то обжитое, было очень уютно и даже живописно. На юг от него, сразу же за соснами, когда-то лежало большое озеро. Теперь оно затянуто мхами. Все жители Каменки давно ушли на теперешнее место, то есть немного севернее деревни Ивановки.

Дальше на запад, в сотне шагов от бывшего жилого места, стоит каменная фигура — к е д ь к е - т а б а й. Издали она напоминает приземистого человека в п е ч к е, лицом обращена к погосту.

Высота истукана — 128 сантиметров, наибольшая окружность головы — 128—129 сантиметров, наибольшая окружность фигуры — 236 сантиметров.

Весь «человек» сложен из семи больших плоских камней, только голова имеет вид усеченной пирамиды — четырехугольного основания с вершиной (то есть «лицом»), обращенной к востоку. Семь маленьких камней-прокладок вложены между большими камнями. Отсутствует камень, изображающий шапку. С северной стороны лежит еловый тесаный сгнивший обломок дерева длиной 726 сантиметров; остальная часть уходит в землю на неопределенную глубину, Это бывший к и н е м у р — котловое дерево, иначе говоря, стержень для вешания котла над огнем.

Вокруг истукана достаточно свободного места — здесь, вероятно, происходили общие собрания старцев погоста, приносились жертвы этому каменному богу, производились гадания. Он грубо сложен из камней, и притом так, что действительно производит впечатление божества. При некоторой подготовленности зрителя можно было даже уловить как бы черты лица, которые частенько проскальзывают в типичных лицах саамов. Мысль об этой схожести пришла мне в голову при изучении этой фигуры и в фас, и в профиль, и справа, и слева. Передо мной стояло художественное произведение народа саами, отразившее его национальные черты. Я придерживаюсь этой мысли и до сих пор. Здесь также необходимо поставить столб с охранительной грамотой, оберегающей этот памятник культуры саамов.

— Это я ему скинул шапку. Я и еще один парнишка. Скинул шапку и пошел в комсомольцы, — неожиданно заявил Илья с некоторой похвальбой.

При этом Илья указал мне на плоский обломок гранита, лежавший рядом с истуканом, в трех-четыре шагах. И тут же рассказал, как он с одним мальчиком из погоста, набравшись храбрости, скинули шапку с идола. С тех пор она и валяется тут. В ту ночь ни Илья, ни его сподвижник не спали — ждали, что кто-то придет и задушит их. С того времени задумался Илья, а потом стал комсомольцем.

«Человек» стоял на каменном основании, площадочке в виде плиты, едва выступающей из-под мохового и травяного покрова. Перед лицом «человека» Илья копнул мох и достал «белый камень», затем поскорее положил его на то же место и опять прикрыл тем же куском мха. Этот жест навел меня на мысль, нет ли тут кружка из камней или чего-нибудь указывающего на следы культа. Осмотр я отложил на завтра, когда будем возвращаться домой.

На северо-запад от фигуры у опушки леса стоит сосна,

Ствол ее изрешечен пулями. Оказывается, перед отправлением на охоту охотник стреляет мимо фигуры божества, в эту сосну. Таким образом освящаются пули для удачи на охоте.

Илья подошел к «человеку» и предостерегающе постегал его хворостиной. Он сделал это играючи, словно не замечая того, что он делает. А я взял да и заметил и спросил, зачем он стегает этого дядьку хворостиной.

— А кто знает? Мать велела,— ответил Илья.

Бедный К а в р а й был наказан авансом, чтобы не причинил нам чего-нибудь недоброго. Дело в том, что Каврай, повелитель к е б у н о в, то есть шаманов,— очень капризный повелитель. Никогда не знаешь, что он может послать тебе на твоих путях и перепутьях.

О верховном божестве восточных саамов Каврае у меня уже были собраны кое-какие сведения, правда, очень отрывочные.

Каврай — старший брат в семье божеств терских саамов. Это он принимает моления о даровании здоровья, об избавлении от болезней, о даровании мальчика в семью. Он предстатель перед верховным существом — Йиммелем. По слову Каврая боги прощают его плохие дела, а дела добрые выставляют напоказ, в его защиту. Рассказывают, что это он, Каврай, делает так, что к е б у н ы — шаманы — во время к а м л а н и я становятся сами как боги.

Еще рассказывают: это Каврай навел порядок в делах невестки своей Р а з и а й к е - Н а с т а й — хозяйки оленей и пастбищ. Она так усердно вела свое стадное хозяйство, что на земле стало тесно от множества оленей. Они чересчур расплодились, не осталось места, где держать оленей на пастбе. Олени выгрызли все пастбища, выгрызли ягель вплоть до голого песка или камня. Начался падеж оленей от голода. Для людей наступили тяжелые времена — голод по всей земле С а а м е е д н а (так называют саамы свою землю Лапландию). Хорошо, что Каврай вовремя спохватился и создал волка. А для защиты от волка он даровал человеку собаку, его верного друга. Волки набежали и сразу очистили всю землю от падали. Жили волки — жили и олени. Рядом жили. Волки не давали оленям размножаться без меры. Вот почему саамы никогда волков не бьют: волка создал сам Каврай, и сотворен он не зря. Волка убивать не следует: он каврайское создание — лесная собака.

На обратном пути я нашел «белый камень», обнаруженный вчера Ильей. На восток перед лицом истукана можно было нащупать под мхом отдельные камни; слегка разрыв мох, я насчитал их восемь штук, размером примерно пять-шесть сантиметров в диаметре; среди них один белый камень — кварц. Девятый, плоский, камень лежит посередине. Диаметр круга — около сорока пяти сантиметров. Все восемь камней неопределенной формы, они взяты не из реки и не из воды вообще. Это обстоятельство требует осторожности в определении каменного круга как жертвенного очага, тем более что следов огня, копоти на камнях незаметно. Вернее предположить, что этот круг был местом гадания. Кстати, цифра «8» связана с количеством ветров, а белый кварц, может быть, символизирует хозяйку ветров.

По словам Ириньи Фоминичны, в этого с е й д а к е д ь к е, или к е д ь к е - т а б а й, «веровал» (в смысле просил, надеялся) Егор Алексеевич Койбин, не имевший мальчиков. Он веровал в этот камень, как в Каврая, в надежде, что тот дарует ему наследника. Саамы говорили, что этот памятник очень древний, но возможна и другая мысль: не поставлен ли этот к е д ь к е - т а б а й Егором Алексеевичем как обетный камень, на предмет дарования мальчика?

Шагах в ста к югу проходит человечья тропа; женщинам запрещается ходить по ней, по той ее части, что находится южнее изображения Каврая.

За соснами виднелся большой просвет. Мы вошли в него — обширное болото лежало перед нами. Впереди, почти на горизонте, виднелась рощица — словно лесистый островок.

— Раньше тут было озеро... — сказал Илья. — А вот видишь, затаило мхами да травами, заросло оно кочками, и Каврай не помог. — Илья кивнул головой назад, где стоял каменный идол, все такой же равнодушный и безмолвный. — Пойдем, что ли? Тропинка, видишь, есть! А все же опасно!

— Тут недалеко тонуть, лед-то ведь под ногами.

— Тут леду нету — трясина, а за нею вон твоя Черная варака. И пошто она тебе сдалась? Ведь сказки это все, одни бредни. Пусто дело. Затянет в омут — и я, бывает, не вытяну. Один-то! Тут место нехорошее, потому и народ отсюда ушел, сам видел: шапку-то сбили... Я упреждаю...

— Ладно уж... Как-нибудь доберемся!

И мы тронулись. Правда, земля была зыбкой. Всю дорогу зыбун! Раза два нога пробивала травяной и моховой покров бывшего озера и увязала в разжиженной земле, черной, как бархат.

Примерно через час Илья сказал с удивлением:

— Однако дошли!

Черная варака оказалась овальным островком из камней, сплошь заросших березой и мхами. Казалось, камни росли из земли.

В Черной вараке я не усмотрел ничего, что напоминало бы ту страшноватую Черную вараку, о которой рассказывается в сказках о Лягушке и Найнасе, о запасной бабушке и об Асах. Мы вошли в молодой березовый лесок. Серебристый звон листьев приятно шелестел над головой.

Открылся широкий просвет облаков, проглянуло солнце и осветило березняк. Согрело нас. Чтобы совсем разогреться, мы развели костер на алаше, то есть на том месте, где раньше п р а у д е д к и уже не раз разводили огонь. Вероятно, это бывало давно, когда они справляли свою л ы х т е - в е р р а. Алаш помещался у подножия огромного камня, седого от покрывавших его лишайников.

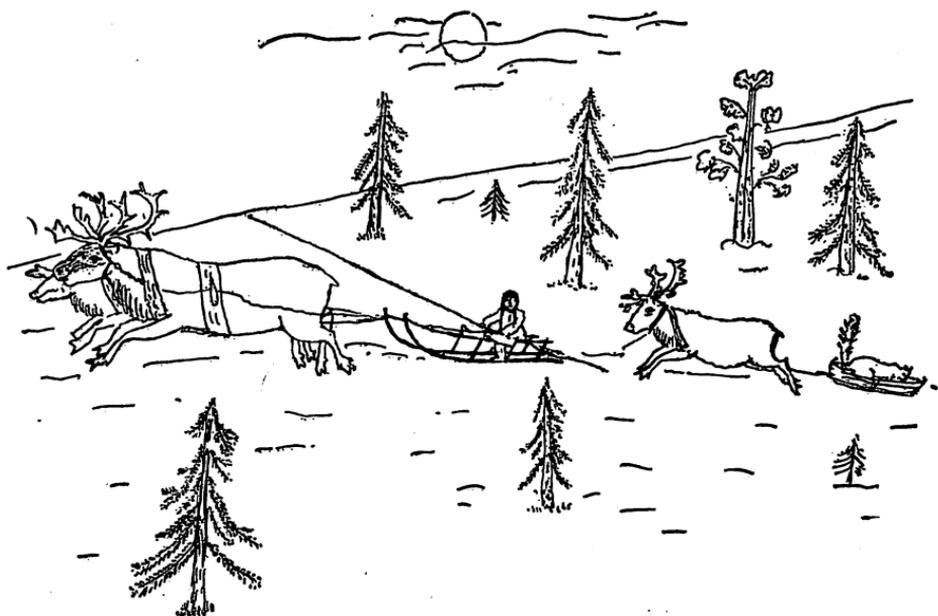
— Алаш у них был вот об этом месте, тут они варили мясо! — сказал Илья.

Внимательно осмотрев сейд, я не обнаружил вокруг него никаких следов культа. Сфотографировал этот живописный камень и решил этим ограничиться.

Пора было устроить привал. Мы сварили пойманных еще в Поное сигов и поджарили по одной рыбине на вертеле. Напились чаю с сухарями и решили немножко отдохнуть перед обратной дорогой. Илья неожиданно спросил:

— Вот ты все ездешь, смотришь... А старики говорят: ты больше нашего знаешь, как справлять лыхте-верра. Зачем тебе показывать да рассказывать?!

Я не стал спорить, лучше или хуже я знаю, что такое лыхте-верра. Он-то знал: ему мать говорила многое, а я и до сих пор не знаю, что есть истина в этом вопросе.

Лапландский заповедник. 1961 год

В Мяндашах

*«Про диких».— У Максимиля.—
Сказка «Олень-дикарь (Мяндаш)»*

Проснулся очень рано. Вероятно, было часов пять утра. Солнце светило как днем. Поезд шел уже по земле Кольского полуострова. Первое, что бросилось в глаза, — там и здесь виднелись поля и участки земли, засеянные овсом, ячменем и картофелем. Картофель в полном цвету! А между тем лет двадцать пять тому назад, и даже меньше, вдоль дороги залегали только сплошные пустыри, точнее сказать, тундровая, полярная чепуха с лишайниками, мхами и осоками. Теперь эти неудобные земли почти сплошь заросли иванчаем. Его розовая поросль занимала желтые площади, а за ними виднелись леса; и, куда ни взглянешь, везде сверкают зеркала озер. На горизонте — и справа, и слева, и сзади — виднеются горные массивы, они синие и темно-синие. Слева далекая Чуна-тундра, главное обиталище диких северных

олений — мяндашей; направо надвигаются Хибины, тоже уголья диких оленей и хранилище богатейших недр; налево и назад уходят Кандалакшские горы.

Все это — места хорошо знакомые. А земля-то все новая. Вот справа засеянные поля совхоза «Индустрия». Этот совхоз снабжает овощами города Кировск, Апатиты и поселки железной дороги. Вдоль полотна тянется шоссе, от него отходят ответвления на восток и на запад. Когда-то, впрочем не так уж давно, всего двадцать пять — тридцать лет тому назад, по этому шоссе шли потоки строительных материалов. Оно, это старое, заброшенное шоссе, выдержало все напряжение, с которым возникал тогда молодой город Хибиногорск, ныне Кировск. Это одна из первых новостроек первой пятилетки, возводившаяся в условиях полярного края. И до сих пор по краям шоссе видны глубокие рытвины и колдобины, которые вырыли колесами мощные машины в изношенном грунте дороги. По новым шоссе, асфальтированным и аккуратным, теперь идет регулярное движение между поселками, которые виднеются и там и тут на берегах озер и заливов огромного озера Имандра. И в каждом поселке дымят одна-две фабричные трубы. То они близко, то они далеко, но обязательно у самого озера. По озерам снуют проворные моторные лодки. Только природа совсем другая. Кажется, каждый листик и вся листва здесь имеют более темно-зеленый оттенок; воздух же чист и прозрачен. А между озерами болотные заросли, кустарничковая поросль из вереска и багульника; выделяются особенные узенькие кроны елок, которые кажутся чахлыми. Мимо окон вагона проплывают пустые сооружения бывшей Нивской гидроэлектростанции. Они стоят поперек бывшего русла когда-то бурной речки Нивы. Но все в мире стареет, устарела и Нивская ГРЭС. Вместо нее невдалеке, около города Кировска, построена новая мощная электростанция.

Мелькают почти пустынные полустанки — Белая и Африканда. Когда строился Хибиногорск, здесь кипела лихорадочная жизнь строительства большого города Заполярья. С этих станций отправлялись в горы строительные материалы, палатки и продовольствие — не на машинах, это было невозможно, — а на оленях. Оленьи упряжки — эти вездеходы тундры — пробивали первый след, первую тропу для лошадиных обозов, а вслед за ними и для автомашин. Эти первые в Хибинах машины разгоняли стайки диких оленей. Теперь это забытые пути. Теперь стада диких оле-

ней ушли в восточные тундры, в леса Терского берега, а другие подались в горы массива Чуна-тундры.

В Чуна-тундре диких оленей взяло под свое покровительство и охрану государство в лице особого Лапландского заповедника дикого северного оленя. На востоке же олени до сих пор хранят свою вольность и дикость. И не только сохраняют ее, эту дикость, но и вовлекают в нее домашних оленей русских оленеводов Терского берега*.

...Давно, еще до войны, зародилось у меня желание побывать в Лапландском заповеднике. Хотя цели и задачи организации его не имели прямого отношения к моей работе, но именно я, человек, занимающийся культурой саамов — «охотников за дикарями»¹, должен пожить в этом уголке дикарьей земли, где когда-то олень-дикарь и саам противостояли друг другу. Невозможно было отделаться от мысли, что именно здесь должен сохраниться в неприкосновенности дикий олень, его образ жизни, а в сознании саамов — легенды о диком северном олене. Еще не так давно, каких-нибудь сто лет тому назад, жизнь саама-кочевника в определенное время года находилась в прямой зависимости от образа жизни и повадок дикого северного оленя. В особенности это было заметно в кочевках саамов, по связи их с миграциями оленей. «Куда дикарь — туда и лопарь», — говорили саамы.

Заповедник дикого северного оленя был организован по инициативе агронома Германа Михайловича Крепса:

Г. М. Крепс был одним из тех энтузиастов освоения Мурмана, которые после ликвидации иностранной интервенции начали не только изучение, но и строительство нового края. В 1930 году, приехав на место современной усадьбы-заповедника, «под елочку», разбил он с О. И. Семеновым-Тян-Шанским палатку. Потом они построили «малую хижу». Это была баня. В ней-то и поселился директор заповедника Крепс и его единственный рабочий, друг и специалист-зоолог Олег Измайлович. Егеря жили здесь же, пока для них шло оборудование кордонов.

Г. М. Крепс умер во время Отечественной войны; доктор биологических наук Олег Измайлович Семенов-Тян-Шанский стал во главе заповедника. Я списался с ним, просил, чтобы меня встретили, так как добраться до живых

¹ «Дикари» — дикие северные олени. (Прим. ред.)

людей заповедника можно было только средствами самого этого хозяйства.

...Вот и Апатиты. Поезд остановился. Я вытащил вещи, выгрузился прямо на землю между рельсами. Пассажиров из соседнего купе уже встретили, усадили в машины и увезли. А я стою на путях один, окруженный вещами. Вдали появился поезд, идущий «на Русь». Надо убираться с путей. Начал перетаскивать свои баулы и чемоданы. Таскаю вещи по одной, а что буду делать дальше? Как и куда я денусь и где найду машину для переезда? За этими невеселыми размышлениями и не заметил, что около меня оказался плотный человек в очках. Несомненный ученый. Он внимательно следил за тем, что я делал, и не проявлял ни малейших признаков одобрения моим действиям. Потом взял последнюю вещь, которую надо было отнести к вещам, лежащим там, впереди.

Мы заговорили, словно были знакомы со дня рождения.

На станции Апатиты давно уже вырос большой городской вокзал, а за ним, на запад, целый город Апатиты; на востоке строится еще более благоустроенный город — Новые Апатиты, который спланирован вдоль железнодорожной ветки, идущей на город Кировск.

Подкатила машина, найденная Олегом Измайловичем. Через час мы уже на озере Имандра. Грузимся в лодку. Одна перевалка, затем пешее хождение через перешеек между двумя озерами. Наконец, переход в озеро Чурозеро, которое лежит чуть повыше Имандры.

Вот и заповедник виднеется. Усадьба его расположена среди расчищенного леса, между речкой и ручьем с прозрачной питьевой водой.

Тут здание лабораторий заповедника, музея, квартиры директора и помещение для приезжих экскурсантов. Комнаты персонала просторные и светлые. В домах тепло. В середине усадьбы, между домами, площадка для посадок вертолета. Тут же, на юру, хибарка, в которой продаются продукты. Лавочка обеспечивает всем необходимым обитателей поселка.

Однажды Олег Измайлович водил меня по усадьбе, показывал свое научное хозяйство. Он рассказывал, как оно организовано. Основа всего дела — кордоны егерьей, где живут смотрители, или охранники, оберегающие диких оленей от браконьеров. Иначе говоря, егеря следят за тем, чтобы

недисциплинированные охотники не губили природную дичь на территории заповедника, чтобы дикие олени чувствовали себя в заповеднике спокойно, как дома. С этой целью в определенных местах были построены избушки егерей — кордоны. Здесь они живут с семьями. Егеря — люди особо доверенные, они знают толк в охотничьем деле. Они зарекомендовали себя как безусловно честные люди, преданные делу заповедника.

Посмотреть со стороны — жизнь в заповеднике словно замерла или отсутствует вовсе. Изредка пройдет кто-нибудь из технических работников или пробежит к ручью хозяйка с ведром, за питьевой водой. Или соберутся люди у ларька, что бывает раза два в неделю, чтобы забрать продукты. Раз в неделю уходит моторка на станцию Апатиты; ко времени ее возвращения, чтобы скорее получить письма и газеты, все собираются на крыльце главного дома.

Жизнь идет тихо и медленно, словно бы сонно, как в усадьбе Ильи Обломова. Однако это обманчивое впечатление. Таков уж характер работы — тихий, обращенный внутрь, углубленное изучение природы. Вот судите сами. Ихтиологи еще засветло уехали на озеро, за пробами. Вон на фоне гористого берега, на самом горизонте, вдоль по озеру едва движется черная точка — их лодка. Зоологи и девушки-геоботаники, что приехали сюда на практику от университета, давно уже отправились в экскурсии на два, на три дня, а бывает, они уходят на неделю и больше. Там в лесу, или на высоких тундрах, или где-нибудь у озера они будут ночевать у костров, а днем бродить среди лесного и озерного раздолья, разыскивая нужные им растения. Их, этих живых и подвижных девушек, и не слышно и не видно в усадьбе вот уже третий день. Егеря несут караул на своих кордонах, они редко появляются здесь, в управлении заповедника. Наблюдатели и разные практиканты или просто туристы тоже ходят где-нибудь в местах, им назначенных, — там, где олень редко бывает. Это делается для того, чтобы не тревожить и не раздражать пугливых животных. Весь персонал бережет быт диких оленей как зеницу ока. Это необходимо. Лихие люди, браконьеры, нет-нет, а навдываются в угодьи заповедника.

Вернутся ученые люди из тундр, из лесов, усядутся за операционные и письменные столы, к микроскопам, со шкурками, со спиртовыми банками — и снова тишина.

Среди служащих заповедника я ожидал встретить главным образом саамов. Однако это было не так. Здесь жила всего одна семья бабушки Федосьи. Ее муж, старик Федул, недавно умер. Вот кто знал и умел рассказывать старину саамов! Может быть, его старушка и ее внуки сохранили что-нибудь из рассказов дедов?

Бабушка Федосья кругла, как горошина, перетянутая по середине. На поясе у нее позвякивали ключи, ножик в бисерном футляре, ножницы в чехлике и наперсток в бисерном чехлике. Одевалась она очень аккуратно: с а м ш и р на голове и беленькие к á н ь г и на ногах. Лицо у Федосьи было круглое, сочные щеки лоснились, как у всякого полного человека. Подбородок ее был перетянут словно ниточкой. Маленькие серые глаза смотрели с крайним любопытством и даже, я бы сказал, с неистойвой лаской, с умильностью. Видимо, эта пожилая женщина никогда в жизни не слышала грубого слова или окрика. Вся ее девически подвижная фигурка излучала доверчивость, уверенность, что все люди — хорошие, что никто ее не обидит и не обманет. Видимо, она давно уже не общалась с дурными людьми. Все это было очень хорошо, но у нее был всего один зуб. И этот единственный зуб мешал ей говорить. Тем не менее она очень живо откликнулась на мою просьбу рассказать ее сказки и легенды о диком олене. Бабушке Федосье стало весело от сознания, что ее слова будут записывать «на карандаш». Она торопилась, она была почти счастлива. Но записать от нее что бы то ни было невозможно — ни на языке саамов, ни на русском языке.

В коленях у бабушки вертелись ее внуки. Они пожирали меня глазами. Старшая, Таня, — уже школьница. Она вставляла свои слова в речь бабушки в тех случаях, когда я не мог понять какое-нибудь слово на саамском или русском языке. Благодаря Тане мне удалось сохранить кое-что из сказочных запасов бабушки Федосьи.

Каково же было мое удовольствие, когда на следующий день рано утром, после завтрака, ко мне подвели Таню и ее маленькую сестренку Ксану (без этой крошки Тане было боязно идти к нам) и сказали:

— Вот пришла Таня. Она хочет рассказать вам «на карандаш» сказки своей бабушки!

Таня, даже не ожидая окончания этой речи, с ходу начала быстро-быстро, «как тараторка», рассказывать наши русские сказки. Она старалась, подражая учительнице, дик-

товать свои слова, указывая, где какое слово нужно писать.

Пришлось успокоить Таню, выслушать весь ее школьный запас, а затем ввести ее в русло обычного сказывания сказок для записи. Вообще говоря, именно сказок саамов она не знала, но то, что было ей известно, оказалось очень интересным.

Мне запомнились две вещицы. Обе были связаны с оленями. Чтобы сказки приняли литературное звучание, я пошел к бабушке Федосье и основательно расспросил у нее обо всем, что касалось содержания обеих сказок.

Одна из сказок называлась:

Жили двое молодых — муж да жена. Они очень любили друг друга. Жили они в веже его родителей. Однажды муж осердился на родных. Обернулся он в четырехгодовалого оленя — х и р в а с а и решил от родных уйти. Жена заплакала, заголосила и стала просить мужа не оставлять ее одну. Она просила взять ее с собою.

— Ты бери меня, бери, ты возьми меня, возьми с собою.

Он обернулся к ней лицом и спросил человеческим голосом:

— А двоих-то детей куда денем?

На это она ему ответила:

— Свекровь еще молодая — пусть она их рстит, а я хочу с тобою быть неразлучно вовеки!

Крепко любили они друг друга. Муж пожалел жену и начал наставлять, как

«Про диких»

ей быть, чтобы остаться с ним неразлучно вовек.

— Выйди замуж за соседа и подари ему мою пицаль. И на охоту с нею пойди. Сходите в наши кегоры, что повыше Святаозера лежат. Пошли его туда; там на просторе я буду пастись, гулять навстречу ветрам. И пусть он застрелит меня, пусть убьет и шкуру снимет. И пусть мое мясо все наши родные съедят, ну а ты мое мясо не тронь и не ешь, а шкуру поскорей прибери. Сохнуть повесь!

Высохнет шкура, тогда ее в дом внеси и сложи ее надвое мехом наружу. Когда ляжете спать, ты, однако, завернись в мою шкуру. Спиною ляг к нему, чтобы не мог он обнять тебя. На одну половину сама ложись, другою накройся. Свою голову положи на уши шкуры, а пятами ляг ей на хвост.

Ухо в ухо ляг. Душа моя в ушах шкуры живет. Душу мою прими, однако одну половину мне отдашь! Не забудь! Как заснешь, сразу оленем станешь... А там увидишь, что будет!

Она исполнила все, как велел ей муж, ее супруг.

Однажды вернулись они, новый муж и она, с охоты. Принесли мясо и шкуру оленя. Она накормила родных мясом добытого оленя (она уже знала, что это он). Сама ни кусочка в рот не взяла. Шкуру высушила и сложила ее, как велел супруг: надвое сложила она эту шкуру. Пришло время ложиться спать. Один край шкуры она подвернула под себя, другим же накрылась. Сделала все, как велел ее

муж-дикарь: пятами легла к хвосту, руками и стопами по ногам шкуры. Голову так положила, что ее уши к ушам шкуры прилились. В одно ухо душу приняла, через другое вторую половину назад вернула. Крепко уснула. И сразу поднялась она, прыгнула... Только и слышали все да мать видела, будто олени выбежали из вежи...

С тех пор не однажды примечали, что в ближних кегорах ходят два оленя, одинаковые, вместе пасутся. Чаще они являлись отцу, матери и детям своим. Ходят вместе два оленя, два хирваса, два самца, два друга. Потому так, что муж отдал любимой жене половину своей души.

Федосье было трудно сказывать по-русски, а мне было трудно слушать ее речь экостровско-лопарского говора. Кстате сказать, этот говор мне еще был совершенно незнаком.

— Ты послушай-ко, Ладьмер, ты поезжай-ко на кордон к нашему Максимычу. Он хорошо тебе все расскажет чего знает. И про новую жизнь, и про войну. Он мастер сказывать!

Тут она придвинулась ко мне, чуть не к самому уху, и сказала не без таинственности:

— Он знает вот про этих оленей, что там ходят, ты только спроси.— И она, как заговорщик, подмигнула мне глазом. Я решил непременно побывать у Максимыча.

Избушка Максимыча стояла в самом дальнем углу озера Чурозеро. Местечко это кругом обступили горы, только вправо, на север, открывалась болотистая и ягельная лож-

бинка. За открытой поляной опять виднелось озеро, и не одно. Комары грызли нещадно.

Ихтиологи, выбросив меня на берег перед окнами избушки, перекинули парус на левый галс и двинулись в обратный путь. А я пошел знакомиться с хозяином.

Это был чернявый саам с характерными сине-черными и прямыми волосами, которые слегка кучерявились на узеньком подбородке. Карие глаза смотрели с невозмутимым спокойствием.

Передо мною стоял почтенный старик без единой седины в голове.

Нельзя сказать, чтобы в этой избушке было очень уютно. Наоборот, чувствовалось неустройство одинокого человека, старика, который все еще тоскует о своей старушке: она оставила его одного, говорят, лет десять тому назад. В расположении вещей чего-то не хватало. Все кое-как и кое-где, в таком порядке, чтобы вещи удобно было брать, не вставая со стула. Но не было заботы о том, чтобы вещи находились на определенном месте, чтобы они красили свой уголок, чтобы вещь выигрывала, находясь именно на нужном месте. Когда однажды ковшик от питьевой воды я повесил на гвоздик, вбитый когда-то еще при бабушке, Михаил Максимович сказал:

— Положь на кадушку, где было...

Я сразу почувствовал, что жизнь этого одинокого человека сосчитана, рассчитана и размерена. Неубранство же избушки и печки — только внешнее неустройство. Ему просто не хотелось уделять внимания такой мелочи, как расположение вещей в доме. Все заменяла привычка.

Нельзя сказать, чтобы Максимыч встретил меня радушно. Сквозь излишне льстивую и слишком уж подчеркнутую приветливость чувствовалась напряженность, не скажу враждебность, но ясно было, что старик каждое слово свое сначала внутри себя отслушает, а потом уже доверит мне.

Так продолжалось до вечера следующего дня. На другой день, ночью, мы разговорились, а на третий я уже слушал прекрасную сказку о диких оленях и о божестве их — Мяндаше¹. От рассказывания более полного варианта этого мифа Максимыч воздержался. А вместо рассказа о жизни

¹ Мяндаш — охотничье божество саамов-мужчин. Внешний облик Мяндаша — олень-человек. В веже он обыкновенный человек, по выходе же из дома принимает образ дикого оленя. (Подробнее см. мою книгу, посвященную этому мифу: «Легенда об олене-человеке». М., 1965.)

«дикарей» предложил рассказать про войну. Он мотивировал это свое желание тем, что «мяндаши», то есть дикие олени, — это стариковские бредни, а про войну — это про сейчас, «это вчера было».

Жили старик и старуха. Жили, жили, и родились у них три девочки. Выросли дочки и стали девушками. И вот настало время, пришли женихи сватать невест.

Один — ворон, другой — тюлень, третий — олень, не домашний олень, а тот, что кочует в тундрах и на горах, олень-дикарь.

Ворон-зять и тюлень-зять пришли от морских берегов, а олень-дикарь прибежал из лесов, из тундры, из дальних нагорий. Старуха была с морской стороны, она хотела свою младшую дочку отдать ворон-зятю. Старик же был дикарьей, лесовой половины человек. Он захотел отдать свою младшую дочку за оленя-дикаря. Так он и сделал. Это старуха запомнила.

Отдали старики дочерей своих замуж и стали жить одни.

Жили, жили, и заскучали старые о своих дочках.

Говорит старик:

— Я пойду, старуха, к дочкам. Проведаю, каково они живут там?

И пошел.

Шел, шел, смотрит: вежа стоит; место пустó — одна

Сказка
«Олень-дикарь
(Мяндаш)»

сосна сухая стоит, да кости валяются.

Вокруг вежи воронята лѣтают.

— Крлы, крлы, — кричат, а ножки-то у них, как у маленьких воронят. То вороновы дети, то внуки его. Мать их вышла из вежи, встретила гостя.

Посмотрел старик на дочку, опечалился: запах от нее не человеческий, а глазо — один...

— Что ж ты, дочеря моя, с одним глазом живешь?

Отвечает она:

— Ворон выклевал глаз...

Ну, вошли они в вежу. Сели. Вот и ворон прилетел, принес им обѣдков и бросил на стол. Стали они есть. Поел старик чего дали, воды напился и повалился спать. Наутро встал и пошел себе дальше.

Шел, шел — дошел до берега моря. Море пустое, ничего на море не видно. И берег пустой: одни лишь голые камни лежат, да волна отлиывает и приливает.

Заскучал старик. Однако смотрит: домик стоит. С крышидети катаются, с боку на бок переваливаются, ла-

стами по животу себя хлопают: хлоп, хлоп, хлоп.

Подошел он к ним. Увидели его тюленята и закричали:

— Мама, мама, к нам дедка идет!

Выбежала дочка из дома наружу, встречает отца. Глянул старик на дочку, а она вся в сале тюленьем, и запах от нее звериный, и руки нету.

— Где же рука твоя, доченька?

— Тюлень отгрыз руку! — сказала она.

Ну, вошли они в вежу и сели. И вот пришел хозяин-тюлень. Он принес на угощенье куски сала звериного и мяса звериного.

Сидели, сидели, жевали, жевали, так и спать повалились.

Утром старик встал, пожевал тюленины да и пошел себе дальше.

Вот он шел, шел и добрел до высокой горушки. Красиво это местечко: вокруг березки да елочки, из-под камней ручьи бегут в озеро ясной воды. С камня на вершине горушки видно, что далеко легли ягели с перелесками. Кругом раздолье, и добрый ветер грибной дух наносит.

Залюбовался старик и сказал:

— Отрадно.

Осмотрелся он вокруг и

увидел: у речки, на берегу, вежа стоит.

Вокруг вежи дети бегают, на головах рожки, на шапочках ушки пыжиков торчат. Это внуки его, они в олешки играют.

Старика увидели, закричали:

— Мама, мама, наш дедушка к нам в гости идет.

Дочка на улицу вышла. Красивая она вышла встретить отца, одетая в свое лучшее платье. Она взяла отца за руку и в дом ввела.

Смотрит старик на дочку и говорит:

— У тебя, дочь моя меньшая, жизнь лучше всех.

Дочь усадила отца на почетное место, на мех, на шкуры. Сама приготовила ему мяса свежего, сала тонкого и обед сварила.

Наелся старик.

Вот и зять пришел. На вольном воздухе он оленьдикарь. В вежу вошел — человеком предстал, поздоровался. Статный и красивый.

Спрашивает зять старика:

— Хорошо ли у нас, батюшка?

— Очень хорошо, — ответил старик.

— Приводи же, батюшка, тещу, и живите у нас на покое.

Понравился зять старика; вот он пожил мало-мало у младшей дочери, соску-

чился по старухе и отправился домой.

Пришел к своей старушке и говорит ей:

— Наша дочь, отданная за ворона, с одним глазом живет, только то еды у нее, что объедки грызет. Другая дочь, отданная за тюленя, одно звериное мясо ест и рука отгрызена. А третья дочка, которая за оленя выдана, живет дородно и в красивом платье ходит. Пойдем к этой дочке жить!

Ну и пошли. Старуха недолго собиралась, встала и пошла позади старика, держась за его рукав.

И вот они шли, шли и пришли к младшей дочери. Ну и стали жить.

У дочери жить им было очень хорошо. Дикарь днем ходил в тундры и жил там по своей воле, а дочка управлялась дома по хозяйству.

Однажды дочка, надолго уходя, по ягоды, сказала матери:

— Мати, когда ребята намочат шкуры, на которых спят, ты те шкуры не вешай на дверь. Нельзя мокрые шкуры на солнце сушить.

Сказала так и ушла.

А старуха, она своим обычаем жила, она дикарий обычай не уважала. Она возьми да и повесь мокрую шкуру на дверь, на солнышко сушить.

Наступил вечер.

Вернулей из тундры дикарь. Хотел он в дом войти, дверь открыл, а на него от двери пахло запахом сушеных на солнце шкур. Дикарь олень не переносит этого запаха, он убегает от него.

Дикарь отпрянул от вежи и, убегая прочь, крикнул жене:

— Видно, плоха тебе жизнь со мною. Теперь я ушел в дикие олени и больше никогда не вернусь.

И вдруг все его дети обернулись маленькими оленями и помчались за отцом в лес. Даже самый младшенький, тот, который лежал в люльке, и тот выскочил из нее и маленьким олененком побежал в лес.

Мать погналась вслед за детьми.

Она бежит и кричит:

— Подьте, мои деточки милые, к маме, не покидайте меня, вернитесь к матери вашей!

Так звала она детей своих, а они посмотрели на мать и сказали:

— Мы не можем, мати, к тебе прийти: у нас растут рога, в них пышет жар и кровь кипит — вот наша радость теперь! Вольный бег и хруст в копытах — вот наше веселье теперь! Нас тянет к себе шум олень-

его стада, нас тянут к себе тундры, ягель и леса.

И убегают от нее ее дети, убегают от нее даже самый маленький из них.

Мать к маленькому обратилась, кричит, самого маленького зовет к себе:

— Беги, мой маленький, к маме, беги. У мамы есть молочко, у мамы теплая грудь, беги ко мне, мое милое дитяtko, беги ко мне на колени.

Отвечает ей маленький пыжик:

— Не могу, мама, вернуться к тебе, не могу я прийти, я за отцом бегу, за моими братьями. Роговый жар меня влечет, и вольный бег теперь моя радость.

И убежал.

С тех пор дикие олени живут отдельно от нас, от людей, — в лесах и в тундре, а люди отдельно от диких оленей. А прежде были одно олени и люди, как братья одного колена*.

Дня через два после рассказа о Мяндаше Максимыч разбудил меня очень рано.

— Идем-ка!.. Вставай!.. Мяндаши к нам в гости пришли. Чай после будем пить...

Максимыч повел меня лесистым краем горы. Со склона ее открывалась картина на болотную ложбину и «ягельный бережок». Олени привыкли к избушке Максимыча и не опасались подходить к ней близко. Мы прошли уже немалое расстояние. «Ягельный бережок» уже миновали — оленей на нем не было. Максимыч вышел из леса, осмотрел следы и убедился, что олени передвинулись подальше. Видимо, кто-то их спугнул. Перевалив за склон нашей горы, мы вышли на открытое место. Здесь начиналась тундра. Тут мы и увидели оленей. Целое стадо. «Это не мяндаши. Это дикари. Настоящие мяндаши живут на высокой горе, туда, на запад. Там у них высокая вершина, там у них дом стоит. Они живут в нем и видят все, что делается под горой, внизу: кто идет, кто бежит... Всё видят, всё знают... А мяндашей никто не видит и никто не знает, где их найти. Ему и в глаза-то взглянуть опасно — ослепнешь и в уме помутиться».

Через два дня я уехал от Максимыча. Дни пребывания у него в гостях остались в моей памяти как одни из самых «саамских дней» моей жизни.

Не знаю, как у других народов нашего Севера, а среди саамов не так просто записывать тексты их древних сказаний

и мифов. Для этого есть свои причины. Оригинальные в речах талантливых сказителей, очень содержательные мифы саамов уже теряют для них свою неотразимость. Многие саамы потеряли веру в них. Подавляющее же большинство отвергло их как неправдоподобные бредни стариков. Поэтические интересы этих саамов питаются теперь русскими и советскими песнями, печатными произведениями, книгами. Лишь изредка среди саамов появляются сказители — создатели нового жанра. Речь идет о с а к к а х (сагах), то есть произведениях устной словесности на темы текущей жизни. Одним из самых талантливых представителей этого рода сказителей был Максимыч. Незадолго до своего отъезда я услышал его сагу о том, как он сражался при реке Пазреке в 1944 году, и о том, что из этого вышло.

Рассказ Максимыча о том, как он воевал на реке Пазреке в 1944 году¹

Рассказы жизни

«Три нагона врагов испытали саамы. Три нагона было в старину, а четвертый впереди. Слово стариков твердое — четвертого нагона не миновать. И ждали! И Данила Иванович, наш знаткой человек, сказал: «Будет!» Данила Иванович был непростой человек — м и л л а ш к а й л е с он был, мудрый человек. А вот помер же! Не живет теперь Данила Иванович! Но и он не знал, как скоро эта война случится. Не знал и не сказывал, что будет она порато (очень) злая, эта германская война. Он все надеялся: вот внук вырастет, в сознание войдет и станет офицером над пушками. И таково-то старику хотелось, чтобы внучок его был офицером, что и сам мальчишка только о том и мечтал! А вот не получилось: где тот мальчишка Чапай, о котором он говорил и думал, на которого надеялся? А война-то — вот она, на носу, не слышно, как подобралась. Пришла война! Мобилизовали и меня. Направили в стрелковые роты на действительную; в самый разгар, в 1944 году это было. Отвезли в Мурманск и назначили в учебную команду. Определили пулеметчиком, номером первым. Жили мы в деревянных бараках, а иные тут же в подвале каменного дома. Морозы настали. В доме

¹ Рассказ Максимыча сообщил автору егерь Лапландского заповедника Алексей Иванович Архипов в 1961 году.

сыро, в бараке холодно. Жили и жили, на ученья ходили, песни пели, а однажды ночью вдруг слышим:

— Тревога, тревога!

Что за тревога такая? А это, значит, бегом одевайся, бегом стройся, бегом на улицу... То, бывало, шутки такие шутили, а этой ночью шутки не те оказались. Шинели выдали, шапки теплые, портянки мохнатые, а не шерстяные... все на руки каждому. Бегом одевайся и стройся!

И пошли мы на тот берег залива, на переправу. Крепко холодно было, студено. Воздух сухой, а на воде сырь, зябко. Однако едем, тихонечко гребем. Веслом не стукни! Песен не пели. Что-то будет! Это уж мы сами поняли. А нам ничего не говорят. Лейтенант наш тоже помалкивает. Что будет, к чему оно идем?

Переправились через губу. Отсюда пешком, чуть ли что не строем прошли до горы Кучин... И все по ягелям. Идти было легко по этой ласковой земле. Болотца не в счет. Между Кучином и Мотовским заливом легла переправа через реку Титовку. Мы перешли ее повыше этой переправы: там ведь дозоры стоят!

Прямо вброд пошли, по грудки в воде шли. Холодно было. Мокрые, иные сильно продрогли, другие все вещи свои растеряли, а были и такие, что попадали в воду, а поднять их не могли. Холодно, руки-ноги стынют; другие забоялись тяжести своих вещей, побросали их в воду. В воде идешь, а за спиной слышишь: котомка твоя булькает, поднимается кверху. А вода-то ледяная. Пробирается и по спине, и по груди, чуть ли не к самому горлу. Сердце замирает. Огня нет, разводить его нельзя. Одежда, как железо, на тебе, на живом, стынют.

К Пазреке пришли. Надо через Пазреку переправу делать. Стужа смертная. Приказано: «Ложись». Легли прямо в мох, в мокроту, и сами мокрые. Лежим, и мерзнем, и мокнем. Думаем: что-то надо делать! Если в этой луже да в мокроте этой лежать, обязательно пропадем. Решили: идти вперед! Все равно, назад пойдешь — пропадешь как собака, так уж лучше вперед идти; тоже пропадать, а все-таки надежда — испугаются те, побегут. Мокрые, холодные были, уже морозы порядочные случались, хотя снега еще и не выпало, а все-таки надежда у нас была. Так и решили: вставай и пошел вперед, только бы не стынуть в окопах. Он придет, голыми руками нас возьмет. Так лучше вперед! Мы вперед,

а за нами все пойдут! Потому что мы тут землю знаем, нам верили.

Лейтенант наш вскочил, закричал:

— Вперед! Давай, ребята!

И мы ходо́м пошли. Все за нами. Вперед. Шли, шли, Пришли к озерку. Тут развилка дорог. Перешли озеро Харьюзное, повернули влево и вышли прямо к месту, где одна дорога идет на юг, в Финляндию, другая на запад, в Норвегию, и одна дорога прямо на север. Тут между развилками дорог варака высокая, а на ней выдается вершина — Каррикова высота называется. На этой высоте вершинка выдается, а на ней, видим, в вышках немцы: то пулеметчики засели. Стреляют по нашей силе, а только все пули поверху идут! Что за чудо?!

Один из наших, русский, хороший был стрелок, вызвался снять «языка» от этих пулеметчиков. Обошел их справа по высоте и снял одного, и очень точно. Однако угодила пуля не туда, куда ее посылали. Помер тот «язык».

Пошли вперед. Поднялись на высоту, заняли ее и остановились тут, около этих вышек пулеметчиков.

Отсюда немецкий лагерь виден: множество палаток и большой обоз. Все телеги одна к другой стоят. Лошади тут же на приколе. Кухня парует. Лошади уже запряжены. Видно, обед был готов, и повара отправлялись на раздачу пищи.

Мы выбежали на обрыв, над дорогой выскочили. Немцы увидели нас и открыли стрельбу. Стреляют, а все по воздуху, все выше нас берут, все мимо нас, все вперед!

Мы — коллектив большой, сбежали, как волна скатилась, сбежали и начали бузить. Налетаем на них, наступаем, в драку лезем, а они не поддаются. Приказ дан: бить всех немцев без разбору! А те забрались за подводы, под лошадей и стреляют оттуда. Наши начали падать то там, то тут. Что за диво такое? Одни боятся, прячутся, стреляют, убивают; другие словно стесняются, маху дают, стараются словно подойти, слово сказать. Их бьют, а они не бегут, стоят, словно ждут чего-то.

Наскочили мы на одну палатку. Оттуда их солдаты выскакивают, а наци бегут на них с боем.

Они руки подняли и кричат:

— Сдаемся!.. — А сами не бегут, не убегают от нас, а даются нам. А на шинелях-то их мы видим знаки: цифры разные.

То наши оказались. Наши, русские военнопленные, в немецкие мундиры одетые. Им номера немецкие наклеили на всякую одежду и послали в бой на родимую землю, со своим братом воевать. Мы на них с криком и с матом: как же у них хватает совести на нас с винтовками идтить? Объясняют они, что в такое их положение поставили, нет возможности отказаться. Кучами расстреливали. Чем так погибать, решили дать согласие, а там видно будет. Условились: в случае пошлют на своих — стрелять вверх по воздуху, в небо решили палить.

Сдались все. Все, кроме настоящих немцев. Пока слушали оправдания русских, пока доверяли или не верили — вздули всех: кого по зубам, кого по мордам, а тому по загривку хорошенько, а время-то шло.

Один тут же начал кричать, уже побитый (до того молчал):

— Иду с вами, сей минут, дайте мне русскую винтовку, дайте шинель!

И скидывает с себя всю одежду, нагишом остался, в одной рубашке, так и ждал решения.

Нашу одежду и шинель сняли с убитого русского и дали ему. Выслушали его всем народом. Все слушали, всем людом, все четыре роты... Еще спросили кое-что, чего каждый хотел узнать, и... поверили. Всем поверили — он и про себя говорил, и про всех своих земляков.

— Русские они, — стали говорить, — и речь русская, куда уж там не верить!

Поверили.

Тут один артиллерист встал — он в немецкую артиллерию попал, — рассказал, как оно было... Подошел к нашему лейтенанту и просит разрешить ему выстрелы из орудий по немцам сделать: там артиллеристы все настоящие немцы... Тут же, сейчас же просит дать ему эти выстрелы...

Дали ему эти выстрелы по немцам пустить.

И правда, что ни выстрел, то из дула в дуло попадает! Всю артиллерию немцев, что против нас стояла, всю уничтожил. Я сам видел, сам знаю!

И этого одели в советскую форму и при нашей же части оставили. А других собрали и отправили в Мурманск: там лучше разберутся, а этот артиллерист, и тот, что в шинель нашу оделся, при нас остались — мы за них в ответе.

Я сидел со своим пулеметом на горюшечке против этого нашего общего собрания. Чуть что — я тут. Вдруг вижу:

автомобиль со стороны немцев катится. Таково-то ходко бежит!

Я кричу своему лейтенанту:

— Немцы катятся! Берегись!

Лейтенант сейчас же «встречу» выставил. Всех наших так разместил, что машине, кроме нас, некуда податься. Машина таково-то ходко бежит и фырчит. Прибежала и встала — дальше ходу нет: на дороге ей камни наложены. А вокруг машины уже наши стоят, в кружок собрались, смотрят: кто такие приехали? В машине сидят немцы, все полковники, и шинели у всех немецкие.

Мы на них. Не все, впрочем, а кто в обороне; ну, сказать так, те, кто в наряде, в дежурство был назначен. Вытащили этих полковников из машины, хотели убить. А лейтенант не велел. Тут наши командиры подоспели.

Ну, отвели пленных в штаб нашей части. Так вот и «языка» достали».

* * *

Однажды выдался необычный солнечный денек. Часть работников заповедника разъехалась по своим делам, трое отправились в Апатиты за почтой, грузами и продуктами. Зоологи, геоботаники и сам директор только что вернулись с гор. Все собрались на крыльце «ученого домика». Беседа шла о том о сем в ожидании прибытия почты.

Мимо нас, мимо крылечка, где мы сидели, прошла женщина-саамка из дома технического персонала. Это была бабушка девочки и мальчика, игравших невдалеке. Старуха была сравнительно высокого роста, она имела примечательную наружность. Ей было не менее семидесяти лет, но держалась она прямо, движения бодрые; одета очень опрятно, припоясана бисерным поясом со многими привесками на нем; на голове высокий с а м ш и р¹, покрытый черным платком. Она поздоровалась с Олегом Измайловичем, его женой Марией Ивановной и проследовала дальше.

Олег Измайлович назвал ее имя и отчество и рассказал о ней то немногое, что знал. Она осталась от родителей одна с младшим братом. Пошла в батраки. Когда братец подрос, она вместе с ним начала ходить на охоту за дикими оленями. Она и сама, одна, ходила на охоту, «ломала медведей», била

¹ Самшир — головной убор саамских женщин.

дикарей. Тем они и жили. Время шло. Подняли они хозяйство, обзавелись оленями. Брат возмужал, она его женила, а тогда и сама вышла замуж за вдовца.

— Красивые, хорошие женщины саамки, — заключил Олег Измайлович свой рассказ.

Мы попросили его рассказать еще что-нибудь из жизни саамов: разных случаев он знал много.

Один саам из Бабенского погоста служил одно время тут егерем; был мобилизован, попал на войну и был ранен. Жена его не вынесла условий военного времени и умерла. Он долго лежал в лазаретах. После демобилизации женился на здешней украинке. Мальчик родился. Все они уехали на Украину. Родились еще дети. Старший мальчик уже подрос; он стал совсем взрослым юношей, получил специальность. Он слышал рассказы матери об отце, о его родной земле, и его потянуло на родину, в Лапландию. Уже совсем взрослым юношей, когда время пришло жениться, он приехал сюда.

Он приехал в гости к родным хорошо одетый, даже нарядный, в новых желтых ботинках, в хорошей шляпе. Он рассказывал, что дома работал электромонтером. Он часто приезжал в заповедник и живал по нескольку дней. Это был обыкновенный советский молодой человек, очень скромный и дельный. Разве что была в нем какая-то излишняя мягкость. Он пожил в Бабенском погосте недолго, потом собрался и уехал. С семьей матери он и теперь живет где-то под Харьковом. Говорят, женился, и очень удачно.

Саамы очень восприимчивы ко всему новому, что несет с собой советская культура на Север. Это новое и здоровое они быстро воспринимают и осваивают, но в то же время стараются сохранить свой язык и особенности своей культуры и быта.

Вскоре после окончания гражданской войны и ликвидации интервенции на Мурмане усилилось и стало теснее общение саамов с другими народами Советского Союза. Прошла коллективизация. Открылось много новых школ и медпунктов. Вскоре в Мурманск и в Ленинград поехали группы молодежи учиться в институтах. Началось формирование нового сознания у саамов.

...Первого августа я выехал в Мончегорск.

Мончегорск. 1935—1936 годы

«Ищи Марфу!» Лето 1961 года

Нелегкая это задача — найти в таком большом городе, как Мончегорск, двух маленьких саамов. Впрочем, теперь-то они, конечно, не маленькие, теперь они взрослые люди.

Память моя сохранила облик мальчика лет тринадцати-четырнадцати, живого, энергичного подростка, который еще в 1935 году непременно хотел быть советским офицером. А девушка, образ которой тоже не давал мне покоя, в те годы кончала среднюю школу. Она мечтала быть учительницей саамских детей. Вот и все, что я знал о Соне и брате ее Левке Чапае.

Поиски их привели меня на вокзал. На вопрос, где тут живут саамы, мне ответили: «Где-то на Монче, там и надо искать. Там они жилали до войны. Главнее всех Марфа! Ее ищи».

— Как же ее фамилия? Кто она такая?

— Так и спрашивай: Марфа-лопарка, живет на Монче, все ее знают.

А Данила Иванович? Проводник, который водил академика Ферсмана в горы, который указал ему залежи никелевых руд? Жив ли он? Где он? Его где искать? У него на Монче был домик, который обещали превратить в музей города.

У моего собеседника, рабочего-железнодорожника, физиономия вытянулась от изумления. Он понятия не имеет ни о проводниках, ни об академиках... Он подзывает к себе соседа, потом еще одного... Их собирается уже четверо. Они еще раз выслушивают меня.

Затем они все согласно решили так:

— Марфу ищи... Ищите Марфу на Монче: она не знает ли чего?

Искать Марфу было поздно. Я отправился прямо домой, в гостиницу. Мой сосед уже уехал. Один в комнате за много дней блужданий! Какое это счастье!

Я предался воспоминаниям.

Зима 1935—1936 года

На Мончу

В декабре 1935 года Союз писателей направил меня на озеро Имандра для записи сказок у саамов Мончи¹. Здесь жил в то время знаменитый проводник геологических экспедиций Данила Иванович Архипов. Говорили, что он знает саамскую старину, а запас сказок у него неисчерпаем. Я крепко надеялся, что найду у него и кров, и стол, и обилие сказок, и тишину, какая бывает у саамов в местах, где они ловят рыбу, где-нибудь на озерах, «во пустыне».

Пробираться на Мончу надо было от станции Имандра. Скучная и безлюдная это была станция. Редко кто высаживался на ней; еще реже садились новые пассажиры. Такою рисовалась мне эта станция после неоднократных ее посещений. А сегодня при выходе из вагона скопилось очередей; пассажиры спешили выйти, они толкались со своими инструментами, и все это были молодые люди — с пилами, топорами, рубанками...

Выйдя из вагона, мы очутились во власти скрипучего мороза. Сразу захватило дыхание.

¹ Монча — залив озера Имандра, живописное место; в переводе с саамского означает «красивая».

Вся станция звенела от лязга железа вагонов, визга колес и стопа рельсов под давлением многих вагонов, расталкиваемых в тупики двумя паровозами. Крайние пути уже были завалены строительными материалами — это были груды деталей стандартных домов, каркасы стен, оконные и дверные коробки, доски и бревна, ящики с гвоздями... И на каждой вещи штамп: «Монча», «город Монча», «Монча-завод». Тут же какие-то условные знаки — видимо, нумерация деталей. Все это в хаотическом беспорядке было свалено вдоль наспех проложенных рельсов. Прокладывались еще новые пути. Автомашинны спешно подкатывали к этим свалкам. Солидные дяди с бумагами в руках указывали машинам, куда им подходить и куда уезжать.

Конечно, я мог бы подойти к ним, попросить у них совета, как добраться до Мончи. Я заметил, что по льду озера проносятся легковые машины; конечно, мне помогли бы устроиться в одной из них. Но легковые машины меня никогда не привлекали. Меня интересовал вопрос, как и куда поедут люди, которые расположились вдоль каркасов. Мне хотелось поехать как все, сообща, вместе с молодежью. Вероятно, думалось мне, прибудет автобус или крытая машина, ведь на улице стоит тридцатиградусный мороз.

Пассажиры сидели кучками, одни на ящиках и на бочках, другие на грудах окон и дверей. Выделялись молодые пары с грудными детьми. В одном углу устроилась бродячая бригада плотников, в другом — группа завербованных, а там бригада печников.

Подошла машина. Шофер объяснил трем бригадам, что и на этот раз он их не погрузит в свой кузов: у него особое направление.

Мерзнем. Откуда-то вынырнула машина, груженная мешками, тюками сена, керосиновыми бочками. Дяденька с бумажками в руках махнул рукой. Все скопом, сразу поднялись и набросились на борта машины. Нагруженная до отказа машина исчезла.

Мне со своими вещами удалось взобраться в кузов следующей машины¹.

¹ На другой день этот порядок доставки рабочих со станции в город был изменен. Для женщин с детьми в здании станции выделили угол, а для переезда была выделена специальная машина, приходившая к последнему поезду «с Руси». Уже при мне пошли автобусы, а главное, вскоре начали ходить поезда.

До Мончи восемнадцать километров. Всю дорогу, по морозу градусов в тридцать, навстречу ветру, мы мчались на полную скорость.

Мои спутники никак не могли поверить, что я не инженер, что я действительно еду за сказками к саамам. Это не укладывалось в их сознании. Какие сказки на ударной, сверхударной стройке? Шутя я уверял их, что тут-то и есть, тут и творятся настоящие сказки.

Когда машина подкатила к кооперативу и вытряхнула нас прямо на снег у порога лавочки, мне помогли подтащить мои вещи к домику Данилы Ивановича. Старик пригласил меня к себе.

Дети

Данила Иванович устроил меня со всеми возможными удобствами. Он выделил мне место для ночлега и занятий на полу, в одном из углов своего домика, под крошечным оконцем с наклеенными на стекла бумажными оленями. Это было даже уютно. Мне даже казалось, что я никому не мешаю, хотя это было не так. Через день или два работа уже кипела ключом. Как из рога изобилия сыпались сказки и укладывались на страницы моей «чернухи». «Чернухой» называлась записная тетрадь с вихрастыми строчками крючков, кружков, полукружков, закорючек, треугольников, петелек, крендельков и точек с запятой, с помощью которых на белую бумагу наносилось звучание саамской речи. Это была так называемая фонетическая, то есть звуковая, запись.

Когда произносится слово «сказка», возникают образы тех, кто их рассказывает, — стариков и старушек.

На этот раз моему самому старому старику было не более пятнадцати лет, самой маленькой бабушке вряд ли стукнуло девять, а брату ее не дашь и шести лет. Я сужу об этом по тому, что он очень уж красноречиво промолчал всю сказку, которую хотел мне рассказать. Это было ясно без слов. Настоящий дедушка, Данила Иванович, был хвор; взрослые были заняты своими срочными делами на стройке или находились в отъезде. Они приходили ко мне изредка, на досуге, а у детей были сейчас зимние каникулы. Детвора была тут как тут, всегда под руками. В иные дни дети забирались ко мне с утра, рассаживались вокруг на полу, на широких оленьих шкурах, и напряженно следили за расска-

званием и за моей работой, то есть за моим записыванием текстов по-русски и по-саамски и опять по-русски под каждым саамским словом (подстрочник). Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Когда мы приступили к делу, вдруг обнаружилось два убийственных обстоятельства. Во-первых, ребята-саамы не знали саамских сказок; во-вторых, они не умели или почти не умели говорить по-саамски, по крайней мере так они заявили. Произошла настоящая паника. Раньше всех вышел из затруднения Федотка, мальчик одиннадцати лет. Он быстро ориентировался в обстановке и уже на другой день утром рассказывал по-саамски коротенькие, но выразительные сказки и басни. Он сам припомнил все, что знал, «когда был маленьким». Его сестренка Анфиска, отличница в школе, знала много сказок: ее любимое занятие — чтение и подготовка уроков. Но все ее сказки были взяты из книжек. Деловито и, видимо, так же строго, как и ее учительница, Анфиска, эта круглолицая девочка с большими глазами, наставительно поглядывая на меня, очень отчетливо, почти правильным русским языком продиктовала мне «Деду Мороза» и сказку «Про обезьянку», оказавшуюся переложением знаменитого «Тарзана». Когда же дело дошло до записей на языке саамов, Анфиска сдала.

Дети другой семьи свободно говорили на своем языке. Соня же настолько хорошо знала родной язык, что оказалась моим надежным консультантом по вопросам транскрипции саамских слов, грамматики и переводила новые, непонятные для меня выражения, то и дело встречавшиеся в сказках.

Тоненькая, болезненная девушка-подросток, она производила впечатление существа, выросшего здесь случайно. Она слишком хрупка, чтобы приспособиться к трудной жизни, ожидающей ее впереди. Казалось, сама судьба назначила ей быть учительницей саамской школы. Это заветная мечта и ее самой, и ее отца. С большим тактом, умело она толковала мне обороты саамской речи. Глаза Сони, сосредоточенные и вдумчивые, когда она учила меня, приобретали выражение лукавства, как только она начинала сама рассказывать сказки. Не лишены юмора и назидательности, они передавали всю простоватость стариковской морали народа саамов. В умелой передаче этой вполне современной саамской девушки, одетой по моде, в берете на бочок и с приколкой, сказки приобретали оттенок особой, характерной и старинной наивности, которую она понимала и ценила.

Другая сказительница, двенадцатилетняя Леночка, выучивала у матери слово в слово все сказки, что хотела рассказать, а затем самым добросовестным образом пересказывала мне. Совершенно иначе поступал Левк, ее брат. Так же как и Соня, он неплохо владел саамским языком. Он скоро справился с трудностью сказывать сказки именно для записи. Перед тем как прийти ко мне, он повторял свои сказки себе, в чем был нетверд — спрашивал у отца, а затем уверенно и смело рассказывал. Его сказки своей отчетливостью ярко выделяются из всех записанных мною от детей.

Однажды дедушка Данила позабыл сказку об Игле. Левк, слушая, как дед вспоминал, тут же восстановил ее, пользуясь отрывочными словами старика. Ночью он расспросил об этой сказке отца и еще раз рассказал ее мне. В результате удалось записать одну из лучших детских сказок о том, как Копье, Топор и Котел путешествовали и охотились и что из этого вышло. Но главное, что прославило Левка, это сказка, по форме своей похожая на старинные саамские м у ш т о л л ы — сказки-бывальщины. Содержание же ее ново, как и Левк, саамский подросток, человек уже иной закваски, чем его дед и отец.

Левку всего четырнадцать лет, но на мир он смотрит другими глазами, чем его старики. Нет у него характерной для саамов скрытной замкнутости в смеси с забавной хитрецой. Левк смотрит в глаза т а й а, то есть несаама, прямо и смело. Он не любит, когда дед не очень-то одобрительно отзывается о своем, о саамском. Левк знает, что саамы — сильные, особенные люди. Они знают больше, чем все другие люди. Они умеют разводить оленей и управлять ими. Для них не страшны леса и тундры. Они знают их так хорошо, что даже академик Ферсман и другие академики только с ними не боятся ходить в тундру, а ведь у них лучшие в мире, замечательные компасы. Дедушка Данила — саам, он лучше карты знает тундру! Не будь дедушки Данилы и отца, не будь Павла Васильевича Сарванова, как бы строили Мончегорск? Он сам, Левк, еще маленьким возил на оленях и хлеб, и машины разные, и людей, и первые образцы руд и диатомитовой глины.

Разве машины и лошади сами пойдут по тундре, по болотам и в лесах?! Только олени! Только на оленях и в пургу, и в мороз идут по тундре рабочие люди, «как у себя дома в саду». Не бывало разве, что сам директор треста «Североникель» просил отца послать Левка, мальчишку, на станцию

с оленями, чтобы отвезти его, директора, к поезду, потому что машины не ходят и лошади тоже не могут идти?! И сколько раз так бывало!

Левк носит свою голову гордо, как Чапаев. Это его любимый человек. У него уже есть свой герой, он у него учится, поэтому он свою шапку, свою матерчатую, «под смушку», шапку, носит набекрень, как носил сам Чапай.

Он не боится «четвертого нагона»¹, о котором в западной части Лапландии между рабочими-саамами все время ходили слухи. Он не боится этого наступления врагов на его родину, о чем со старины идет предание. Левк твердо верит в советские танки и пушки и в то, что он сам перебьет всех врагов. Он говорил это с такой уверенностью, что мне даже приснилось, как Левк будет красным командиром, разведчиком, как он будет действовать в тылу у белых, «лётая» на своем олене Тасько.

Но самым очаровательным рассказчиком был, конечно, маленький Ярашка. Ему и всего-то шесть лет. Это настоящий саам по всем статьям. Крепыш на коротких ногах, широкий в теле, коренастый мальчуган. Его большие карие глаза на широком личике излучают столько детского простодушия и ласковой наивности, что я всегда прекращал работу при его приближении. Он подходил ко мне и становился рядом с явным намерением рассказать свои особенные сказочки. Так долго и сильно хотел он их рассказывать и столь красноречиво молчал, что, вероятно, даже конфетки, оказывавшиеся у него во рту, так и не узнали, о чем же он хотел рассказать.

В избушке Данилы Ивановича

Недели через две запасы сказок у ребят иссякли. Со взрослыми дело обстояло сложнее. Немало было сказано мифов, преданий и сказок. Но ни одной сказки, ни одной саамской частушки на темы современности записано не было. Между тем именно здесь, в Монче, должно было записать что-нибудь новое из новейшего быта саамского поселка, расположенного вблизи железнодорожной станции, вблизи большой стройки. Таково было задание. Казалось бы, старые сказки должны

¹ По представлениям саамов, в прошлом на их родину было совершено три вражеских «нагона» и, по преданию, следует ожидать еще и четвертый «нагон».

быть оснащены новыми словами, эпитетами и сравнениями, но и этого не было, если не считать частой замены некоторых саамских слов русскими. Эти замены носили очень своеобразный характер, но в художественном отношении не представляли интереса.

Я знал, как быстро реагируют саамы на малейшие события своей общественной жизни. Женился ли кто-нибудь, поссорился, построили ли новый дом, приехал ли необычный гость, сватался ли кто-нибудь и получил отказ, и так далее, до бесконечности, — все это быстро передается из уст в уста.

Во всех подобных случаях, если в них фиксировались какие-нибудь характерные черты, вокруг них завязывался сюжетный узелок, и сейчас же он воплощался в экспромт, в, так сказать, «быстрый» юмористический рассказ, в бывальщину, сатиру или особого рода песню, так называемую муштоллу, что значит буквально «на ум пало». В дальнейшем муштоллы часто забывались. Эта поэтическая экспансивность саамов была отмечена еще семьдесят пять лет тому назад Н. Харузиным в его известной монографии «Русские лопари».

Меня поражало отсутствие поэтического воплощения жизни на Монче. Здесь перевернулась вся жизнь саамов, вырос целый город, появилось электричество, произошла в полном смысле слова «переделка» жизни, в жизнь вошло много нового. Каждый день давал обильный материал для словесного творчества. Наконец, здесь жили три талантливых сказителя и много их слушателей и способных подражателей. А мне один из юношей рассказывал — как самоновейшую — бывальщину, или сагу, о смерти охотника во время охоты на оленей, что произошло в 1925 году.

Я ожидал хотя одну какую-нибудь захудалую частушку о жизни на Монче сегодня, сейчас... Но их не было. А между тем русские девушки принесли и подарили мне целую тетрадь записанных ими своих песен-частушек.

Разговоры за чаем, в гостях и по вечерам, вращаются вокруг новостей строительства, новых людей, ожидаемых перемен, больших и малых, приездов начальников из Ленинграда, из Москвы, из Мурманска. Избушки саамов стали в своем роде клубами, местом скрещения всех новостей. Сюда, на огонек, собирается много разного люда. Тут бывают инженеры из управления треста, забегают соседки — жены врачей и тех же инженеров — посидеть, поболтать, заказать туфли из оленьего меха или шапку, приходят

и агенты по доставке грузов, шоферы и конюхи обоза, всем что-нибудь нужно — тому ехать на станцию, другому свежей рыбы, но главным образом приходят посидеть и поболтать с приветливым и общительным хозяином. Это гостеприимство повелось с самого начала стройки. Саамы были всем знакомы; словоохотливый Данила Иванович привлекал к себе хорошей и содержательной беседой всех, кто появлялся на Монче. Как-то само собой получилось, что избушка его стала местом, где можно было запросто посидеть и послушать рассказы хозяина и его гостей.

Интересы ребят поглощены жизнью школы, кино, клуба и событиями стройки. Они в курсе дел. Где и как, кто и какую руду будет добывать на Волчьих тундрах, куда и зачем везут диатомитовую глину — все это в высшей степени таинственно и известно только им, ребятам. Выяснилось окончательно, почему так ярко светятся автомобильные фары, — огня-то ведь там нет! Им ясно теперь, что это совсем не чертовы глаза, как они думали раньше, как учили их старухи, а просто карбидные фонари. Мальчишки уже усвоили нехитрую механику установки жучков в пробках электросети. И многое другое стало для них ясно и интересно, о чем еще год тому назад они и подумать не могли. А слушать они любили и сагу о краже оленей десять лет тому назад.

Все мои попытки прямым опросом извлечь из ребят хоть что-нибудь из новейшей тематики остались безуспешными. Порой мне казалось, что я держу в руках какую-то струну, казалось, нажми еще на какое-то чувствительное место — и песня или муштолла родятся...

Однажды вечером

Однажды под вечер Соня и еще кто-то из ребят сидели в моем углу под окошком. Соня принесла свои рисунки к сказкам, а теперь рисовала город Мончегорск. Срисовывать прямо, как это делают художники, она не могла. Выйдя на улицу, она смотрела на город, запоминала его, а затем возвращалась ко мне и по памяти набрасывала виденное. Рисунок был вял и безжизнен. Он ей не нравился. Не нравился он и мне. А вот Монча, нарисованная по памяти, такой, какой она была до постройки города, вдруг сразу удалась. «Взяла да и нарисовалась». Рисунок удался. Я расхвалил его, как мог, и понуждал художницу так же изобразить и новый Монче-

горск: как он строится, куда делись глухари и медведи? Я наводил ее на темы, подсказывал сюжеты... Однако все это выливалось лишь в ставшую докучной беседу «о новой сказке». Ребята недоумевали: чего хочет этот человек? Не раз приходила мне мысль, что я хочу невозможного. Сверяя рисунок, я подвел Соню к окну. Вечер выдался редкостный. Стояли крепкие морозные дни. Весь город, все дома и деревья и сеть проводов обросли густым, пушистым инеем. Невставшее солнце палевым светом заливало город, седой лес и вершину горы.

Город жил вечерней, послеслужебной жизнью. Люди шли по своим делам, за покупками, в столовую. Через стены избушки было слышно, как визгливо скрипят их шаги по морозному снегу.

По площади, видимо на прокатке после ремонта, кружились четыре автомобиля, один вдогонку за другим. Со стороны озера входил в город длинный обоз, груженный досками, ящиками, машинами. Из города тянулась вереница оленьих саней, нагруженных мешками с хлебом, инструментами, ящиками, палатками и машинами. Поодаль от них то и дело сновали автомобили и пыхтел мощный «Сталинец». Изредка из-за леса доносился свисток паровоза. Сегодня рельсы железнодорожной ветки уложили до самого вокзала. Ветку подвели почти к самому городу и поставили избушку для станции.

В морозном воздухе дым от труб медленно и прямо поднимался вверх. Сначала он клубился спиралью, потом ломался под прямым углом: легкая струя воздуха втягивала его в свое вращение. Изгибаясь, дым медленно, многополосой пеленой переваливал через горы в соседнюю долину. А над всем этим — высокое северное небо, прозрачное, словно его нет совсем.

Вошел Левк. Во рту у него кусочек сыру, в руке ломтик потолка.

Я говорю Левку: вот мы с Соней смотрим в окно и сочиняем сказку; помогай!

— Да вот новая сказка — ты к нам приехал за сказками.

— А по-моему, Левк, больше сказки в том, что у тебя во рту кусочек сыру.

— Не подговаривайся: я не ворона, рот не раскрою... На вот, попробуй, не хочешь ли пожевать немножко?

— Как же, — говорю, — не ворона, ты и есть ворона. Смотри, что у вас на Монче делается: настоящий город Ленин-

град вырос, а ты ни сказку, ни песню об этом не сочинил. Расскажи-ка сказку о том, как не было у вас сыру, а теперь есть.

— Какая тут сказка — пошел да купил.

Зажглись огни. На площадь вбежал голубой автобус, новенький, ленинградский. Остановился и загудел во всю мочь, засветил свои фонари и опять куда-то метнулся, уже наполненный пассажирами, по-столичному сияющий огнями.

Говорю ребятам: «Разве не красиво? Разве не сказка? Была Монча, а теперь совсем столица Лапландии. Сочиняйте скорее песню про Мончу-город!»

Тогда Соня не без лукавства проговорила:

По дороге пыль да пыль,
Побежал автомобиль,
Золотые номера!
Завлекают шофера!

Тут вмешался дедушка Данила:

— Не балуй, девка! Такую песню, что тебе надобе, — обратился он ко мне, — и в три года не складывают. А тебе сейчас подай. Песни годами роятся... Великий закон идет по земле. То, чего ты хочешь, обязательно родится, но не теперь, а когда начнут рассказывать о том, как строилась Монча. А ты хочешь, чтобы она видела, смотрела и рассказывала то, что есть сейчас. Но это совсем другие песни — поди записывай разные шутки и прибаутки на месте, где строят. Найдутся парни, сложат и твою песню. Земля трясется... а ты хочешь песню! Погоди, волнение ляжет — начнут рассказывать и распевать о том, как строилась Монча!

Дед, может быть, и прав. Но нельзя же пройти мимо свершающейся легенды, осуществляемой поколением дерзателей, в чем и взрослые саамы, и эти же ребята принимают живое, активное участие. Должны же быть родники этой песни! У нас эти песни уже поют. Будут они и у саамов. Пусть еще под мхами, под камнями, в подсознании эти песни у саамов, где-то в ломоте костей или в удовлетворенном отдыхе после тяжелого труда. Но ведь где-то она уже есть, эта песня?

— Я скажу... — И Левк начал импровизировать. Однако это не была песня — скорее сказка, судя по началу.

Левк говорил быстро и складно; поток слов и образов доставлял ему радость. Он рассказывал о том, как начали исследовать и потом строить Мончу. Но вот он дошел до мо-

мента, когда приступили к строительству палаток для прибывающих рабочих временного городка — так называемого «ситцевого города». Палатки строили во многих местах. Левк хотел рассказать о том, как и где строили палатки. Работа эта своей простотой и быстротой, видимо, произвела на мальчика сильное впечатление. Он хотел передать его словами. Традиционная приверженность саамской муштоллы к точности, лаконичности вдруг превратилась для него в камень преткновения. Обилие палаток запрудило поток импровизации. То, что хотел рассказать Левк, было очень трудно не только для него, но и для опытного сказителя.

Мы условились так: вечером Левк продумает сказку до конца, а завтра мы ее запишем ладом.

...Не знаю, какую работу проделал четырнадцатилетний мальчик у себя дома и в чем ему помогли отец и мать, но на другой день, вечером, его «сказка» была готова. Это было большое событие. Левк сочинил новую сказку! Слушать ее собрались все — и малые, и большие. Саамы пришли из всех саамских туп. Всем хотелось вставить свое слово в сказку про Мончу.

Левк начал. Быстро мелькали в моих руках карандаши, сменяемые один на другой. Один затупится, другой, заранее отточенный, идет ему на смену. Федотке заточка карандашей доставляла истинное наслаждение. Он вовремя совал их мне в руку. Дело шло хорошо, рождалась настоящая муштолла. Но чем дальше, тем чаще мне приходилось ставить значки, обозначающие слово «палатка». Палатки, палатки, палатки... Это походило на испорченный граммофон. Казалось, Левк хотел перечислить решительно все палатки Мончегорска и все места, где они ставились в течение полутора лет. Слушатели не выдержали... Общими усилиями мы задержали лавину палаток. Мы обуздали непокорливость слов, скакавших вокруг злостных палаток. Было внесено несколько поправок. Самые живые словечки внесли, конечно, дети. Ухватившись за них, Левк перемешал все по-своему и довел сказку до конца.

В заключительной части он начал приглашать товарища Кирова приехать к ним в гости, на Мончу. Он приглашал его отведать свежих сижков и оленины. Он хотел еще покатавать товарища Кирова на оленях, на своем лучшем быке Тасько.

То, что сочинил Левк, — не песня и не сказка, это рассказ о том, что Видел своими глазами, что понял саамский мальчик

в событиях, развернувшихся перед ним за последние годы. Я перечитал записанное с начала и до конца. Конечно, это была не сказка и не муштолла. Левк рассказал неписаное школьное сочинение.

Когда рассказ был закончен, мы еще раз перечитали его; дедушка Данила вставил свои слова, а Соня сказала, что кот Васька с камня ловил рыбу, и показала это место на ее рисунке. Я добавил эпизод с лосем. Все согласились, что это вставить нужно.

Вот что было сказано на языке саамов и переведено со слов Левка на русский язык.

Конечно, этот сказ не имеет ценности настоящего фольклорного произведения, но он интересен тем, что прекрасно рисует, как дети, да и взрослые, воспринимали новое строительство на их земле.

Жили старик со старухой. У них были ребята. Жили, жили, старуха умерла. Старик с ребятами пошли на охоту. Пришли с охоты, чай пили и увидали: кто-то через Имадру-озеро едет. Пришли — то были русские. Было их много. Данила-старик чай согрел, варю сготовил, накормил и напоил гостей. Вот ночь проспала, утром встали, и к а й л е с Ферсман и Данила-старик пошли на гору. Пришли на гору. Ферсман-кайлес нашел камень. Он сказал старичку: «Этот камень дорогой. В этом месте будет скоро город». Дедушка тому не верил. Пришли домой, ели-пили и повалились спать. Утром встали, Ферсман-кайлес уезжать стал домой и сказал: «Ну, старик, тут будет ско-

ро большой город» — и уехал.

Муштолла
про Мючегорск

Прошло месяца три, и явилась разведка. Пошли на гору и стали там искать руду и нашли ее. Пришли назад, растянули палатки и стали жить. Потом еще приехала разведка. Пошли на Ньюдвайвенч-гору, растянули палатки и там тоже стали жить. Потом еще пришли люди — стали строить дома. Построили хлебный магазин и лавку построили. Дедушка возил оленями товары и людей. Стали по горам лазить, ходили — и нашли руды много. У дедушки была маленькая черная баня, в которой усталые рабочие люди мылись и парились много; и стояли в очереди. Потом построили большую баню. И мы в ту баню

теперь ходим без очереди. Потом пошли на Сопчугору. Там тоже нашли руду. Стали разбивать палатки, и стали жить, и нашли еще руду. Там стали еще больше искать руду, нашли ее много и стали разбивать палатки еще большие.

А на Монче-губе построили домов много. Куда раньше ходили мы играть оленьими рогами — теперь ходим на ту горку в школу и учимся грамоте. Потом построили большой дом, двухэтажный, каркасный, и стали строить еще дома.

Потом в озере нашли диатом; его стали черпать. Потом привезли большую машину, которую копали диатом. Мы диатом увозили на Иmandру оленьями. А потом стали возить диатом моторами.

Стали строить еще больше домов.

Потом пришел большой бот, и товарищ Киров сказал, что здесь будет еще больше домов, и будет большой город, и сюда придет еще больше этих ботов и пароход. И придет сюда поезд, который будет хо-

дить всегда, каждый день. И Пётра-старик пошел пробивать визирку станция Оленья — Монча-губа. И стали строить железный путь. И вот сегодня мы слышали первый свисток паровоза.

Раньше мы освещались светом камелька, а теперь у каждого горит электричество; раньше мы через Иmandру-озеро плыли лодками, теперь мы через Иmandру-озеро ездим пароходом и ботами; раньше мы через Иmandру-озеро зимою оленьями ездили, а теперь ездим автобусом.

Где раньше мы оленей ловили, теперь мы туда ходим в лавку за продуктами и одеждой, и, где раньше кот Васька рыбу и птичек промышлял, там теперь стоит большой пароход; где были развешаны сети да выгашенные лодки стояли — там теперь мучной склад, а где дедушка диких оленей следил и за ними гонялся, там строится большая фабрика «Североникель» и туда приходит лось и гостит у строителей города¹...

¹ Сказитель Леонтий Александрович Архипов, школьник, 14 лет. Моңчегорск, 6 февраля 1936 года.

Жизнь Даниила Ивановича ¹

Бывальщина «Кочевая жизнь». — Бывальщина «Сменное время». — Кайлес Ферсман. — Сакка о Даниле Ивановиче

Старики любят рассказать о том о сем, а больше всего о минувшей жизни, о том, что видели они на своем веку, что легло в их памяти незабываемо. Бывало, Данила Иванович приходил ко мне в свободные минуты, подсаживался на шкуру, поближе к печурке. Беседы шли не «на карандаш», а «за так». Конечно, все, что оказывалось интересным, потом записывалось, как я это делал с другими сказителями. Однажды мне пришло на мысль объединить в один рассказ эти исповеди жизни — так, как довелось их услышать. Я постарался увязать их в одну сагу вокруг истории с а д к и Даниила Ивановича, то есть места обитания его семьи.

Испокон веку всего было вдоволь в нашем краю. Умей только взять. Однако время точило и нашу землю. Уже при отце сузились с а а м е е д н а (саамские земли) в кулачок. На морских берегах, на исконных лопских озерах и реках поселились другие люди. Тундра беднела: слишком много народу набежало сюда. Обеднела тундра дичью, поредели стада диких оленей, неулбвисты стали озера и реки.

А время-то приспело такое, что ходить в исподней одежде из замши стало вовсе негоже, да и выгоднее было замшу продать, а

ситцу купить. Кремьянки-шомполки (кремневые ружья) устарели и развалились, а новые ружья — нарезные винтовки — дорогие... И опять же на них нужны деньги. Покупать можно было только на деньги. Без денег стало никуда. Беда, да и только. Кругом нужны деньги. Добывать деньги было труднее, чем ловить и выменивать рыбу или пушнину на товары. Тут надо уметь, и крепко надо смекнуть, что к чему и как оно. Не всякий саам мог это сообразить. Чтобы иметь деньги, приходилось идти в батраки. А не хо-

¹ Содержание этой главы излагается применительно к рассказам Даниила Ивановича Архипова (Монча-губа), Захара Яковлева (ст. Пулозеро), Леонтия Кобелева (ст. Пулозеро) и Ильи Семеновича Матрехина (Иоканга). По времени все рассказанное соответствует примерно 60—70-м годам XIX столетия и позднее.

чешь — живи так, как вспоминает сосед, тоже глубокий старик. Он, как сказку

Жили старик и старуха с ребятами. Ребят у них было много. Ходить ребята не могут. А нужда заставляет идти корму добывать. Не пойдешь — дичь уйдет из кегор, рыба из озер уйдет в другие озера и в вершины рек. Надо идти! Тогда делали т а ш к и ¹. Нарезут их, наложат на оленя, концы свяжут под брюхом — и готово. На ташки владут и добро, и детей. На первого оленя — мешок с рыбой, сухой и вяленой: одна рыба, хлеба нету. На второго оленя — быка, самого смиренного, самого мудрого оленя, на одну сторону — в мешке разную кладь, а на другую — зыбку с малым дитем. Котел, чашки, миски, и ковшик, и ложки — все это в мешках — на третьего оленя, а поверх всего — старшенький сынок. И тех оленей друг со другом одною х и г н о й (вязкой) свяжут, и хозяин хигну первого оленя через плечо перекинет, наляжет плечом и потащит всех оленей за собою. Идет и тянет тяжело ходою. А хозяйка за

Бывальщина «Кочевая жизнь»

или песню, сочинил свой рассказ про досельную, старинную жизнь.

концы хигны держится, рядом идет, родимая душа, около самого хозяина рядом. Эко и горе, и счастье было!..

А и сделает погоду... И дождь-от, и снег-от, и ветер... Брр! Сказать-то страх. Ребята мерзнут, режут. Спокою нет душе, спокую нету в тундре, ветры, да мхи, да болота, да гольный камень, да моряна ² тянет по земле — ребята успокоиться никак не могут.

Лес...

В лесу покой. Все вещи снимут. Мать с ребятами возится, хозяин — топор в руки и пошел шести рубить. Нарубит двенадцать шестов, поставит их, обтянут мешковиной — с п а л к а готова! Посредине камня сложат — и очаг готов, огонь разведут. И станет шалаш — отдых человеку и покой.

Потом воды принесут, нарубят рыбу, в котел положат ее и сварят уху. А хлеба-то нет! Муки нет! Чаю нет! Сахару нет и не бывало! Одно мясо на счастье да рыба. А нередко и так:

¹ Вьючные олени седла из прутьев.

² Моряна, морянка — ветер с моря, с севера.

нет дичи — оленьей требушиной питались заместо хлеба, тем и кормились. И день, и ночь, и всю

жизнь так жили, день ото дня.

Так вот и жили, великим трудом. Теперь-то что!

Отец Данилы держался старой, хоть и нищей, но своей, вольной жизни. Так и умер лесовым человеком, кочевником тундры. А Данила Иванович пошел в батраки. Иначе жить было некак... Мыло-то надо купить, чтобы лик умыть!

Тут настало с м е н н о е в р е м я .

Сначала морем пошли пароходы; потом люди стали говорить по проволоке. Один человек, Михайло Федосеевич, даже помер по этой причине.

Вот как дело было. У Федосееча, одного старичка-саама, сломалось ушко от котла. Старик два года искал кусочек проволоки для починки котла. Ходил он и в Колу, и в Кандалуху; видел новые котлы, а кусочка проволоки для починки своего котла не мог найти, не мог достать. Ни у кого не было лишнего кусочка железа, все дорожились им, как золотом. Просил старик людей, чтобы привезли ему кусочек из Архангельска, хорошие деньги давал, но так и не мог добыть кусочка простой, железной проволоки, чтобы починить свой старый котел. Тут прошел слух: «Телеграф ведут!» Когда

Бывальщина
«Сменное время»

старику объяснили, что такое телеграф, он воскликнул:

— Не бывать такому! Врут! Не верьте, люди,— кричал он. — Откуда, — спрашивал он, — возьмут столько железа?! Я не могу разжиться кусочком проволоки, а тут всю нашу землю хотят опутать железом! Пусто! Пустые речи, пустые бредни!

На другой год, как раз в тех местах, где жил старик Федосееч, прокладывали линию. Когда старичок вернулся из своей пустыни на озере и увидел мотки железа на земле и длинную проволоку, натянутую на множество столбов, он сел на пенек и задумался.

— Ох! И много же надо железа, ох и много-о-о!

Сказал так и больше не встал. Вот как помер старик Федосееч! ¹

¹ Записано со слов Данилы Ивановича Архипова. Мончегорск, 1936 год.

Возмужал Данила Иванович маленько и пошел батрачить. По зимам работал он ямщиком на почтовой станции Половинка у богатого саама. Этот человек брал станцию с торгов, держал наемных рабочих. «Меня хозяин любил, что ни месяц, то рубль, и так всю зиму на круг. Маловато, но не обидно: было мне тогда не более четырнадцати-пятнадцати годков». Летом Данила жил и работал на своей Монче, у отца.

На вторую весну случилось небывалое. В весну к отцу Данилы явился незнаемый человек. Потребовал: ведите его в горы! Взаялся Данила, показал ему горы и леса. Во пустых местах человек что-то искал. Набрал полный мешок каменьев и ушел. Ушел! Так ничего и не сказал: зачем был, что искал? На том же веку Данилы Ивановича приходили к нему еще такие же люди. И они взяли камни, ничего не сказали, ушли. Все они были «большой руки» ученые люди. Он помнит фамилии многих из них до сих пор: Рамзай, Кудрявцев, Визе ¹...

На заработках у этих людей Данила Иванович крепче стал знать свое место в жизни. Однако службу не бросал, батрачил. К тридцати годам осмелел, обзавелся новыми сетями, прибавил оленей, женился. На летнем месте, в Монче, построил избушку и баню. Они и сейчас там стоят. Вторую избушку поставил в зимнем месте, на станции Половинка, посреди пути Кандалакша — Кола. Обрадовался, вздумал было своим хозяйством жить, ан нет, глядишь — все концы врозь пошли. Опять запрягся в лямку. Теперь нанялся смотрителем барака для приезжающих. Хватать не хватало, а при своем хозяйстве, был сыт и одет.

Станция Половинка была людным местом. Через нее с юга на север шла большая тяга людей и грузов. В город Колу направлялись по крученики — поморы, подрядившиеся на ловлю морской рыбы к богатым рыбопромышленникам. Они получали часть улова от невода, от яруса и тому подобной снасти. Шли этим путем и чиновные люди, и богомольцы, и калики перехожие. После неудачи со своим хозяйством Данила Иванович (хотя он и не очень-то чтил русскую голь и спесь, что шли через его барак) решил поучиться уму-разуму у этих бойких мужиков, охочих до всякой наживы. Достиг по-русски говорить. Как и всякий чи-

¹ Рамзай, Кудрявцев, Визе — известные геологи, исследователи Кольского полуострова.

новник, мог слово сказать. Понял всю их веру и многому мог научить иного русского.

Данилу Ивановича все уважали. Барак свой он держал в чистоте и порядке, проходящих стрóжил и потачки к пьянству и буйству не давал. Однако опять ушел в ямщики. Летом отважился сам ходить в море и за море.

Тут опять закрутилось другое времечко — старики удивлялись. Дивился и Данила Иванович, несмотря на то что много знал от отца и от людей о старой жизни.

Было раньше: каждый зарабатывал по своему труду и по своей воле; всем хватало рыбы в море, каждый ловил и продавал, как ему нравилось. А теперь пришло: стал человек не сам себе хозяин, а словно в услужении у другого хозяина, словно не себе ловит, а какому-то «банку». Прежде богачи были имениты, они от других именитых людей были поставлены, а теперь, глядишь, свой брат, приказчик купецкий, в именитые люди пробивается. Иной и моря-то не видел: то он в разъездах, то в отлучке, то в Архангельск ходит — «вексель дал», «вексель погасил», «под вексель взял»; за этим «векселем» другое слово маячить стало — «банк». И кто с этими словами на языке живет, будто другой человек: ходит сытый, неработный, все дела разумеет... А мелкота из водки, из цинги, из батраков, из копеечной жизни своей не выходила. Однако, бывало, выбивались и рыбаки в передовые люди, обзаводились и они своими ботами, а все равно над ними хозяин уже есть.

С тех пор, как слова «вексель» и «банк» появились на Мурмане, жизнь началась какая-то «неуспеваемая». Того и гляди — тут не успеешь, там прозеваешь. Данила Иванович уже не батрачил. Хватался за разные работы поденно. К тому же что ни день, то все новые новости.

Телеграф провели по всему берегу. Тут губернатор поперек земли пешком прошел (с чего бы это?). Потом пароходы опять вокруг саамской земли стали кружить. А тут министры поехали, и все снимают, снимают на аппараты, так и до сих пор снимают все, кто сюда приезжают.

Потом слух прошел: кто-то верхом на людях проехал. Старики решили: не к добру все это. Бабы зашептали: «Антихрист проехал!» И действительно, немного времени прошло, саамов стали брать в солдаты. На японскую войну погнало. Не успели отоспаться — опять война. Теперь железную дорогу начали строить. Народу пригнали разного видимо-невидимо. Тут и белые поспели. Что надо им? Против них,

против всех, Ванька Красный собрал немалую силу и начал выгонять их из деревень.

Пришла Красная Армия и сразу принесла людям покой. Вернулись свои. Сын вернулся... А глаза, то у него — да и не только у него, у всех, кто вернулся, — глаза такие, как у машинистов бывают... Смотрят словно бы дальше тебя. Новые люди пришли... Быстрые, крутые... Ты ему начал говорить, а уж он понял, о чем ты хочешь сказать, уже делает то, что понял, и тебя же учит. Не успевал привыкать к этим людям, не поспевал Данила за новыми людьми... Слова от них новые, непонятные; всякое дело решали — как из винтовки палили. На собраниях крик и шум, великий разговор, словно на весь мир дело решают, а не мне, старику, отводят клочок земли под сарай для оленухи с к е р е ж к о й. Чудно! Время пожаром горело. От простого домашнего слова по всему хозяйственному устройству — как от спички огонь. Велел сыну сходить за оленем, присмотреть, хватает ли скотине корму, хорошо ли стоит. А он в крик. Ему, видишь ли, надо протокол списать. У соседа сын поехал жениться на Марье, а привез жену Дарью. На ближней тоне вдовица выдала замуж внучку. А та в ту же ночь от мужа на побег да к мамке в кровать прыг, а парень себе нож в сердце торк... Эта вдовица не простая баба была, она много знала, что и как в жизни бывает, з н а т к á я была старушка и немножко колдунья. Она так сказала:

— Мурманской веры эти люди, антихристовы дети! Их дела — эта жизнь. Давно ли один верхом на людях проехал, а теперь все нехристи здесь, все сюда собрались — вот причина, а ты говоришь — «переделка»! Это миру конец — то знай!

Старик промолчал. И он слышал про антихриста. А все-таки ходил на собрания, и на митинги, и в сельсовет, и в паровозное депо. Слушал «большой руки» приезжих людей, слушал и своего сына. Он слушал и старался понять. Решил:

— Баба врет!

Принял веру сына, понял эту веру: о себе говорят, хотят жить одним разумом, единой рукой, общим котлом, хотят одною радостью жить. Об этом кричат на весь мир, всем людям всего мира этой же жизни хотят. А хлеба-то нету! Соли-то нету! Вот где беда!

От своих дедов слышал он, говорили им прадеды о такой же жизни в старину. Никто не помнил, когда это было и где, но старики твердо знали — было.

Данила часто думал: почему теперь люди так не живут? По хорошей старине, в справедливости. От приезжих он понял еще: чтобы новая жизнь была такою, как ее хотят, надо устроить ее, как в паровозном депо работу. Надо, чтобы дело спорилось не за страх, а за большую общую совесть.

Вдовица сказала:

— Не бывать такому! Откуда у людей найдется эстольки совести? Не бывало и не будет!

Данила тогда же впервые сказал:

— Великий закон ходит по земле.— И пожалел, что стар: восьмой десяток уже скрипел в костях.

Уложили железную дорогу, починили, утрясли полотно, пустили паровозы. Правильно и спокойно пошли поезда. Пришло успокоение люду. Принялись за работу, за труд, за починку жизни.

Тут приехал к Даниле Ивановичу небывалый человек, «открытой души человек» — к а й л е с Ферсман; так звали его внуки Данилы Ивановича, а попросту это был академик Александр Евгеньевич Ферсман*.

Этот Ферсман — чудодей человек! Данила Иванович может говорить о нем без конца.

Пришел уже немолодой человек, а глаза такие веселые, что Данила Иванович сам помолодел на двадцать лет. Спросил о том о сем, пошли в горы. Взял

Кайлес Ферсман

Александр Евгеньевич пустой камень, посмотрел, колупнул, поцарапал, даже языком лизнул. Разбил камень напополам... Одну половинку подбросил в воздух, подставил этому легучему камню свою сумку. Упал один камень в сумку, а другая половинка упала на землю. Теперь на том месте рудник...

Сказал:

— Старик! Тут тебе большой город будет...

Не поверил Данила Иванович: пустое место — пустые речи. А сбилось же! Вырос город! Тысячи людей живут и в гости ходят! И его внучек ему сказку рассказывает об академике Ферсмане.

Подумать по-старому — этому Ферсману к этому камню от веков путь проложен.

Года через три-четыре улеглась строительная горячка. Жизнь советского города начала находить свое мончегорское

русло. Кое-кто уехал, кое-кто приехал на готовое. Завод уже работал.

В домике Данилы Ивановича стало пустовато. Бывали гости, но реже: все сидели по домам, в новых городских квартирах. Сын Данилы Ивановича уехал на новую службу и забрал с собой всю семью. В доме стало пусто.

Вот как рассказывает саамская сага, посвященная памяти такого же старика, как и Данила Иванович, о том, что произошло дальше.

Овдовел Данила Иванович. Досельный это был лопарь и знаменитый старик: его и в Москве, и в Ленинграде знавали. Он у Ферсмана в проводника ходил! Жил он в Мончегубе — теперь это Мончегорск называется. Очень горевал Данила Иванович о покойной хозяйке своей, семь лет не женился.

А однажды говорит он соседу Павлу Васильевичу (тоже знатный был лопин! Это он визирки вел, когда Мурманскую железную дорогу строили):

— Павел, а ведь я удумал жениться!

— Ну что ж, Данила Иванович, в добрый путь.— И спрашивает у него: — А на ком же ты, Данила Иванович, надумал жениться?

— Нравится мне Дарья Ивановна из Пулуозера! Что скажешь, Павел Васильевич?

Павел ему отвечает, что Дарья, верно, хороша, при-

Сакка о Даниле Ивановиче

метная женщина, а уж хозяйки лучше не сыщешь! Грех не посватать.

— А Филька?

— А что Филька?

— Филька будет там?

— Росомахины Ноги?

— Росомахины Ноги!

— Пусто говоришь! Не поминают про Фильку-то.

И согласился Павел Васильевич быть сватом у Данилы Ивановича.

А за печкой-то на те поры грелась нищенка, хворушка, так, неприметная душа между людей. Жила она и тут и там. Привечивали ее для ради убожества ее. В те дни она у Данилы Ивановича ютилась. Выглянула она из-за печки и говорит, будто сама с собою:

— Добро, как Филька-то помрет, а бывает, кто знает, может и так быть, что Дарья-то попереди моего Фильки уляжется. Какотакó говорить, будто Фильки нет? Надо вызнать! —

Собралась и ушла из Данилова дома.

Данила остоялся да и спохватился.

— Филька-то есть, может быть?

— А кто знает?

Павел смотрит на Данилу, Данила на Павла, не понимают: есть он, Филька этот, или нет его!

— Не упомяну!

— Да был ли он, Филька-то? Ведь от него, скажут, о прошлом годе клок волос остался да его росомахины ноги валялись, а самого так и записали — «в нетях».

— Ладно, Данила Иванович, я узнаю, есть ли он, Филька. Ну а Дарью сосватаю.

Про этот разговор узнала Анна Васильевна. Она двоюродной сестрой приходилась этому Фильке Росомахины Ноги. Анна всегда, бывало, чуть оказия — сейчас и передает привет Дарье, жене Фильки.

На этот раз она послала

гостинец через Федосью, свояченицу.

Вот и приехала Федосья в гости к Дарье. Все свои дела сказала, а потом, помешкав да приметив, что Филька-то в нетях, и говорит она Дарье шепотком:

— Анна наказала передать: Данила из Мончи велел соседу Павлу за тебя свататься. Павел Васильевич к тебе сватом едет. Мужики знатные, жених завидный, не смотри, что старик!

Дарья в сердцах ей отвечает, будто у ней думка такая и раньше на уме была:

— Скажи Анне, я так далеко замуж не пойду.

Тут Федосья Дарью толк в бок.

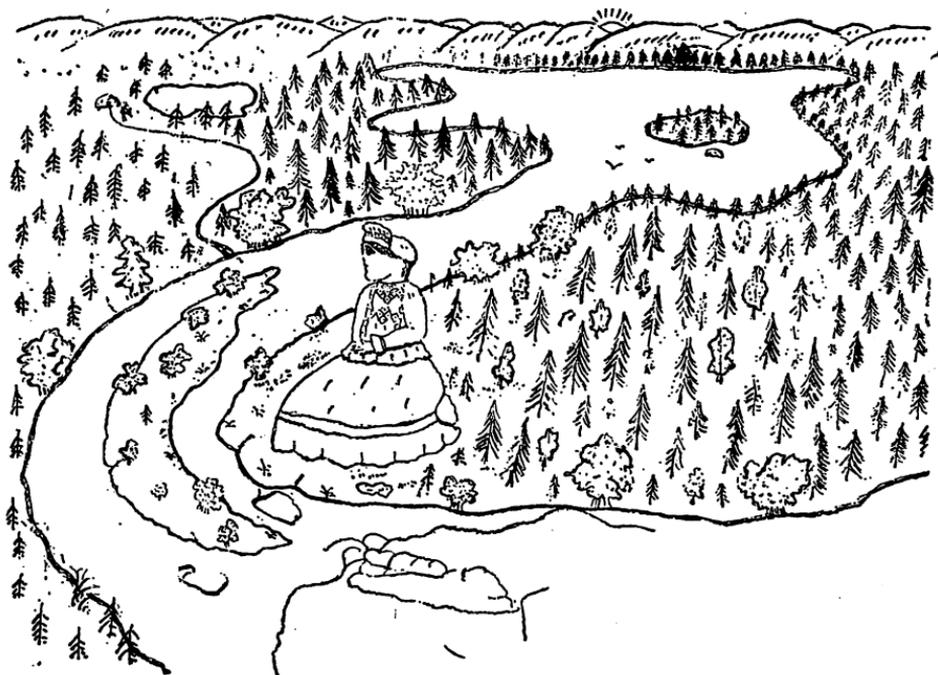
— Филька-то есть ли?

— Ахти мне! Филька-то, есть он, он муж мне!

А неприметная душа, хворушка та, она уже тут за печкой грелась, выглянула:

— Филька-то есть, тут он, со мной...

Данила Иванович умер накануне войны.

Килопы. 1928—1929 годы

На запад, к мотовским лопарям

Чакли.— Свирепая морянка

Лето кончилось. Наступила золотая осень. В институтах все только и говорят о завершенных работах и о новых идеях и наблюдениях, возникших в поле, в экспедициях. А мне надо собираться в поход. Я должен ехать на север, в Мурманские края, к саамам, на их осенне-зимние кочевки. Только что законченная работа о номадизме народа саами породила ряд новых мыслей и вопросов, которые необходимо проверить на месте. В результате появилось твердое решение: ехать к мотовским лопарям; домой — не ранее Нового года.

Однако имелась опасность: ввиду позднего времени руководство экспедицией в последний момент может настоять на своем варианте, а именно — провести регистрацию типов самских жилищ на озере Имандра. Кроме того, оно хотело бы, воспользовавшись золотой осенью, не только сфотографиро-

вать определенные места и здания, но и поручить опытному художнику зарисовать их, пользуясь указаниями этнографа. Командировка к мотовским лопарям была сопряжена с риском: легко заболеть, получить ранение на каком-нибудь ухабе. Поди потом вывози больного человека!

Мне удалось настоять, чтобы в командировочном удостоверении были указаны маршруты и на Имандру, и в Мотку, и в губу Западная Лица, где имелись стойбища кочевых саамов.

Казалось бы, все хорошо, можно быть спокойным. Но, как всегда бывает после сборов в долгую поездку, все еще мерещится, что где-то что-то недоделано, забыто, не куплено, недосказано, не увязано...

Наконец 15 сентября снаряжение окончательно уложено и запаковано. Неувязанное увязалось, все вещи в сборе — чемодан, саквояж, рюкзак, тюки с зимней одеждой, трубка с запасом бумаги и с картами, огромный фотоаппарат размером 13x18 и увесистая к нему тренога. Извозчик стоит у ворот. Все вещи уже в пролетке.

Втиснувшись в уголок, оставшийся свободным от снаряжения, уселся наконец в пролетку. В одном кармане — пачка папирос для курения в вагоне, в другом — трубка-носогрейка с резиновым кисетом, туго набитым любимой махоркой «Новосибирская-2», — это для курения в тундре.

Теперь можно было окончательно сказать себе: «Все! Готов!» В былые времена в таких случаях отъезжающего окружали друзья и знакомые, все садились помолчать минуты две, или открывалась пальба из шомпольных ружей, поднимали бокалы с шампанским... Нынче некогда. Друзья уже ожидают на вокзале.

Угостив извозчика папироской, которая тут же была упрятана им в шапку, я закурил... Впрочем, надо говорить точнее: возобновил курение, прерванное еще в прошлом году. Таков уж мой неписанный «закон»: раз этнограф поехал в тундру — кури. Ведь бывает же в дороге: надо угостить собеседника, завязать разговор с интересным встречным, сказать «спасибо» и вручить папиросу за какую-нибудь маленькую услугу.

Извозчик чмокнул, хлестнул свою «прыткошественную» лошадку кнутом, и она зацокала подковами по булыжной мостовой: Шестая линия Васильевского Острова, мост Лейтенанта Шмидта, Проспект 25 Октября — так тогда назывался Невский проспект. Не верится, но это так: еду, все препоны,

все геркулесовы столпы бухгалтерии сломлены, и я еду, несомненно, еду на вокзал, прямо к скорому поезду на Мурманск.

За минуту до его отправления друзья подхватывают вещи, они торопят, бранятся, волнуются, успеют ли втиснуть меня в вагон, они возмущены моим почти опозданием. Тем не менее еще одна минутка нашлась для оправданий. Ну что поделаешь, извозчик не шофер, он всего лишь хозяин своего Савраски. Мы тащились добросовестно, но лошадка-то была ниже средней упитанности, и никто не в силах был переключить ее на первую скорость.

Свисток паровоза. Рукопожатия и поцелуи, взметнулись платочки, пожелания... И через полтора суток, в шестнадцать тридцать, я в Мурманске.

Хожу по городу, поджидаю художника, навожу справки о пароходе в Мотку и Западную Лицу. Рейсовый пароход ушел накануне моего приезда. Неизвестно, пойдет ли он после возвращения обратно в Мотку или станет на прикол; говорят, пойдет в док, на ремонт. Это вернее всего.

Надо не терять времени, надо искать попутные боты или карбасы местных рыбаков. С этой целью я обошел, кажется, все адреса квартир, где останавливаются поморы, когда приезжают в город. Начал с Дома колхозника, где сам остановился.

Город все еще такой же, как и в прошлом году. Названий улиц сколько угодно, а самих улиц, то есть вполне застроенных, еще нет. Правда, прибавилось много двухэтажных домов, они уже наметили будущие улицы; ясно проступает проспект Ленина. В центре будущего города, рядом с площадью, выросло массивное здание универмага. Среди стандартных домов из дерева это первое каменное сооружение. Оно производит впечатление башни. К западу от универмага расположились двухэтажные дома губисполкома, земельного управления. Словно по мановению руки, базар перелетел куда-то на гору, а на его старом месте осталась толкучка: тут ютятся ветошники, мальчишки, продающие рыбу своего улова. Несколько юношей уже производят съемку участка, бывшего под рынком.

Получил директивное письмо: руководство моей экспедиции предлагает встретить художника и с ним вместе производить зарисовки на озере Имандра. А художник-то, оказыва-

ется, не «он», а «она» — вдова известного академика живописи. Я ее видел не раз в стенах Русского музея. Изысканная женщина лет сорока — пятидесяти, тоненькая, обутая в какие-то сетчатые туфельки. Не в них ли она приедет сюда живописать нашу хмурую Имандру в уборах золотой осени?

Вот уже который день посылаю телеграммы по одному и тому же адресу в Ленинград и на каждую получаю аккуратный ответ: «Выезжаю».

Стоит ясная, солнечная погода, тянет упорный ветер, студеный и пронизывающий. В одном кожаном пальто холодно, в меховой тужурке рано, а в свитере жарко. Время уходит в походах на базары в надежде встретить попутчиков — поморов или саамов. Здесь, рядом с базаром, находится музей Мурманского общества краеведения. В те времена это был маленький деревянный домик, изба-пятистенник. В двух комнатах размещались начатки тех богатейших коллекций Мурманского краеведческого музея, которыми он гордится в наши дни. Налево коллекция по этнографии и истории; тут и мои коллекции, собранные в прошлом, 1927 году. Направо коллекции по геологии, ботанике и зоологии, банки с рыбами, а также несколько чучел пушных зверей. В музее всегда кто-нибудь есть, хоть один посетитель. В этом же домике происходят заседания Общества краеведения; ежедневно один из членов Общества несет дежурство. В любое время о любой местности Мурманской области здесь можно получить справку.

Письмо руководства выбило меня из колеи, из моей рабочей настроенности на углубленное изучение кочевков саамов. Убеждение в своевременности и необходимости этой работы было твердое. Я знал, что саамы Мотовского погоста до сих пор совершают кочевки, переезжая с места на место по три, по четыре, по пять и даже по девять раз в году. Почему? В чем дело? Сами о себе они говорят: «Мы кочевники», «Мы кочевой народ». Значит, у них есть какой-то свой особый взгляд на себя, у них есть свое мировоззрение кочевника. Я хотел лично, сам принять участие в их осенних кочевках, в их рыболовных работах, а главное, самому поработать пастухом в стаде оленей. Это помогло бы мне точнее уяснить причины кочевания. На станoviцах мотовских саамов для подобного изучения были все возможности; именно здесь, мне казалось, удастся вжиться в оленеводческий быт, в труд, в номадизм саамов. А еще я надеялся в кругу их семейной жизни освоиться с их фольклором, записать те интересные

сказания, о которых я так много слышал и которые не так-то легко давались в руки.

Чтобы разрешить свои сомнения, я пошел к В. К. Алымову. За чашкой чаю изложил ему положение дел. Василий Кондратьевич одобрил мой маршрут. Реализация его была в интересах будущего Комитета Севера и его уполномоченного, губземуправления, губстатбюро и Общества краеведения. Этот вариант был полезен потому, что проблема номадизма была одной из самых неясных в этнографии саамов, а она была связана с другой проблемой — проблемой перехода кочевых народов на оседлость. Об этом в те годы много говорилось и писалось. Через три-четыре года предстояло большое мероприятие всесоюзного значения — районирование Севера, землеустройство северных кочевых народов, в том числе и территории Кольского полуострова.

Мы договорились, что в случае моего решения ехать к мотовским лопарям музей краеведения позаботится о художнике; а перед руководством экспедиции В. К. Алымов обещал замолвить за меня словечко.

На базарах я ищу лопарей из Лицы, из Мотки, из Титовки, но тщетно. Расспрашиваю, нет ли рыбацкого суденышка из западных становищ; рыбаки могли бы прихватить меня и закинуть в Лицу, к председателю сельсовета Сидору Савельевичу, к которому у меня письмо из Ленинграда.

Однажды на базаре мне показали на двух людей. Они были очень похожи на саамов, а еще больше смахивали на особые создания саамского фольклора, которых называют ч а к л и.

— Вот,— сказали мне,— эти двое из Мотки... Они и есть саамы.

— Едете в Лицу или в Мотку? — спросил я напрямик.

Оба человека сделали непроницаемые глаза и дружно замотали головами в знак отрицания. Они-таки в самом деле похожи на ч а к л и, на эти крошечные создания с мешочками золота за спиной, которыми фантазия саамов населила леса, горы и ущелья Лапландии. Чакли — подземные жители. Их образ жизни такой же, как у саамов: они занимаются оленеводством, рыбной ловлей, ходят на охоту. Разговаривают они чудно. Что им скажут или спросят, они теми же словами, только в обратном порядке, вам ответят. Они все время хихикают. Добра от них не жди. Любят заманить человека и удушить его где-нибудь в каменной

расщелине. Впрочем, от них легко откупиться. Брось им монетку, хоть копейку, им все равно, и ты останешься жить.

Мои новые знакомые, конечно, не саамы... Один из них в пьесах финского покроя^{*}, другой — в бахилах¹. А саамы в городе появляются в т о б у р к а ж² или в обыкновенных ботинках с галошами. Кроме того, саам подпоясан широким кушаком с бронзовыми бляхами, а на особой цепочке подвешен массивный нож в самодельных ножнах. Это обязательно. Мои же чакли не были подпоясаны; простые ножи с пестрыми ручками виднелись у них из-под пиджаков.

На другой день они опять попались на глаза. Тогда, не спрашивая, куда они едут, я прямо сказал, чтобы они меня довели до Лицы. Они запросили вдвое против нормы — я согласился, с тем, однако, условием, что кормиться мы будем их харчем «уместно», то есть совместно.

Одного звали Кекко, другого — Микко. Они закупали на базаре продукты не только для себя, но чуть ли не для всего поселка. Таков у них обычай.

Когда, уже на третий день нашего знакомства, я подошел к ним и начал разговор вопросом, саамы ли они, Микко и Кекко, как настоящие чакли, начали повторять мой вопрос и хихикать. Повторят за мной вопрос, друг на друга посмотрят и опять на мой вопрос отвечают вопросом. Наконец они поняли, что мне нужно в их краях и что мне нужно от саамов. Сразу и от того, и от другого я услышал: «Мокку, мокку». Я усомнился, услышав «Мокку, мокку»: нет, это не саамы, саамы так не говорят. Тут что-то не то. При этом оба чакли встали так, чтобы я не видел их мешков. Они взяли мой адрес и велели ждать их к себе дня через два, никуда из дому не уходить.

Время идет. Я отправляю вдове телеграммы и получаю от нее известие: «Выехала», а сам тем временем подыскиваю другие оказии в Лицу, подешевле и понадежнее.

Через два дня в мой номер в Доме колхозника одновременно явились... вдова академика и оба чакли. Надо было видеть их негодование, когда они убедились, что и эту женщину на острых каблуках, в ее тоненьких туфельках, сплетенных из каких-то узеньких черных и белых ремешков, они тоже должны будут взять с собой на свой «пароход».

¹ Бахилы — кожаная обувь русских поморов, шитая из коровьей кожи.

² Тобурки — обувь саамов; головки из тюленьей кожи, сильно просмоленной, непромокаемы, голяшки из оленьей замши грубой выделки,

Без лишних слов они повернулись ко мне спиной и направились к выходу. Я догнал их уже в коридоре и убедил обождать десять минут.

Художницу удалось уговорить отказаться от поездки в дальние края. Ее сразило сравнение обуви чакли с ее прозрачными туфельками, годными разве только для вечерних прогулок в будущем парке культуры и отдыха, что запланирован левее универмага.

Связав художницу по телефону с В. К. Алымовым, дав ей советы и указания, где можно найти наиболее обильный материал научного значения и самые живописные места на озере Имандра, я наконец вздохнул свободно: руки мои развязаны.

Художнице дали пристанище в музее, она была довольна такой свободой действий и скоро уехала на станцию Пулозеро. Там она купила себе саамские каньги и с гордостью ходила в них полтора месяца, ни разу не промочив ноги.

Чакли подхватили мои вещи, и мы тронулись в путь, в порт, на пассажирскую пристань, на досмотр.

Кекко и Микко открыли свои фанерные сундучки, вытряхнули заплечные мешки — все это было полно разного рода консервными банками: перец, баклажаны, разных засолов селедки, но ни одной бутылки с водкой. Я даже вздохнул от умиления.

Становилось холодно, потянула морянка, с севера небо тревожно чернело. А с юга все еще обогревало нас и палубу суденьшка, по которому, суется, сновали туда и сюда мои капитаны.

Наконец отшвартовались. Подняли якорь. Застучал мотор. Каково же было мое удивление, когда мы направились не на середину залива, а пристали к другому боту, тому, что стоял посреди судов рыбтреста. Я остался один, а Микко и Кекко уехали.

— Надо попроситься с товарищами, — сказали они.

Прощаться не торопились. Я успел полюбоваться берегами Кольского залива, потом забрался в кубрик, растопил печурку, даже вздремнул в тепле, когда услышал стук весел и скрип борта о борт. Выглянул из кубрика. Солнце уже клонилось на вторую половину дня. Чакли лихорадочно бросали в трюм один мешок за другим. Мешки были до отказа набиты бутылками с водкой и безбожно звенели. Грюкнул последний мешок. Мотор фыркнул, и ботик, разворачиваясь, начал выходить на курс, на самую середину залива.

— Кооперативу везем,— сказал Кекко и даже попытался всунуть мне в руку какую-то накладную, которую я не стал читать. Осмотревшись внимательно, я понял, что охрана не могла видеть операций Кекко и Микко. Эта водка явно шла куда-то в тундру, то есть для спаивания саамов,— так решил я. По возвращении необходимо будет поставить об этом в известность будущего уполномоченного Комитета Севера В. К. Алымова. Он со дня на день ждал своего утверждения в этой должности.

Поставили парус и под стук мотора, с выхлопами газа, колечками вырывавшегося из трубы, двинулись вдоль по Кольскому заливу на север.

С солнечной стороны налетел какой-то косой, убегающий ветер. Солнце низкими лучами освещало ставшие золотистыми склоны левого берега и горный массив Зеленого мыса.

А с севера нависла и стояла грузная туча, черная и зловещая. Темные массы облаков нередко гнездятся на северной, морской стороне. Но такой густой и мрачной громады я еще не видывал. В ее чреве что-то клубилось и клокотало, однако без молний и без грома. Казалось, там, в небе, творилось что-то грозное: край тучи вот-вот опустится и поглотит всю эту сияющую прелесть природы, освещенной солнцем на склоне дня.

Это была не грозная туча, но какое-то несущееся месиво облаков, грузных влагою. Эту громаду ветры сивер и полуночник переместили на нас из Арктики. Сейчас совершится что-то необычное, невиданное¹.

А наш кораблик стучал себе и стучал своим мотором. Он, не робея, надвигался на тучу. Колечки газов и пара играючи вылетали сизыми, в лучах солнца они становились палевыми, потом прозрачным коричневым дымком стелились по воде, закрывая горизонт, силуэты зданий и контуры города.

Нам навстречу набегали белопенные волны с крутыми барашками. Но с севера уже наступали свинцово-тяжелые волны, гребешки их казались серыми от злости. Стоя на корме суденьшка, я любовался картиной города, освещенного предвечерним солнцем, я прощался с Ленинградом, Мурманском, с В. К. Алымовым и с его семьей, с музеями, со вдовой-художницей. От всего сердца мне хотелось ей успеха

¹ Моряны очень часты за полярным кругом, но такую грандиозную я видел впервые.

в ее зарисовках. Я был уверен, что она их исполнит гораздо лучше одна, без всякого наперсничества.

Когда же я обернулся, чтобы посмотреть вперед, то даже смутился, столь грозною мне показалась моряна, нависшая над Зеленым мысом, над нашим суденьшком.

Откуда-то на палубе появился маленький, вертлявый пес Керка на трех ногах. Он хозяйственно обнюхал мои сапоги, заглянул мне в глаза, потянулся и лег тут же, у ног.

Микко стоял за рулем, Кекко прибирал палубу. Не успели мы выйти на траверс Зеленого мыса, как вся масса тяжелой тучи перевалила нагорье мыса и уже налетала, уже валилась на нас мятущейся массой густого снега. Огромные хлопья его заполнили воздух. На лету они слипались друг с другом и, словно кораблики, плыли по воздуху, потом ложились на воду, садились на палубу, на снасти, на паруса, нарастая на них шапками. Я тщетно их сбивал. Было трудно дышать. Снег валил валом. Полосы белых холстов его стлались на побуревшую воду; вот уже лапы рыхлого снега хлопьями повисли на всех снастях бота. Очень быстро запырило всю палубу, потом снег покрыл ее густым слоем, отяжелил парус, который повис, отягченный мокрым грузом.

Вода в заливе загустела и превратилась в какую-то белесую кашу.

Снег шел уже так густо, что с кормы не видна была ни мачта, ни носовая часть суденьшка. Винт работал в густом месиве воды и снега, давал перебои, его работа стопорилась. Собака давно уже забралась в кубрик и спала на моей койке.

Мы все трое вооружились баграми и шестами. Упираясь ими в дно у самого берега, мы медленно, очень медленно подвигались вперед. С трудом добрались до села Полярного, миновали Олений остров и наконец вошли в Сайда-губу. Здесь окончательно встали. Вода загустела. О дальнейшем движении нечего было и думать.

Капитаны выбросили якорь, свернули парус, прибрали палубу и спустились ко мне в кубрик, задраив его крышкой.

Моментально загудела железная печурка размером с наперсток. На ней оказался котелок с треской. Пока рыба варилась, нарезали хлеба, насыпали на стол крупной рыбацкой соли. Микко достал жестяную посуду, а Кекко — странного вида сулею. У нас на Руси такую посудину не встретишь. В сулее оказался настоящий норвежский ром. Я никогда не увлекался спиртными напитками, но в этом случае не отказался от угощения. Ром был крепок, вкусен и душист.

После обеда капитаны объявили о перемене квартиры: «Обедали дома, а чай будем пить в гостях». Они забрали все мои вещи, часть своих вещей, и мы перебрались на берег. Собачка осталась одна.

Снег валил еще пуще, бушевала настоящая свирепая пурга.

Мы ввалились в какой-то домик, сплошь засыпанный снегом. Мы сами тоже были белые от запорошившего нас снега. Это была семья знакомца и друга Микко и Кекко. Они только что отобедали. Хозяйки подавали чайную посуду. К столу усадили и нас.

Зажгли керосиновую лампу, а между тем еще не было трех часов.

День кончился.

Только на третьи сутки утром прекратился этот бурный снегопад. Я сходил на биологическую станцию.

Хозяин дома уговаривал меня вернуться в Мурманск. Он пророчил непогоду, сулил пургу и метели, говорил, что придется мне отсиживаться в стойбищах, напрасно теряя время. Он доказывал, что не всякая оказия возьмет на себя ответ за казенного человека. Кому охота заходить в глухое стойбище — Западную Лицу? Ударит шторм, унесет судно в море, что удивительного? Однако я не сдавался. В полдень по легкому морозцу мы вышли в море.

Типун на язык нашему хозяину из Сайда-губы: к ночи опять разыгралась пурга! Опять пришлось отсиживаться в какой-то бухте. Через день, однако, «добежали» до крупного становища с мрачными обрывистыми берегами. Здесь мои капитаны пересадили меня на большой бот, уходивший на полуостров Рыбачий. Хозяин его обещал моим капитанам «выбросить» меня в Лицкой губе, если позволит погода.

Новый бот, крупный и широкобокий, был очень поместителен: он рассчитан на длительные поездки в море. Его хозяева — рослые блондины, настоящие поморы; их голубые глаза, глаза смелых, отважных моряков, смотрели на меня как-то весело: вероятно, им был забавен человек, в такую непогоду пробирающийся к саамам за сказками. Это был неразговорчивый, серьезный народ, который делал свое дело молча, согласованно и сосредоточенно. Их было трое братьев, старший ходил за капитана. Он был немножко похож на Фрильофа Нансена.

Очень рано, еще ночью, все трое встали. Погрузились на судно без проволочек и, несмотря на свежий ветер, тронулись

в путь. Как назло, вскоре налетела пурга, закрутила снегом, затуманила берега. Однако хозяин бота вел его уверенно, и через три-четыре часа ходу, уже на утренней заре, бот круто завернул на юг, в бухту Лицкой губы. Ветер налетал шквалами, снег слепил глаза. Младшие братья спустили шлюпку, доставили меня, с моими вещами, на берег и высадили на какие-то камни.

Они-то точно знали эти камушки! А я? А берег где? Где берег, которого я не видел? Под ногами я действительно чувствовал камни; левее был песок, впереди — вода, направо — тоже песок. Шлюпка растаяла в тумане страшного снежного вихря. Со всеми моими вещами я остался на камнях у самой воды, у самых волн. Слышно было, как подняли якорь... Я остался один. Вокруг бело. Смесь воды и снега плескалась у самых ног.

Один, как придорожный столб в тумане! Даже хуже — никаких следов тропы, ни окурка, ни брошенной кости... Была малая вода, то есть отлив. Начнется прилив — меня зальет море со всеми моими чемоданами. Порой в иных местах сквозь снежную сумятицу просматривались контуры берегов.

Перетащив вещи на песок, повыше, куда приливная волна, по моему мнению, не достигнет, я сел. Покурил. Прошелся влево, прошел вправо. Снег на мгновение перестал идти. В облаках проглянул просвет и что-то вроде солнечного луча. В просвете вырисовался дальний берег. Там, километрах в двух или трех, виднелись домики. Однако они стояли далеко. Далеко ли, близко ли, но тропа к ним должна быть. И я пошел по водопоймине, то есть по тому пространству береговой полосы, по которому ходят приливные и отливные волны. Сейчас она была свободна от воды. Скоро стала заметна дорожка. Она вывела меня наверх. Пахло дымом. Есть живые люди! Послышались детские голоса, но жилья я все еще не видел. Вот проступили силуэты домов. Я понял — это жилища саамов. Дома были построены ладно — сравнительно высокие и новые. Из дверей выскочили две девочки и мальчик, пискнули и бросились прочь от дома и от меня. За ними выбежала простоволосая женщина и умчалась туда же, в снег, в непогоду.

Я вошел в сени дома. Дверь была открыта настежь. Удивила странная тишина. У саамов в домах и вежах всегда слышны голоса, разговор, идет жизнь. Вошел в горницу — никого нет, но, взглянув направо, увидел за печкой маленькую женщину, свернувшуюся клубком. Белыми от страха

глазами она смотрела на меня. Казалось, она наблюдала за каждым моим движением, готовая мгновенно убежать... И она исчезла; к счастью, она не кричала, пока бежала среди снега...

Мое саамское приветствие, которое я готов был произнести, повисло в воздухе.

Войдя на два шага дальше, я сел на какой-то чурбашок и задумался. Однако глупое положение. Надо найти людей. Я пошел в ту сторону, куда убежали женщина и дети. Следующий дом был также пуст.

Я к третьему. В тумане снега его стена едва виднелась. Здесь за железной печкой опять увидел женщину. Ей было лет тридцать. Карие глаза на лице блондинки выделялись, как угли. Она смотрела со страхом, но прежде всего с любопытством. Я успел сказать:

— Т и р в я л л а к хозяйке! Можно ли войти дорожному человеку? Обогреться...

Она молча покачала головой. Страх еще стоял в ее глазах. Я сел в красный угол, под божницу. Это был неверный шаг. Гости приглашают сесть в красный угол, но не всякого. Однако мой расчет был здравый: мне надо было доказать, что я не бес, не мертвец и не дьявол, что я бога не боюсь. Женщина слегка выпрямилась, не разгибаясь, протиснулась между стеной и печкой... Как она не обожглась об нее? Метнулась в дверь и убежала прочь.

Ну что делать? Принялся ждать, что будет дальше. Время тянулось долго. В окна начал хлестать дождь со снегом. Рядом стоял еще один дом, вдаль виднелся поселок, который я заметил еще с берега. А вещи-то мокнут! Прилив, быть может, унес уже их в море. Я вышел из дома и направился к соседней тупе.

Никого... Между домами вдаль никакого движения. Видимо, мое появление среди пурги, из снега, на пороге ночи и дня сильно напугало обитателей этих домиков. «Хорошо, что не стреляют», — подумал я. Затем спустился вниз, к морю, и принес все вещи одну за другой к первому домику. Сел тут ожидать, не входя в дом. Что будет?

Никого. Видимо, в домиках находятся одни только женщины, мужчины же ушли «в олени», в тундру.

Захотелось курить. Я набил трубку и вошел в сени дома, чтобы ветер не погасил спичку. Погрел руки у печки, подкинул дров. Трубка раскурилась, и я сел опять на тот же сундук.

...И совершенно не заметил, когда в дверях неслышно появилась женская фигура — но не та крошка, что первая убежала отсюда. Передо мною стояла блондинка, кареглазая и круглолицая, сравнительно рослая, руки она держала под фартуком, а из-под фартука торчала ручка топора.

Дело принимало серьезный оборот. Я один, а там, за спиной, их, вероятно, много.

— Тирв яллак хозяйке!

— Тирв, тирв... А кто ты? Чего тебе надобно здесь?

— А я из Мурманска, из Ленинграда, от Альмова, от Василия Кондратьевича. Может быть, слышали? У вас тут летом был профессор с фотоаппаратом, ну вот, он прислал вам фотографии, а я к вам приехал пожить...

— Торговать будешь? — спросила она строго, но все еще стоя в дверях.

— Нет, торговать я не буду, буду писать ваши сказки.

— Тють тебе... Вовсе пустяковый человек! А напугал нас до смерти — стрелять хотели. Мы думали: откуда к нам явился р а в к ? ! Сам рассуди: посуды не было, а человек из снега явился, ну как же не равк? Устя, Устя, подь сюда, не бойся. — Она высунулась в двери и крикнула кому-то наружу: — Подь, не бойся!

И она поставила топор направо от двери, вошла в тупу, подложила дров. Явилась Устя, бледная, она все еще дрожала мелкой дрожью. На меня она не в силах была смотреть. Прибежала девочка лет тринадцати и трое малышей.

О чем-то они переговорили. Устя осталась здесь. Тогда Окся, так звали круглолицую, обратилась ко мне:

— Как тебе крещёно?

— Владимир,— говорю.

— Пойдем ко мне, Ладымер... Оно хоть зазорно без мужика пускать к себе в дом другого мужика, ну да в домах-то мужчин никого нет.

Окся взяла саквояж, Вылля (Оля, девочка тринадцати лет, ее дочь) — рюкзак, детишки потащили треногу фотоаппарата, которая оказалась больше их самих.

Под мелким дождиком перебрались в дом Окси. Тут было попросторнее и очень чисто; тупа содержалась в порядке. На кровати лежало множество оленьих шкур. При виде их, особенно же полочки с чистой посудой, ощутив тепло большой чугунной печи, я внутренне вздохнул: «Дома...»

Окся была светская женщина. Она поставила самовар, в котелок на печке бросила рыбу, затем села за стол против

меня, взяла вязанье и принялась развлекать гостя. Иначе говоря, ей неудержимо хотелось удовлетворить свое любопытство; от избытка его она сгорала. Вопрос следовал за вопросом. Самый главный: как я приехал? Когда, кто привез? Кто высадил на берег? Ни бота, ни парохода не было слышно, а тут вдруг оказался живой человек.

Иногда она спохватывалась, делала испуганные глаза, даже слишком испуганные, сажала к себе дочку поближе. Настойчиво советовала мне идти ночевать в другой поселок, а я упорно отказывался. Однако все это были зарницы уходящей грозы — все эти испуги, вздохи и осуждения самой себя за то, что в отсутствие мужа она пустила чужого мужчину ночевать к себе в дом. Все это было не более как в своем роде кокетство. Понятно: все мотивы ее самоосуждений я должен запомнить и потом, когда явится муж, рассказать.

Незаметно подобрался вечер. Погода была студеная, под сумрачным небом понизу тянул холодный ветер. Однако дождь и снег прекратились. Я подарил хозяйке, старшей девочке и малышам по брошке. Вся семья уже не пожирала меня глазами, расширенными от удивления. Теперь все внимание их было направлено на подарки. Все вошло в свою колею. Я взял карандаш, тетрадь и принялся за дневник.

На ночь Окся постелила посередине пола две шкуры, я достал свою малицу, забрался в нее с головой и уснул так крепко, как спится только дома, когда все стоит на своем месте.

У МОТОВОК

*Сидор Савельевич.— Ночевка в пути.—
Встреча в тундре.— Вежа Катерины*

I

И вот я у моток о в — мотовских саамов.

«Мотоки тоже люди, люди как люди, и одежда у них та же, что и у всех саамов, и в лице у них никакого отличия нет, те же люди. Всем вышли в людей; их даже похваляют против нашего брата лопина, потому что вино они пить-то пьют, а не по-нашему; не гляди, что живут рядом с Мурманском, они вино пьют в меру, вот что дивно. Однако есть у них досада на нас, саамов. Обутку на ногах мы носим не такую, как они. Ни один саам из других погостов не наденет на

ноги мотовские к а н ь г и! Ни за что! Финны такую их обу-тку называют пьексы, а мотоки по-нашему же — каньги. Мотоки свои каньги делают намного шире ноги. Набьют туда травы (свята травка, с ы й н ь называется), полным полно набьют этой травы и тогда уже суют ногу. Каньги свои мотовский саам примотает у щиколотки к самой кости, туго-натуго, вода в каньгу не пройдет. Сырость только от ног заводится, а снаружи воде доступу нет.

Так и ходят, и дородно, хорошо ходят; удобно, легко ходить. Носок у этих канег сильно загнут кверху. Поэтому ходить по камням в таких каньгах легко и удобно, не спотыкнешься, не упадешь. Каньги их им очень нравятся, они ими гордятся. А для нас их каньги негодны, протрем их в одночасье. Нам наши тюленьи т о б у р к и лучше. Они смоляные, очень хорошие, они не пропустят воду нипочем. Хоть два дня ходи без просушки, ногам все равно легко».

...Весь день ушел на записывание впечатлений отъезда из Мурманска и бушевания пурги. Снегопад продолжается и сегодня. Окся усердно топит печку, потому что домик ее беспощадно продувается насквозь. Дети убежали из дома к соседям. Им кажется страшноватым этот неизвестный человек в черном кожаном пальто. А в зубах-то у него трубка, да не простая, а черная. А зубы-то он вынимает изо рта и кладет под подушку. Эта трубка и эти зубы не предвещали ничего хорошего. Старшая дочка, Вылля, уже не раз подходила к «пушке», что стояла в углу дома. Она не раз колупала ее пальцем: не чугунная ли? Этим же способом трогала этот опасный предмет и мать ее, Окся. Она не только ощупала его пальцами, но и с подозрением спросила: «На какого зверя эта гремяха?»

Домик Окси стоял в пограничном районе. В те времена к организации и оборудованию пограничной охраны только приступали. И вот Окся, жена председателя сельсовета, одного из самых интеллигентных саамов Кольского полуострова, проявляла бдительность. Чтобы успокоить ее, я через некоторое время распаковал мою трубку. Внутри ее оказались карта генерального штаба издания 1872 года, бумага для рисования, запасы писчей бумаги, миллиметровка, акварельные краски. Это все, что я хранил в трубке, обыкновенной трубке их тех, в которых художники, архитекторы и инженеры носят свои чертежи и рисунки. Окся успокоилась. Зато не успокоился ее пятилетний сынишка

Выэтар (Виктор). Когда я вышел на улицу погулять, он ходил за мною по пятам в наряде из оленьих рогов. Он держал их на голове руками и все время угрожающе направлял на меня. Иногда, забыв о его существовании, я вдруг испытывал довольно сильный удар в тыльные части колен: это Выэтар атаковал меня своими рогами.

Окся ожидала хозяина домой дня через два-три. Он уехал на озера и мать оленей. И матери оленей саамы будут заниматься всю осень. Я с любопытством предвкушал знакомство с этим обычаем воочию. После поездки к терским саамам в прошлом, 1927 году я уже был знаком с этим трудоемким хозяйственным мероприятием. Суть его сводилась к тому, что оленей, отпущенных на вольный выпас еще весной, теперь, осенью, ловят в тундре и собирают в стада.хлопот много: надо найти оленей, изловить и собрать их в стадо, разделить это стадо по владельцам. Мне было интересно знать, как это происходит здесь, на западе, где и оленьего меньше, и вся жизнь как-то замкнутее, и Мурманск-то ближе. Я подозревал, что встречу у моточков более архаичные формы хозяйствования. Это подозрение утвердилось, как только я увидел у стен обоих домиков керёжи. Керёжа — это замечательное изобретение народа саами: зимой она заменяет сани, а летом это те же сани для езды по болотам и по горам. Внешне кережа похожа на лодочку, рассчитанную для перевозки одного человека. В ее основание положена как бы лыжа с сильно загнутым вверх носком. К этой лыже, без участия железных гвоздей, пришиты оленьими жилами бортовые доски, по три-четыре с каждой стороны. В задней части находится плоская, дощатая спинка, к которой пришиты бортовые доски. Если над задней половиной кережи, где помещается седок, возведено укрытие от непогоды и мороза, то сооружение это называется балок. Тут же, рядом с кережей, стояли сани. Кережа даже и без балка показалась мне и уютнее и надежнее саней.

К о а д т а, или т у п а (то есть дом), Окси и ее супруга была двухсрубной, в середине с сенями. Мы ютились в левой половине. В правой жил Роман, нечто вроде компаньона. В левой половине дома, довольно просторной, направо от входа стояли дощатые нары на одного-двух человек. Здесь спали хозяин и хозяйка, а под нарами, на полу, ютились маленькие дети. Такого «утепления» я еще не видывал. Оно было нехарактерным. В левом от входа углу находился полт, то есть чистое пространство для хранения посуды,

питьевой воды, чайной посуды, запаса продуктов. Обеденный стол помещался не в красном углу, как обычно, а между окнами. Это было ново. Объяснение простое: хозяин был передовой, современный человек. Над столом керосиновая лампа. В помещении было довольно светло. В углу, где обычны иконы, не заметно никаких признаков культа. Правее красного угла на стене укреплен гвоздиками литографский портрет Ильича.

Железная печка стояла по самой середине дома. Камелька не было. И это было жаль. С камельком, то есть с камином, в доме было бы теплее и уютнее, и воздух свежее. На постели, направо от входа, виднелось несколько детских головок. Они с жадностью поглощают глазами мое малейшее движение. Тут же на постели, вместе с детьми, валяются разные меховые вещи, заметны лопарские п е ч к и, меховая обувь саамского покроя — все в беспорядке.

Дальше на восток все эти одежды давно отжили свой век. Там в моду вошли самоедские малицы, то есть меховые рубахи мехом внутрь, сверху покрываемые рубашкой из хлопчатобумажной ткани.

II

...Уже поздно вечером Окся подала ужин. В особой сулее появилась даже бражка. Дверь открылась, ворвались клубы холодного воздуха, заметались снежинки, в двери упал белый комок снега. Появился весь белый от снега человек. Это приехал Сидор Савельевич, хозяин дома. Окся выскочила из-за стола, утащила мужа обратно в сени, чтобы помочь ему раздеться и отряхнуть с него снег. Через минуту он уже подходил к столу. Это был невысокого роста человек с правильными чертами лица, довольно расплывчатыми; от него исходила приятная ласковость. Красивые усы бравого унтер-офицера красноречиво говорили о том, что за ними ухаживают. Однако в самом Сидоре Савельевиче не было никакой бравости, хотя, несомненно, это был уверенный в себе человек. Судя по тому, как он усаживался за стол, это был очень тихий и скромный хозяин дома. Дети сейчас же его облепили, и он занялся с ними. Хозяйка разливала уху. Я потянулся за хлебом и рукавом зацепил свою рюмку. Она опрокинулась и залила весь стол. Вытирать вино тряпкой нельзя. Надо слить его на пол.

— Это хорошо! Это на счастье... Будем знакомы, это к

добру...— И мы выпили за счастье нашей встречи. Я рассказал Сидору Савельевичу, с какой целью приехал к нему, чего от него ожидаю. Последнюю чашку бражки мы уже пили за счастливую кочевку на первое осеннее место, где ожидает нас Катерина. Вот она-то все знает!

Хозяин Сидор Савельевич Агиев (тут все Агиевы) еще в тундре прослышал, что к нему на квартиру встал неведомый человек, невесть откуда свалившийся. Встревоженный, он поспешил домой. По дороге заехал проведать берлогу медведя, который неделю назад задрал у них в стаде пару оленей. Шкуру убитого медведя он привез с собою. Медведь был огромный, а охотник ростом невеличка. Однако этот крепкий мужичок казался высоким — такое у него было лицо. Лицо умного, очень сдержанного человека, видавшего виды, которому все беды войны были хорошо знакомы, а уж повалить медведя с одного заряда ему ничего не стоило.

С Сидором Савельевичем у нас установилось дружественное общение. Однако я чувствовал: есть что-то, что сдерживает этого корректного человека от полной открытости. Только позднее выяснилось, в чем дело. На другой день он звонил по телефону в Мурманск, к В. К. Алымову. Вот, дескать, приехал такой-то, говорит то-то и то-то. Трудно брать его с собою на озеро. Алымов заверил Сидора, что меня надо взять, что во мне не надо сомневаться. Под вечер у меня с Сидором стало все легко и просто, с Оксей тоже, а вот с маленьким Яком и его сестрой дело шло туго. Тыльные части моих коленок то и дело испытывали удары Яка.

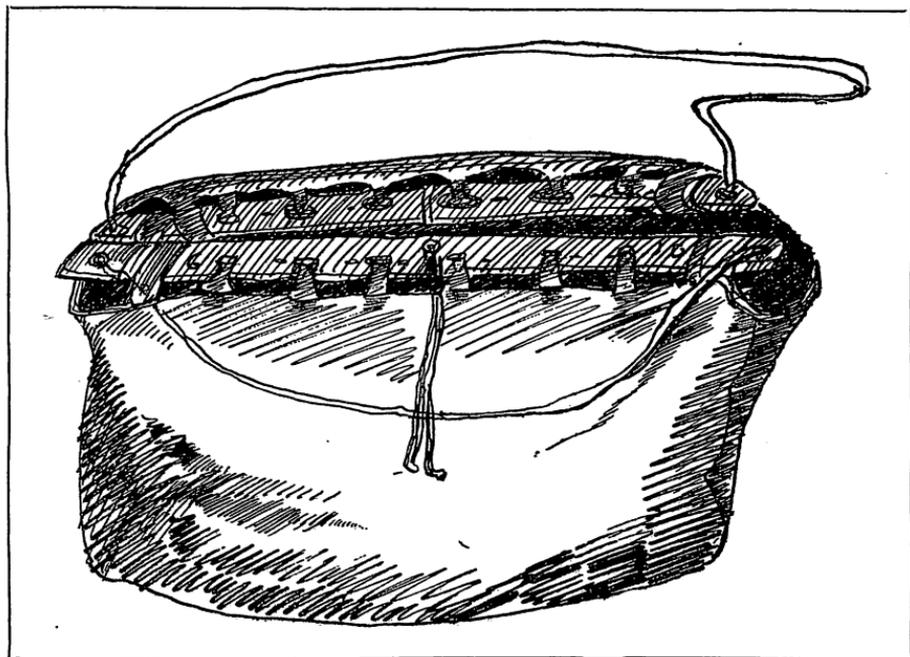
Еще в Мурманске мне говорили о Сидоре как об одном из самых культурных саамов. Он хорошо грамотен, отбывал службу в кавалерии, умеет вести разговор и сказать слово на собраниях сельского общества. Он председатель сельсовета, не раз избирали его на областные съезды.

Отъезд был назначен на послезавтра, если позволит погода. Ехать в пургу с детьми Сидор не решался.

На другой день допоздна чинили сани, проверяли сбрую, тажи. В одиннадцать часов утра следующего дня начали упаковку вещей.

III

Тронулись, вероятно, в час дня. Впереди хозяин на санях, запряженных четырьмя самыми лучшими, самыми выносливыми оленями. За ним хозяйка с малым дитем в люльке.

Ее сани были не простые, но приспособленные для переездов с детьми. В детские сани запряжены самые «мудрые», самые спокойные и смиренные быки. Женские сани были сани-балок, то есть с брезентовым покрытием, защищавшим едущих от ветра и мороза. За балком шли сани детей повзрослее. На санях ехали Вылля и Выэтар. Девочка управляла оленями и держала хорей, а мальчик сидел на самой макушке воза, упакованного прочно, намертво. В этих санях перевозили к *у в а с* со всеми его покрывками из холста и шестнадцатью шестью-цянгами; верхушки их торчали и почти волочились по земле позади саней. За ними следовал Роман с Устей. Они ехали на своем скарбе. К их саням были привязаны запасные олени, на случай выхода из строя какого-нибудь из оленей-работяг. За ними следовала моя кережа, та самая желтая лодочка, которую я заметил еще в первый день приезда. Мой олень был, несомненно, менее мудр, чем олени, запряженные в детские сани. Это было однорогое создание, лишенное второго рога только вчера. Левая половина головы его смотрела немного ввысь и наискосок. Не потому ли мне приходилось удерживать его порывы в правую сторону пути?

Аппарат управления моим косоглазым оленем состоял из одной длинной вожжи, вырезанной из тюленьей шкуры, и очень длинной хворостины. Напрасная длина! Мой мудрец бежал, когда бежали все олени, сворачивал там, где сворачивали все олени, останавливался там, где все стояли, и трогался с места, не спрашивая моего согласия. Надо сознаться, на меня он не обращал ни малейшего внимания. Он добросовестно делал дело, порученное ему хозяином. На мои приемы управления он посматривал косо и делал вид, что совершенно не понимает, чего от него хочет эта чурка с глазами, которая сидит позади, в керее.

По мере того как мы поднимались все выше и выше, тундра теряла свою кустарничковую поросль; все более выступал каменистый ландшафт с озерами, в которых отражались невысокие увалы. Всюду камни и кочки, наросшие над такими же камнями; между ними проглядывают веточки ивняка и березок-малюток. С высоты я оглянулся на пройденный путь: все та же морена, скалистая тундра, запорошенная снегом, из-под которого проступают мох и торф или веточки кустиков. Все те же картины, что и на востоке.

Под вечер начался спуск. Теперь мы ехали по склонам, покрытым сначала крупными кустарниками, а потом и деревьями, которые все еще низки. В ущельях они становились уже лесной порослью, а подчас выступали как настоящий полярный лесок из лиственных деревьев — ольхи, березы, ивы и даже осины.

Уже было совсем темно. Вероятно, наступило часов восемь вечера, когда мы въехали в какой-то овражек. Вдруг передние сани, те, что с детьми, опрокинулись. И опрокинулись так, что мы — Сидор Савельевич, Окся и я — не могли их поднять и поставить прямо: они застряли левым полозом между двумя камнями и деревом. Левого оленя придавило, он не смог подняться. Сидор Савельевич тщетно пытался вытянуть его из-под саней. Казалось, олень должен встать, а он лежал, словно ленивец. Хозяин долго бился над ним. Ничего не помогало. Я всмотрелся внимательнее в положение оленя и увидел, что его задняя нога как-то затейливо притянута к полозу тяжем саней. Мы развязали тяж, и олень вскочил. Этот маленький эпизод произвел большое впечатление на Сидора и Оксю. Он создал мне какой-то авторитет на всю дальнейшую поездку в эту осень.

Пришлось распрягать оленей, а сани вызволять из щели с помощью в а г — специально срубленных шестов. Наконец вывернули сани и поставили их на правильный путь.

Было уже не менее девяти-десяти часов вечера. Продолжать движение, чтобы в двенадцатом часу ночи ввалиться в вежу Катерины и разбудить взрослых и ребятишек, Сидор Савельевич не хотел.

— Ладно, — сказал он, — тут уж и до дому недалеко, однако поздно будить людей. Заночуем здесь. Вот поднимемся на гору в лесочек, там заночуем. Погода отличная — лучше не придумаешь.

Стояла высокая, ясная луна. Светло, как днем! Р а й д а ¹ вытянулась; упряжка пошла за упряжкой, олени опять затрусили по снегу. Выехали из темной пади. Внизу остался провал ущелья и звук журчащего ручья. Ручей еще не успел замерзнуть. Наверху, где остановились мы, была круглая площадка, открытая со всех сторон. Лесок налево был уже пощипан порубками: видимо, здесь устраивают ночлег не впервые. На ровном пятачке нашей лужайки разбегались следы дороги на север, откуда мы приехали, и на юг, куда мы держали путь, прямо на озеро Нял, — там стояла вежа Катерины и Лавра.

На месте старого а л а ш а (то есть старой стоянки куваса) Окся начала утаптывать снег; она устанавливала ваньку (так называется система шестов для котла). Вылля и Выэтар побежали за хворостом из березовых кустиков, а Сидор и я пошли в лесок нарубить цянгов, на которых будут растянuty полотнища куваса.

Минут через десять — пятнадцать все было готово, везы распахованы, и все вещи, необходимые для ночлега, уже расположены по кругу, над которым мы все, сообща, быстро воздвигли конус шалаша. Огонь пылал. Уже было тепло. Ребятишки чувствовали себя как дома, они сбросили свои маленькие малицы и сидели по-домашнему. Ненадолго, однако. Скоро они опять натянули их на себя и уснули.

Роман с Устей уже приспособились с левого края нового дома и жевали вяленую щуку. Чайник кипел, котел булькал, как дома. Кончив все дела, то есть привязав оленей на корм, подогнав овец поближе к дому и к собакам, Сидор Савельевич заглянул в кувас, а затем, подобрав полог, пролез верхней частью туловища к очагу. И мне он посоветовал

¹ Райда — поезд, состоящий из оленьих упряжек.

Кувас

поступить так же, поскольку полного места внутри куваса для нас все равно не найдется. Так мы сидели и возлежали вокруг огня, обсуждая события нашего вечера. Когда попело варево, Окся отпустила нам первым наши порции, чтобы мы не мешали и могли поскорее начать устройство своего ночлега под небом.

Это было очень просто. Мы вытоптали две ямки, на дно их положили по две оленьих шкуры, ноги просунули в малицы, которые нам дала Окся из каких-то запасных. Теперь оставалось только лечь и закрыть глаза. Свежий воздух не морозил, потому что из глубины капюшона шло ровное тепло от всего тела. Меня охватил покой, какого я еще никогда не испытывал.

Утром я встал бодрый, словно преображенный. Сидор уже запрягал оленей. Утро было теплое, легкий мороз не чувствовался. Окся откинула одну половину куваса; так, «по-весеннему», мы напились чаю. А ведь ночью было не менее двадцати пяти градусов мороза.

IV

Если вчера ночью мы быстро раскинули наш волшебный шатер, то сегодня утром никто не торопился с его уборкой.

Солнце светило через марево слоистых облаков. Не холодно. Мы сидели в тепле очага под открытым небом, как весной. Чай благоухал дымком. Хозяин с хозяйкой вели, видимо, не очень приятную беседу. Насколько я понял, маленькая Устя, жена Романа, отказалась идти пешком

вслед за овцами, позади нашей райды. Слой снега был рыхл и слишком глубок для коротеньких ног малорослой Усти. Она изнемогала, утопая в снегу.

Поручить Роману «бабское дело» — гнать овец — нельзя; тем более невозможно, не к лицу, это Сидору Савельевичу, хозяину, который ехал во главе всего нашего поезда в качестве «опаса». Ох и неохотно же взялась Окся за это докучливое и утомительное дело — гнать овец позади кочевой райды!

Однако тронулись. Поехали. Солнце стояло уже высоко, когда мы услышали собачий лай, а затем, обогнув круглую горوشку, очутились нос к носу с огромным стадом оленей. Тут же, с краю стада, стоял хозяин его Лавр. Он, видимо, поджидал нас. Мне показалось, что это был не саам, а русский человек. Он был высок ростом, цвет волос русый, с русской окладистой бородой, очень красивой; он и сам был красив, этот человек, — рослый и, конечно, очень сильный. Одет он был не в саамский печок, а в нарядную мадицу, покрытую черной рубахой. Это делало его похожим на ижемца. Сидор Савельевич уже говорил с Лавром, когда мы к нему подъехали.

После перекура, подождав Оксю с овцами, дав ей передохнуть, Сидор Савельевич повел нашу райду дальше, домой, в вежу Катерины, супруги Лавра.

V

Ясно было: место это жилое, вполне обитаемое. Об этом свидетельствовали разреженные кустарники и кустарнички. Вон прогалинка между кустами, она совсем свободна от всякой поросли, а рядом какой-то сгусток кустов вокруг большого камня конической формы. Собаки наши уже убежали вперед и крутились теперь около этого камня. Значит, где-то тут жилье. Но где? Я не мог рассмотреть это место, даже когда сани Сидора остановились около кустов, привлечших мое внимание. Наконец остановка. Словно окаменев, уперся и мой строптивый бык. Он опустил голову, и единственный рог опять перевесил его голову вправо, а левый глаз поднялся и уставился в небо, как у заправского ханжи. Потом он посмотрел на меня, словно спрашивая: «Ну, чего сидишь? Приехали! Распрягай, что ли! Я голоден!»

Это и я видел, что приехали, что все уже распрягают

олений и тут же отпускают их на волю. Олени, свободные, закинув головы на спины, убегают прочь. «Но куда мы приехали?» — думал я в недоумении, пока на фоне большого камня не появилась фигура Катерины. Она открыла «дверь», то есть входную занавеску из оленьей шкуры. Положительно, я не понимал, куда мы приехали. Только подойдя к людям, собравшимся вокруг хозяйки, я увидел наконец жилье человеческое — саамскую вежу. Она вся была покрыта снегом и действительно походила на камень. Катерина только что приехала со всеми своими семью кошками. Она не успела еще расположиться в веже, даже не «разживила» очаг.

Катерина — хозяйка этой неприметной вежи и того большого стада оленей, от которого мы недавно отъехали. В молодости она была, несомненно, очень красива. Выше среднего роста, смуглянка, она была быстра в движениях и очень привлекательна. Живые и выразительные глаза постоянно менялись: то она ласково улыбалась, как бы снисходительно слушая то, что ей говорят, то словно бы гневалась. Она любила шутить. Говорила она низким контральто и всегда в повелительном наклонении. Внимательным взглядом она следила за каждым моим движением, словно была готова парализовать какое-то мое агрессивное действие. Что-то в ней было общее с Лавром, хищное.

Скоро подошла Окся со своими овцами. Она загнала их в овчарню — шалашик, сложенный из жердочек. Он был совершенно завален снегом. С появлением Окси началось устройство вежи под жильем. Я заглянул внутрь этого неподвижного дома кочевников. Холодно. Темно. По стенам паутина. Сидор, стоя на коленях, уже «разживлял» очаг.

В веже было мрачно. Множество, не менее сорока штук, березовых и еловых шестов сходилось в пучок в макушке крыши; дымовое отверстие смотрело прямо в небо. Между шестами и поверх них наложены пластины еловой коры и бересты, а поверх последних настланы большие квадраты дерна. Вежа была лишена венцов, которые так привлекательны в вежах терских саамов. Венцы делают вежу более основательным и теплым жилищем. Вежа Катерины имела коническую форму. Ничего подобного я еще не встречал. Я даже не слышал о существовании подобных веж. Стояла она прямо на земле, видимо, на песчаном грунте, окруженная кустами и деревцами молодых березок. Как заявили мне хозяева, эта вежа очень древнего фасона, а строил ее дедушка, имени которого уже никто не помнил.

Жизнь в веже показала, что из углов ее, то есть из мест, где края крыши упирались в землю, не дуло. Миша, сын Лавра, и я очень гордились этим обстоятельством, так как это нам было поручено окопать всю вежу кругом надежным слоем снега.

Мужчины занялись оленями, теми, которые всегда находятся при доме на случай поездки; их ставят недалеко, на привязи, на ягельник. Женщины принялись за приведение вежи в жилой вид. Но еще до этого они повесили котел с водой над огнем. Роман, вернувшись от оленей, принес кучу ёры (веток карликовой березки). Вылля и Быэтар принесли подстилки. Весь пол вежи устлали ветками. На них положили доски пола; они были заново вымыты. Они излучали пар и приятно светлели среди темной ёры. Вылля и я отправились с ведрами за чистой водой. Вылля, конечно, убежала вперед. Когда мы вернулись, между полтами уже стояло ведро Катерины с водой, натопленной из снега.

Не прошло и получаса, как вежа уже имела жилой вид. На полу были разостланы оленьи шкуры, под углы и под края крыши уложены свернутые шкуры, ровы, одеяла; поверх них положили подушки, много подушек. Под потолком оказались протянутыми бечевки и тонкие жердочки, а на них развешаны шарфы, пимы и яры попеременно с шерстяными чулками, носками и рукавичками узорного вязания.

Катерина и Окся жили в содружестве. Первая вела свое хозяйство на левой стороне вежи, вторая — на правой. Роман с Устей жили «на задках» — сразу налево от входа, там, где лежат дрова. Лавр и Катерина спали под пологом, рядом со своими полтами; тут же ютились все семь кошек. Владение семью кошками, по суевериям саамов, приносит счастье их хозяйке: «Кошка моя душа», «Кошки все понимают и отвечают, только не говорят!» На свою любимую кошку Катерина «положила оленя»; это значило, что олень должен принести счастье своей кошке; только на этом своем олене она совершает кочевки.

Окся освоила уголок правее полтов. Она спала с дочкой Выллей и сынишкой. Потом лежал Сидор, а я помещался вправо от входа, поближе к середине. Кучки дров защищали меня от холода из дверей. Между мною и дровами спали гости. Впрочем, очень скоро Сидор и я объединились под одной ровой. Так теплее. Если бы меня поместили чуть пониже и я касался бы ногами дров и умывальной мокроты, я уже мог бы сблизиться на невнимательность со стороны хозяев.

Гости же спали так, что в их положении ничего обидного не было. Один гость, как правило, спал с хозяином в его рове.

В тот день как-то очень быстро промелькнуло время. Лавр рано возвратился из стада, и Роман ушел вместо него. Пришли гости, очень усталые. Все рано легли спать.

А наутро началась трудовая жизнь. Мужчины ушли отбивать от большого стада Катерины инородных оленей, приставших к стаду. Это происходит каждый год во время передвижения оленей от берегов моря на юг, в лесотундру. Сама Катерина уехала на свое покинутое место за оставленными там вещами.

В веже остались Окся и дети. Я сидел в своем углу с дневником. Маленькая подробность в быту саамов привлекла мое внимание. Я решил ее записать. В охотничьем походе, если в нем участвует несколько человек, в непогоду или для ночлега в пути саамы употребляют все свои кережи, на которых они едут, сдвигают их вместе и обтягивают с а л в а с а м и. Получается вполне надежное и теплое убежище. В таком временном жилье охотники жили и день, и два, и больше, в зависимости от того, сколько продолжалась метель или охота. Однако все это предание старины глубокой, все отошло в этнографию прошлого.

В дальнейшем я много занимался с Катериной по программам. Незадолго до отъезда обратился к ней за разъяснением одного обстоятельства. Оно казалось мне очень важным. Катерина произвела на меня впечатление очень толковой женщины, несмотря на своих бесчисленных кошек. Обдумав вопросы, я задал их ей в надежде получить точные ответы.

Я спросил так:

— Для чего у вас так много разных жилищ? И кувас, и вежа, и тупа с камельком, и избушка с печкой? Не разберешь, что к чему! Там вежа, тут тупа, в летнем месте изба или еще что-нибудь!

— Ну, а как же ты хочешь?

— Как у русских: в деревне избы, на озерах избушки.

— А у нас деревень нет. У нас садки — погосты, с и й т; это значит «жилое место», если сказать по-вашему — временное место. Если строить избушки на всех тонях, на всех промысловых местах, где мы живем на озерах и реках, то надо прямо сказать: не поднять одному хозяину этого — на всех местах иметь избушки. Сил не хватит.

Вот Агиевы, наши соседи, — ты у них побывай обязательно — они девять раз переезжают с места на место. На каждой тоне свой промысел, свое занятие, свой зверь для охоты, своя рыба. И сроки разные. Летом у моря живут, с апреля до сентября — октября, считай шесть-семь месяцев. С середины сентября уже поехали в осенние кочевки — в озерах ловить осеннюю рыбу, в тундре собирать оленей. Живем — одни в кувасах, другие, покрепче хозяева, — в вежах, а иные — в тупе. У меня на первом месте стоит тупа. А здесь жить недолго — вежа. И еще одно место — вежушка старая, там на озере рыбу половим, в кувасах будем жить, а там уж и зимнее место придет — тут избушки и п а р ь х т ы¹: тепло, лес близко, свадьбы играем, святки. Вот так мы и живем. Мы кочевники, мы кочевой народ, — сказала Катерина с гордостью.

Круглый год

Смысл кочевничества, по моему представлению, определяется сезонностью перемещений всем домом в связи с сезон-

¹ Место хранения имущества.

ностью промысловых занятий кочевников. Начать с рыболовства в его разных видах: сиг, проходные рыбы, семга... Каждый вид рыбы имеет свои сроки движения, заходя в определенные места на нерестилища. Собираение оленей, так называемое и м а н и е оленей, диктуется привычкой оленей к совершенно определенным миграциям, которые происходят ежегодно в определенные сроки. Принудительный выпас оленей в лесах зимой избавляет их от потрав волками. Все это в моем представлении укладывалось в определенный кочевой цикл. Каждое передвижение было оправдано настолько, что укладывалось в определенную графическую схему. Кончилось тем, что я набросал такую схему. Она состояла из ряда концентрических кругов, разделенных на двенадцать секторов, по числу месяцев. Каждый сегмент условно разделен на четыре части, по числу недель в месяце. На внешнюю сторону первого круга вынесены даты праздников; кто хочет, может делать здесь отметки местного календаря. Вокруг этой схемы удобно было бы заранее наносить устойчивые метеорологические данные: средние сроки выпадения снега и замерзания озер, появления зелени, начала сокодвижения и т. п. Обследователь к этим данным легко может присоединить данные текущего года. Я быстро продумал всю эту схему в подробностях.

Теперь я знал, с чего начинать беседу с Катериной. Я начал задавать ей вопрос за вопросом о начале и конце того или иного промысла, о занятиях мужчин и женщин, о датах переездов с места на место, где что ловят и как именно, какими орудиями труда, где они хранятся. Катерина отнеслась к беседе с большим интересом, даже с увлечением.

В результате «урока» с Катериной к обеду у меня была в руках схема «производственного календаря» оленеводов-саамов Катерины Лукиной и Сидора Агиева.

Во время этой беседы и составления календаря я, само собой, вошел в круг хозяйственных и бытовых интересов мотовских лопарей. Очень часто ссылалась Катерина на погоду, на признаки наступления той или иной погоды. Невольно я подумал: а не является ли Катерина знатоком погоды, причин ее изменения, не может ли она предсказывать погоду? Вне всяких сомнений, Катерина — большая умница и весьма одаренная женщина. На другой день с утра мы снова засели за «урок». Катерина занималась своими хозяйственными делами, я записывал ее сведения. Этот «урок» вылился в очень интересную беседу. Окся изредка встав-

ляла свои замечания. Они всегда были дельными или покрыты таинственностью, преодолеть которую мне не всегда удавалось. Беседы с Катериной касались самых различных тем из области саамского «погодоведения».

— Давай начнем сказку про нашу жизнь с конца зимы — с начала весны, — сказала однажды Катерина.

— После нового года полный снег ложится. Вот отшутили последние снежные пурги, что в конце февраля и в начале марта бывают. Наступило легкое время ранней весны, с ы о х ч называется. Это время хорошее: ночью морозы, днем солнышко не только светит, но уже и греет; правда, самую малость, всего на одну сосульку, а все-таки греет. Если мы в дороге — откроем солнечную половину куваса и так живем, а сами еще в зимней одежде ходим и сидим у очага. Однако уже тепло, дышится легче. С масляной недели, с четверга, начинаем к ы р г ы л ы п е й в с — «гулёмный день» называется. Тут и вечеринки бывают, и песни поют, днем катаются на оленях. Веселое время, хотя оно еще и очень морозное бывает. Потом пост. С этого времени снегу не прибавляется. Дни стоят ясные, не обидные. Старики и старушки теперь куропаток хорошо берут, даже на продажу хватает. В это время в стаде оленей важеньки становятся сразу вслед за важенькой-вожаком. Они, эти важеньки, идут во главе стада, тесно друг ко другу держатся, а все быки и х и р в а с á идут в пятке (то есть в конце) стада. Ну как бы сказать, они оборону держат. Ведут стадо важеньки, они теперь чувствуют тягу к местам отела, к берегам моря. Туда их тянет, где родились они, где телились они сами в прошлые годы, где все важеньки телились испокон веку. Эта тяга очень сильная, олени все чаще и дальше уходят от зимних пастбищ и тянут на север. Пастухам надо ухо держать востро: бывает, стадо сорвется и уйдет одно, без пастуха, к северу. Это важеньки его уводят. Пастухам все труднее становится возвращаться домой, на ночевку. Это уже ведомо: как заметят пастухи тягу оленей к берегу моря, тут и решают: надо кочевать, надо уходить с зимнего места, надо возвращаться в летние погосты. Вот с этого времени стадо побыстрее перегоняют к местам отела.

Весна. Женщины кончают свои зимние работы, мужчины быстренько починяют сани, кережи и сбрую. Запрягают ездовых оленей — и в путь, на первое весеннее место,

а потом и на второе, и на третье — у кого они есть. На весенних местах живут неподолгу, поспеваем за оленями и за рыбой, как она в озерах и в реках ходит. Тут уж как погода покажет. Если бывают холодные ветры, что редко, задерживаемся, а все больше вперед подаемся, от пастбища к пастбищу, вверх, на север. Опять мужикам далековато кажется ездить домой ночевать. Переедем, прикочуем поближе. Очень хорошее это время. Теперь в озерах рыбу ловим, каждое утро свежую рыбу едим всласть. Зимой-то свежей рыбы не было, одна только соленая. И мясо еще есть у тех, кто побогаче, а кто победнее — в долг берет, осенью отдаст. Солнышко с неба почти не сходит. Днем в дороге живем, а на привале кувас наш открыт. Ребятишки начинают играть в лапту, а у мужиков большая забота — чинят старые и изготавливают новые вязки для важенок. Когда изготовят вязки, на них поставят стельных важенок, уже на местах отела.

Лед на озерах стал ломкий, ехать надо осторожно. Опасдывать нельзя. Тут уж слушаем, что скажут знающие старики, как они? Ну уж как они там скажут — не скажут, а до распутицы мы обязательно в летнее место должны попасть! В летнее место приехать надо вовремя, это обязательно. О кострах забыли и думать, теперь печки топим. С у л т ы г у забыли, р и с к ё забыли, теперь печеный хлеб едим, радуемся.

Тут я встречаю в речь Катерины:

— Такого вкусного хлеба, как у вас, в лопарях, я нигде не едал.

— Ладно уж, сказывай!

— Важенки, как только выбрались из тундры, встали на свое привычное место отела, на летних пастбищах. Теперь оленицы начинают жить в отдельности. Каждая важенка находит свое старое место отела, а молодые облюбуют себе новое место на всю жизнь. Тут и травка поднимается, пушица ли, осоки некоторые, мох-ягель есть тут обязательно. И обрывчик земли надо ей непременно иметь около себя, чтобы ей корешками можно было закусить, и чтобы вода тут тоже была. Это обязательно надо. Мужчины берут важенок на вязку и держат их до конца отела. Ухаживают за ними за всеми до конца отела, переставляют с места на место, на водопой водят. Важенка отелилась, теленок на ноги поднялся, побежал за матерью — значит, исправны и мать, и теленок, их отпускают на волю.

Теперь мужики, бывает, на несколько дней уходят из дому. Все время работают в стаде, там и ночуют: принимают телят, смотрят, чтобы матки в порядке были, бывает, приходится звать крепко знающего человека, п а с т а й его титул. Он умеет помочь важенке во время отела. Бывает и так, что мы, женки, ходим в стадо, носим мужьям обед. Однако оленей не касаемся. Пока важенки телились, быки и хирваса вовсе от важенок отбились. Они ходят сами по себе, с важенками теперь они не соединяются. Мы за ними не смотрим, хотя они и ходят по воле, без пастухов.

Все олени на воле. Важенки живут по отдельности. Быки тоже особняком. Пусть ходят на просторе! Волка нет! Он у моря не бывает, а олень на воле здоровеет. Пастухи ходят к ним по очереди или кому дело есть в тундре; сходят посмотрят: как олени? где они ходят? нет ли больного? где он лежит? К нему хозяин придет, полечит или забьет. Впрочем, это редко бывает.

Однако не всех оленей отпускают на волю. Самых смиренных, самых «мудрых» быков — ручных оленей перегоняют на острова, что в море против каждого погоста лежат. Там им очень хорошо! Комара нет, корма отличные, ветерок с моря самый приятный. На островах пасутся те олени, которых по осени первых возьмут в руки. Это с ними саамы отправятся собирать в тундре вольно пасущихся оленей.

Л е т о. Кончился отел, а уж свободные люди, то есть те, которые раньше освободились от важенок, теперь ведут подготовку к постройке на реке забора на красную рыбу — семгу. Когда все саамы-хозяева съедутся домой, тогда собирается весь народ на сход — на с у й м (так раньше назывались общие собрания граждан сельского общества). Это бывало в солнечные дни, на улице собирались всем миром. Судили и рядили: где и как строить забор на семгу в этом году, кому поручить это дело, кого выбрать заборщиком? Надо, чтобы это был з н а т к ó й, никому не обидный человек.

Первую рыбу поймали — тут общий пир открывается. Эту рыбку приносили в жертву хозяину воды, хозяину реки. Г а р в а м и тоже ловили. У нас весь улов в общий котел шел. Свежину варили в особой избушке. Хороший это был праздник — все сообща, все на воле, на берегу реки гуляли и веселились. В это время всегда солнечные дни стоят.

Пришло время сѣмужного лова. Многие хозяева попозже уходили и на тресковый промысел. Это все одно; треска и семга ловились всем обществом. Весь улов делился по паям, между всеми хозяевами погоста. Кое-кто, кому нужна бывала, ходили к морю за нерпой; впрочем, этим промыслом попозже занимались.

Доход от семги шел на уплату податей. Доход от трески — на покупку хлеба на весь год. А было время, раньше, до революции, — весь улов семги отдавали купцу из Колы; он за это рассчитывался с казной. Купец снабжал саама хлебом и платным товаром (одеждой) и записывал за ним новый должок. Всегда мы, саамы, бывали в долгах; повелось это еще до того, как губернатор через всю нашу землю проехал верхом на людях. Ну к чему это, скажи на милость, верхом на человеке ехать?

В конце лета многие на тресковый промысел уходят. Это те, у кого дрова уже припасены, сбруя и сети на осень починены. А те, кто еще возится с ними, те сидят дома и работают. Ну а женщинам все те же заботы и хлопоты: поделывают шкуры, шьют шапки, а кому надо — малицы и пимы. Летом, в дни солнцестояния, мужчины играют в лапту. Женщины и девушки по гостям ходят, или ездят в соседние погосты, или ждут гостей к себе. В конце лета девушки по ягоды ходят, на прибрежных островах собирают чернику и воронику, бруснику и морошку. Кисель-то из морошки куда как хорош! Бывает, и варенье варим. Однако дорого! Заготавливаем всего впрок на зиму, кому что не лень, особенно кто любит послаще покушать.

По вечерам — вечеринки, с и р п а р х т называются. Они бывают в конце лета. Танцуем, играем — и девушки, и молодые женщины, и парни, и молодые мужчины, которые любят потанцевать. Все собираются в избушки, нарочно для этого нанятые.

Лето проходит быстро, с августа начинаются праздники. Праздников много. Если осень хорошая, то есть туманная и теплая, да часты устойчивые восточные ветры, тогда хорошо для оленя, тогда жди хороший выход приплода. В такие годы телята рождаются двойнями, даже тройнями, случается.

О с е н ь. Переменились ветры, потянули с юга, олени отошли от берегов и вернулись в тундру. Первая половина августа уже прошла, вторая началась. Саам впервые в этом году опять берет в руки оленя — островного быка. Вот и

наступила осень. Для оленей это орхальное время (период случки). А для саама началась его страдная пора. Мужчины уходят в о л е н и, в тундру, за хорошим мехом для шапок, для малиц и печкóв. Вернутся мужики — мало времени пройдет, скоро наступает время и м а н и я оленей. С первых или средних чисел октября, а то и раньше бывает, все мужчины уже в тундре. Ищут и ловят оленей, собирают их в стада, считают и распределяют по хозяевам. И мы, женщины, едем с ними в тундру. У терских саамов теперь бабы не ездят, дома остаются, да и в наших местах так бывает, однако редко. Хорошо, как муж старательный — он тебе и дров припасет, и наколет их вволю. Такой женщине легко и одной, и с ребятами. А как нерадивый попадетсЯ — горе той женщине! И в холоде, и в голоде будут жить и дети, и жена. Одна надежда на свои руки.

Первая задача мужчины во время имания оленей — поймать ручных оленей. Для этой цели он и берет тех оленей, что на островах все лето паслись. Олень оленя не боится. Близко подходят они друг к другу, только успеЙ изловить. Не так это просто, как говорится, но, как только сбили стадо, наловили оленей для переезда — собираются в поход, всем домом переезжают из летнего места на осенние места. Так вот и начинаем нашу жизнь каждый год словно заново. За лето олени хорошо откормились, ходят веселые. Теперь они живут в тундре, около озер держатся и там, где перелески и кустики; угощаются грибами, ягодами, заметно жиреют. Тут они входят в тело; с выпадением снега начинают кормиться главным образом ягелем.

Теперь гуляют олени! Х и р в а с а стали сильными, грудастыми. Они очень красивы в это время и бывают опасны. Это надо знать. Хирвас с хирвасом вступают в борьбу из-за маток. Они сильно бьются. Каждый хирвас-победитель собирает вокруг себя двадцать пять важенок. Не отпускает от себя ни одну. Это орхальная пора началась. Мужчины знают ее и уже поспевают в тундру ко времени — не опоздать бы! В это время примечают погоду: если в день 21 сентября нет росы, то около 14 октября (на покров) будут сильные снега; снег ляжет и не сойдет. А если этого нет, то на 27 сентября жди штормов и снега. А после этого бывает оттепель. Все это надо знать, чтобы управляться с оленями вовремя.

Женщины тем временем живут дома, в летнем месте. Они собирают, чинят и упаковывают вещи, готовятся к кочевке.

Около 14 сентября начинают собираться в отъезд на осенние или зимние места. И глядишь — запрягли оленей, собрались, снялись с места и поехали на юг, кто в санях, кто в к е р е ж а х, а кто и вовсе только с т а ш к а м и — пешком, с оленями под седлом. Детей и добро, которое берегут, перевозят в ташках.

Приехали на первое осеннее место — мужчины сейчас же идут в тундру, там ловят они и собирают оленей в стадо и отделяют от него чужих оленей. Тут у нас бывает большая гостьба. Друг ко другу ездим в гости, чтобы отделить оленей своих от чужих. Кто остается дома — заготавливает дрова, чинит сбрую, вежу или тупу утепляет, а потом все равно и они уходят оленей собирать, разъединять в стадах, выделять своих, отделять чужих; пасут свои стада, у кого они были, или отбывают очередь в стаде хозяина, которому отдали своих оленей на выпас. Ночевать домой являлись обязательно! У женщин в это время много хлопот: овец колют, чинят зимние одежды, обувь готовят, довязывают рукавички и чулки, дом или вежу в порядок приводят, сетки чинят. Если озера станут рано, все мы начинаем ловить рыбу сетками. Мужикам некогда: они пасут и собирают и разделяют оленей; правда, они приезжают на озера, когда начинается лов, рубят проруби или переставляют сети на новые места, но большее время они живут в о л е н я х.

У каждого хозяйства свои озера, свои уголья. Иные по девять раз в году переезжают с места на место. У нас до зимнего погоста только три с а д к и, то есть три места обитания. У Агиевых два. А Чапуровы имели семь кочевых мест — одно зимнее, возле леса, и одно летнее, на берегу моря, остальные на озерах.

З и м а. На какой день солнце совсем садится — не примечала. В декабре оно не показывается. В это время мы живем уже в зимнем погосте.

Наступило время с к а м м — темное, бессолнечное время. Однако оно не очень долгое, оно тянется только до крещенья. Тут забот много. Переезжаем в зимний погост. Начинается зимнее жительство. Пока в доме обживемся, устроимся, пока оленей разберем по рукам да беднота раздаст своих оленей в стада крупным оленщикам на выпас, пока очередь для караула в стадах установится, пока управимся со всякими делами, мужики хоть раз на охоту сбегают, глядишь, одного-двух песцов принесут, или лису, или выдру —

тут и святки наступят. В это время зима в самый сильный разгар войдет. А там, глядишь, и солнце покажется.

Солнышко из-за края земли выглянуло — стало жить легче. Веселее стало жить — так и у вас говорят, вот и мы теперь так же говорим на день 19 января. Теперь молодежь чаще устраивает вечеринки, чуть ли не каждый день. В эти дни и свадьбы играем, а иные свадьбы на весну переносят. Как кому нравится, кому заработки позволяют. В эти дни устраивают гонки оленей, другие купаются в проруби — кто выживет? Устраивают катание на оленях, девушки гадают; самые это хорошие, самые развеселые праздники.

Не знаю, как у вас, а мы зиму любим. Покойное, сытное это время — зима.

По-нашему, солнечное время — от появления солнца над краем земли и до того дня, как осенью оно скроется и уже не показывается, — называется это время т а л ь в.

Хорошее время, особенное: олени в руках, куропатки в лесах по кустам бегают, в силки ловятся. У кого оленя не хватает, тот кормится куропаткой, несмотря на посты. Недаром об этой птице говорят: «Куропать — летучая рыба». Она бедняку взамен мяса идет, вместо рыбы. Даже несмышленные ребята добывали эту дичь; а старики и старухи даже подрабатывали на ней. До войны сотни, тысячи этой куропатки от нас увозили. Теперь сами поедим; однако куропатки ныне мало осталось.

Не знаю, как у вас, а мы зиму любим больше лета. Летом комары и гнус, олени далеко, весной мокрота, осенью дожди и слякоть, не знаешь, что надевать, где пройдешь, где утонешь. А зимою везде все дороги открыты, имей только олешка. С оленем жить весело. Без оленя сиротское дело, считай что погибель.

Зимою олени в лесу в безопасности живут. Очередь пастухов легкая, пастухов много, стад всего три-четыре. Все олени по этим стадам розданы. Жди, когда-то до тебя очередь дойдет, а тем временем делай неотложную работу. Олени в безопасности; потому это так, что зимою волк из лесу уходит. Он в перелесках охотится на дичь, на мелкого зверя. Много волков уходит на юг, на Терский берег, в русские деревни. Там хватают они где что попадетсЯ.

Зимою вся одежда припасена, дрова заготовлены, соленую рыбу в бочках привозим от тех мест, где ее изловили. И ягоды припасены, кому какие нравятся, не ленись кушать. В тупах тепло, кто как любит, так и топит. В зимних погос-

тах лес и сушняк всегда под рукой. А кто русские избушки поставил, тот день и ночь в тепле живет. Бражка со стола не сходит, дорогих гостей угощаем. И запасной бочонок с бражкой за печкой всегда пытит, а другой поспекает, других гостей дожидается. Кто с нами дружбу водит и бражку пьет, тот половину саамской жизни знает; горя нашего при-
мешь — пожалуй, всю нашу жизнь узнаешь!

Большие праздники мы, бабы, отгуляем — тогда за дело принимаемся: поделываем шкуры, кроим одежду и шьем. И все на полу, потому что сподручней.

Мужики в это время охотой занимаются. Хоть и любимое это дело — охота, а бывает им худо и тяжело, потому что приходится им уходить из дома. И неделю, и две, и три, бывает, пропадают в тундре. Эта страда у них бывает после зимних праздников — пропадают в тундре подолгу. Все зависит от того, какой зверь попадет, как он водит человека. Случается, подолгу охотник домой не возвращается, все бродит в тундре или в перелесках один. Олень да собака с ним, да кережа, в которой он едет, следит пушного зверя или дикого оленя¹. Каких трудов, какого холоду, какого горя натерпится охотник, пока добудет одну шкурку зверя. Ну и то надо правду сказать, бывало, приносили домой и не одну шкурку, а много. Вот Павел Юрков в прошлом году ходил по капканам две недели, а в третью снял двенадцать лисиц сиводушек, а бывало, и штук сорок песцов приносил. Стоит того! Мужик на охоте по неделям пропадает, а бабы тем часом дают себе отдых, по гостям катаются на своей пятерке оленей. А упряжь-то — загляденье, если это женщина справная.

Мужик с охоты вернулся, отдохнул, погулял, праздники справил и обжился. Большую дружбу в это время ведут мужчины. А если ссорятся, то очень скоро тот, кто считает себя виноватым, идет к другому и винится, просит у него прощения. В ссорах серьезных кланяются друг другу в ноги и молятся. Теперь уже этого нет. О случаях упорства в ссоре, непримирения — не слышала. А если и бывает, то человека такого народ не любит. А бывает и так, и очень часто бывает, что муж с женой по гостям поезжают вместе, отдохнут, и опять он в тундру едет, пропадает там, гоняясь за пушным зверем. Это мужик ладный, т р у д н и к!

¹ Сейчас саамы на диких оленей не охотятся.

А бывает и так, что самостоятельная женщина нарядится во все лучшее и поедет одна по гостям, к своим подружкам, к сестрам, к братьям и приятелям. А потом они к ней придут, живут у нее, жируют, гуляют, отдыхают и веселятся. Этим временем наши женщины умеют пользоваться, не зевают, дают себе отдых, не гляди, что попусту катаются на своих нарядных упряжках.

И не заметишь, как время подкатит к весне. Глядишь, опять важенки повернули на север, опять они стали во главе стада. Месяц март наступил... Вот и готовятся к весне, вот и новая жизнь начинается. Все то же самое по кругу идет, из месяца в месяц, а не похожее на старое, прошлогоднее, — словно бы новое.

— Мы кочевники, — такими словами закончила Катерина нашу беседу. — Мы кочевой народ; мы как олени.

Сага об озере Нял

Историческая справка. — Сага о старом Няле и его сыновьях («Первый нагон»)

— Вот так мы и жили, и живем, — сказала Катерина. — Испокон веков мы так жили, но только много трудней. В досельное время (то есть время, которое было давно, в старину) ходила на лопь ч у д ь¹. Войной ходила, грабили, убивали, проводников требовали, оленей отнимали. Мы от них спасались как могли. По лесам, в болотах, на озерах прятались, под землю зарывались, оборону держали. Вот хочешь, расскажу тебе бывальщину про старого Няла? Он на озере Нял жил. Наше озеро Кетельяр его же было. Ты туда от нас, на это озеро Нял, поедешь, к старой Домне Агиевой; она теперь на этом озере рыбу ловит всюю семьей. Хочешь, расскажу? Это правда, все, как было, в точности расскажу; тут враков нет, не сомневайся!

Конечно, я согласился сделать запись о старом Няле. Бывальщина эта довольно распространенная. Мне уже не раз доводилось ее слушать. Она была опубликована еще в книге Н. Харузина «Русские лопари». Приняв его текст за основу, я обогатил его новыми мотивами и изложил своими словами, предпослав короткие исторические примечания. Они тоже не лишены своего интереса.

¹ Чудь — внешние враги народа саами. (Прим. ред.)

Первое упоминание о саамах относится к I веку нашей эры. Историк Тацит в одной из глав своего труда «Германия» так говорит о народе, нас интересующем:

«Финны чрезвычайно дики и отвратительно бедны; они не имеют ни оружия, ни лошадей, ни домов; трава — их пища, шкура — одежда и земля — постель. Вся их защита — стрелы, заостренные, по недостатку железа, костями. Охота составляет занятие одинаково и мужчин, и женщин: они отправляются вместе, и каждый имеет свою часть в добыче. Дети не имеют другого спасения от дождя и диких зверей, кроме шалаша из ветвей. Там укрываются и юноши, и старики. Они считают себя счастливее тех, которые вздыхают над плугом, устают при постройке домов, мучаются страхом за свое имущество и жаждою чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнева богов, они достигли того, что более всего трудно: им ничего не нужно желать».

Тацит называл этот народ финнами. Прошло несколько столетий. В VIII веке «финны», то есть предки наших саамов, вновь начинают фигурировать в исторических источниках. Более подробные сведения о них встречаются в скандинавских сагах.

Интересно, что у саамов есть самостоятельный взгляд на историю своего народа. Правда, это фольклор, но в данном случае им пренебрегать нельзя.

Свою историю саамы разбивают на три периода, или, как они сами говорят, на «три нагона». Это значит, что на протяжении существования лопарского народа внешний враг три раза совершал набеги на землю саамов. Знающие старики предвидели и «четвертый нагон». Время трех первых нагонов получило название «подземной войны». Это название объясняется тем, что, спасаясь от врага, лопари «уходили под землю», то есть жили в ямах, в землянках, маскируясь. Хронология русской истории и данные истории Севера говорят, что период «подземной войны» начался примерно в IX веке, а конец его относится к XVII веку.

Тысячу лет тому назад земли Мурмана, Карелии и отчасти современной Финляндии и далее на восток, вплоть до Урала, были известны под одним общим названием Биармия*. Это была легендарная страна. Неизвестно, существо-

вала ли она вообще как государство, имела ли она границы и каковы были ее властители. Документальных свидетельств обо всем этом не имеется. Как бы то ни было, к IX веку в Биармии начало сильно сказываться влияние карелов. Саамы жили в соседстве и в дружбе с ними. В районе Ботнии некоторые племена лопарей платили дань норманским конунгам, видимо, еще со времен Арнгрима, то есть примерно с VIII века нашей эры. В те отдаленные времена сбор дани совершался в условиях патриархально-общинных отношений. В IX веке право сбора дани с племен саамов перешло к королю Дании.

Король Рагнар (жил в середине IX века) вознамерился привести к повиновению не только саамов, но и биармийцев. Последние подняли восстание. Активное участие в нем принял и лопарский народ под водительством своего «короля» Матулла. На непокорных лопарей Рагнар двинул регулярные войска, так как местные силы оказались недостаточными. Началась затяжная война.

Вот как описывает эту войну Саксон Грамматик, придворный летописец короля Дании, монах, живший в XII веке.

Когда биармийцы узнали о прибытии короля Рагнара в их страну, они обратились к небу с заклинаниями. «Своим колдовством они заставили клубящиеся тучи достичь высшей силы действующих бурь. Это колдовство биармийцев удержало датчан на некоторое время в их плавании и лишило продовольствия. Внезапно бури стихли. Нестерпимый зной начал палить датчан. Своим пылающим жаром зной был более невыносим, чем величайшей силы морозы, возникавшие там... Рагнар, задерживаемый... вероломной погодой, заколдованной биармийцами... на время должен был отступить». Зимой Рагнар возобновил поход.

«Царь биармийцев, неизвестный по имени, устрешенный внезапным появлением врагов, был не уверен, сможет ли он вступить в бой с датчанами. И вот в страхе он бежал. И лично просил у предводителя финнов по имени Матулл убежища и помощи. Тем временем Рагнар расположился в Биармии на зимние квартиры.

Опираясь на искусство стрелков Матулла, биармийский царь начал тревожить и разорять войско Рагнара. Финны привыкли усиливать скорость своего передвижения по земле, покрытой снегом, при помощи быстрого скольжения по снегу на гладких бревнышках, прикрепленных к ногам.

Они достигают при этом высшей скорости передвижения. Используя эту скорость, они надеются одерживать верх при военных стычках. Они достигают этого вследствие своей способности быстрейшего приближения к врагу. Нанеся ему вред, они исчезают с той же скоростью, с какой подкрадывались. Они стремятся к тому, чтобы наступление не было медленнее возвращения вспять. Этой быстротой наступления и отступления финны... имели перед датчанами величайшее преимущество.

По-видимому, Рагнар мужественно переносил ненадежность своей судьбы. И он видел себя, некогда триумфатора, равного римским, доведенным безоружной и нестройной толпой финнов до крайне опасного положения. И так, тот, кто одерживал решительные победы над блистательнейшею красотою римского воинства, над огромными силами величайшего и достойнейшего владыки (то есть императора Карла Великого), уступил презренному и слабому оружию дикого народа. Тот, чью военную доблесть не могла ослабить сила могущественного племени, не мог устоять против жалкой руки презренного народа.

Отсюда произошло, что Рагнар той самой рукой, которая одолевала самые мощные орудия военного мастерства, которая храбростью затмевала весь блеск знаменитейшей пышности (то есть двора Карла Великого), что он, своей разящей рукой открыто, всегда-при свете дня, обрушивавшийся на пехоту, на вооруженные лагеря, на железом окованных всадников, — принужден был захватить грубый и темный народец врасплох, исподтишка, как бы воровскими вылазками. И он не постыдился блистательную славу свою, добытую открыто, днем, запятнать ночными вылазками, возлюбив ночные засады и ловушки. Как бы ни было гнусно это дело, исход был положительный.

И он был рад меньше бегству карелов, чем финнов, потому что он понял: гораздо больше сил в совершенно голом плебсе, чем в опытнейшем воине, так как ему, триумфатору, много легче было побороть самое тяжелое вооружение римлян, нежели легкие дротики оборванного народишка».

Лето 890 года было на исходе, когда в одном из северных, норманских фюльков произошли необычайные события. К крайнему дому поселка¹, лежавшего в фьорде, в устье небольшой горной речки, подошел вооруженный до зубов человек. В его руках стрела. Он постучал в двери крайнего дома; хозяин, взглянув, сейчас же скрылся. Появился он снова уже препоясанный тяжелым норманским мечом, с медным щитом и копьем в руках, в металлическом шлеме на голове, в кожаной рубаше с медными бляхами на груди, на спине и на животе. Его замшевые штаны крестнакрест опутали нарядно вышитые о б о р ы, на ногах п о с т о л ы² из толстой воловьей кожи.

Пришелец передал воину стрелу из рук в руки. Вместе они пошли в обход всего селения. Соседи уже видели, что по дворам разносят стрелу. Тревога охватила людей. Все вооружались, на ходу надевали

Сага о старом
Няле и его
сыновьях
(«Первый нагон»)

*Это наша
истинная наша
древняя жизнь.*

Саамы-сказители

I

на себя кольчуги и железные шлемы; с копьем или секирой в руках воины спешили на площадь собраний. Шли туда и женщины; из всех углов поселка сбегались дети.

Когда люди оказались в полном сборе, старшины — самые старые и мудрейшие из бондов — пригласили гонца объяснить им причину его прихода со стрелой. Вместо ответа гонец указал на пустое место, где по закону отцов должен стоять трон их конунга — председателя собраний.

Он спросил:

— Знают ли бонды, где находится тот, кто должен присутствовать здесь и править волею народа по его законам?

Старшины ответили, что нет, они не знают этого, и просили сообщить им весть об их молодом конунге. Тогда гонец объявил, что тот опять затеял ссору с соседом, герсом ближнего фюлька. Он сжег не только двор его, но разорил и всех его бондов. К числу

¹ Это не был поселок в нашем смысле слова. На берегу фьорда и по склону горы, в местах, пригодных для пашни и выгона скота, стояли жилища бондов (крестьян, фермеров, хуторян). В центре находилась усадьба князя — конунга, или герса (герцога). Тут же, рядом, жертвенное место, около которого на особой площадке собирались все хозяева дворов на тинг, то есть на общее собрание фюлька («народа» данного рода, племени).

² Постолы — обувь без подшитой подошвы, выкраивалась по ноге из одного куска кожи.

разоренных принадлежит и сам гонец. Теперь, взяв с собою брата, конунг отправился в поход на соседей-лопарей.

«Вот почему конунг вашего фюлька не правит порядок на вашем собрании», — сказал гонец от разоренных бондов. И он передал собранию просьбу людей, пославших его:

— Укротите вашего буйного вождя!

Уже не раз собирались люди на тинг и давали своему конунгу совет, самый строгий совет: жить с соседями в мире и любви, а лопарей без надобности не раздражать.

С этим единственным внуком многославного воителя Вульфстана у старшин фюлька было немало хлопот. Беда в том, что мальчик рано остался один, без отца. Лет десять тому назад, после одной из проказ молодого повесы, старшины рода обратились к матери конунга с советом: женила бы она сына! Указали и желательную для них невесту; правда, она была старовата для молодого парня, но зато знатного и сильного рода. Конунг не послушал совета стариков, он начал посещать дом законоговорителя. Там подрастала самая, по его мнению, подходящая для него

невеста. Отец увез дочку в самый дальний фьорд их фюлька. Законоговоритель не был поклонником знатности, к тому же в том далеком поселке жил нареченный жених его дочери.

Конунг запомнил эту проделку первейшего из бондов. Он навязал ему, всеми уважаемому человеку, держателю законов народа, обязанности кухаря, то есть сделал из него что-то вроде повара, постоянно сопровождавшего его во всех дальних походах. «Кухарь» владел лопарским языком. Это было удобно в походах на лопь.

Совсем недавно, еще в начале года, конунг опять поступил без ума и без совести. Он ограбил и разорил мирных соседей-лопарей. Наделал много жестокостей, нанес напрасные обиды соседям, с которыми бонды его фюлька вели хорошую дружбу. Содружество было к выгоде и тех и других. В отместку лопари, оставшиеся в живых, совершили внезапный и дерзкий набег.

Уже не в первый раз мир был нарушаем по вине молодого конунга. Тогда старшины заявили князю, что они хотят покоя; он должен заняться делами народа, а не гоняться по горам за лопью. Они по-

требовали от своего конунга (это было не в обычае, но другого выхода не было): пусть женится, пусть остепенится, осядет и займется делами своего народа. Людям становится трудно жить в том беспорядке, который завелся после смерти отца князя и его деда, старого конунга, славного Вульфстана.

Старшины опять посетили мать конунга и опять назвали ей имя той избранницы, которую они хотели бы иметь своей княгиней. Они имели в виду дочь соседа, знатного герса. Если же не будет покорен конунг воле старшин, то у народа есть свои права. Тогда пусть не взывает.

Это было опасно. Конунг подчинился старшинам.

Он поехал к герсу и посватал дочь его Гильду. Но и сама Гильда, и отец ее слишком хорошо знали, что собой представляет жених. Дочь в ту же ночь умчалась к подруге в соседний фьорд, а отец отказал искателю ее руки. Наотрез отказал: у Гильды есть жених.

Разъяренный конунг камня на камне не оставил в поселке герса. Хозяин едва спасся: он вовремя покинул дом.

А конунг ушел в горы. Он был зол. Он еще не понимал, что он просто несчастный, жалкий человек, который в тридцать лет не нашел своего места в жизни; он не сознавал, что пора ему заняться делом, которое ему досталось от рождения. Он отлынивал от него, как самый последний дурень, к тому же ленивый и бестолковый.

Люди давали разумный совет: вместо драк и гулянок займись делом, найди свободные земли для народа. Фюльку стало тесно, не хватает пашни, негде пасти скот. Народ не может жить, питаясь только рыбой. И королю Гаральду¹ пора дать ответ: с ним мы или против него. Явятся воители Гаральда со стрелой — кто будет в ответе? Кто пойдет с ним воевать? Что сказать ему в ответ? Конунг трижды послушался. По его милости опять придется ожидать ответных набегов лопарей, опасных своей неожиданностью. Со стороны же обиженного соседа не миновать самой жестокой расправы! Придется им, ни в чем неповинным, хлебнуть немало горя, если они не укротят своего задиру.

Когда все хозяева тинга наговорились вдоволь и на-

¹ Король Гаральд Прекрасноволосый, жил в 860—930 годах.

ступило молчание, поднялся законоговоритель. Это был знаток законов и обычаев. Он знал все правила на все случаи жизни. Он сказал свое слово так, чтобы народ сам вынес веление.

— Люди! — сказал он. — На нашем собрании народ должен решить: вручить ли нашему конунгу-ослушнику стрелу — тогда он должен будет убраться подобру-поздорову — или просто убить слушника народной воли. Таково древнее право: казнить конунга, если он нарушил мир внутри своего фюлька.

Бонды долго шумели и спорили. Одни настаивали на том, чтобы покончить с задирой; другие кричали: «Стрелу ему в зубы!» Третьи доказывали: «Ничего не произошло! Мир еще не нарушен! Зачем прогонять своего кровного воителя?»

Бряцанием мечей и стуком копий о землю народ выразил одобрение вот какому предложению. Высказал его один из мудрейших,

В то время, когда бонды шумели на тинге, решая судьбу своего драчливого конунга, этот беспечный человек, сорвиголова и кичливый задира, пробирался подалее от своего фюлька, на север.

старик с седой бородой, упрятанной под рубаху, запущенную в штаны, с бородой, уже раздвоенной, спускавшейся до самых пят; кончики ее у этого старца выглядывали внизу из-под штанин.

— Конунгу вручить стрелу тотчас же по его возвращении. Если он, не медля нimalo, не покинет пределы фюлька — казнить. А с ответом королю Гаральду обождать. Сначала прогоним нашего задиру, потом пошлем Гаральду наш зов. Мы за Гаральда: он даст порядок, он даст землю.

Так и решил народ.

Тем часом законоговоритель уже задумался, не умнее ли будет поскорее убраться с глаз тинга долой. Узнает конунг о решении народа, о его, законоговорителя, речах — недобровать ему, законнику, несмотря на то что он друг и приверженец конунга. Но говорить иначе не его было право.

II

Вот он, долговязый человек лет под тридцать, едет на своей мохнатой лошадке северной породы, сидит боком, так что одна нога почти чертит по камням бездорожья. Он хорошего рода, это сразу видно,

и был бы очень красив, если бы не отекшее лицо со следами беспутной жизни и вздорности характера. Особенно неприятны глаза с их оловянным взглядом и белесые усы и борода, а под ними пухлый рот распущенного бездельника. Он прежде всего бездельник, этот человек. Несмотря на свой возраст, он еще не женат, поэтому он лишен страха, именно поэтому он затевает всякие ссоры и драки, никому не нужные походы. Он плохо кончит — где-нибудь морским разбойником, в стычке со своими же викингскими или лопарскими, без огня и без могилы; это ему уже не однажды пророчили его собственные бонды. Они его не уважали, не ценили и не берегли. И вот он уходит от их недовольства. Пусть поуютно до времени, когда он вернется к ним с богатой добычей.

Теперь конунг — старший в походе. Он задумал эту поездку еще три года тому назад, когда он ходил на лопарей для сбора с них дани в пользу соседа, которого ныне, поссорившись, он разгромил и разграбил дотла.

Тайно на вербовал он, сверх своей обычной дружины и дружины двоюродного брата, еще десятка

два бравых ребят. Все это были старшие сыновья в семьях бондов: им не хватало земли, им не хватало труда в хозяйстве их отцов. К ним, к этим ребятам, послал конунг своего доверенного, а сам остался ждать их возвращения. Он раскинул свой стан в речной распадине в горах. Отсюда он послал другого гонца к своему другу-законоговорителю, он же и повар в больших походах конунга.

Обычно законоведы очень почитались общиной бондов и дружинами конунгов. Они занимали почетное и независимое положение. А у нашего конунга законоговоритель был на побегушках, и прозвище его было Кухарь*.

Выбираясь из дома тоже тайком, так же, как явился к нему княжеский гонец, Кухарь, прощаясь, сказал жене и другу, его провожавшему:

— На этот раз я уйду от него на север, к лопарям. При Гаральде мне нет места в этом фюльке. Пойми! А у лопарей я сам себе и конунг и герс. Если хочешь, займу и тебе озерко и луговину; это не услуга, а прямое веление всевышнего. Скажи только слово — подберу кусочек хорошей земли.

И вот конунг пробирается в самую глубь Финнмаркена, и еще дальше и правее, в леса, на восток, за великое озеро Энаре. Он поохотится на лопарей подалее от своего фюлька, в тех местах, где живет старый Нял. Лет пять тому назад он понудил этого Няла приносить ему, конунгу, дары мехами сверх того, что старик давал торговым людям из Гардарики, и сверх того, что Нял привозил соседу, тому самому, которого недавно он, конунг, разорил. В последние годы Нял, этот старый волк, неаккуратно вносил то, что ему было приказано. Говорят, он осмелился даже построить крепость. Он возомнил себя силой, подобной ему, норманнскому конунгу. А и всего-то он старец, старшина в роде лопарей! Туда же, крепостью обзавелся, старый сыч! Он не хотел подчиниться воле конунга, как подчинялись ей другие старшины лопарских родов. Старый Нял не только смел обороняться, но и, бывало, дерзко нападал сам. Когда Кухарь, посланный к нему

III

год назад, хотел было силою взять с его людей незаконные поборы, он взбунтовался. Бывало, конунг доверял обещаниям лопарей вовремя доставлять меха ко двору. Тогда старик Нял начинал юлить, находил всяческие отговорки, которые мешали ему исполнить обещание. Прошло полтора года, как от Няла нет приношений! Конунг решил уничтожить коварного старика и его сыновей. Без строптивого главы рода лопари будут покорны, они будут приносить дары! Старика Нялу не удастся водить его, норманнского вождя, за нос.

И вот он идет со своею дружиной и с шайкой наемных головорезов, с горстью дружинников брата, идет походом на старого Няла и его сыновей. Людей брата можно бы и не принимать в расчет: все они желторотые мальчишки, малоопытны и ненадежны. Это был их первый вылет. И все же конунг надеялся, что в молодом задоре новичка брат покажет себя молодцом, как только хлебнет первой крови.

Младший брат не имел ничего общего со старшим. Темный шатен с голубыми

IV

глазами, с тоненькой талией, препоясанной легким франкским мечом, в кожа-

ной куртке и замшевых штанах, он был очень строг и красив. Порывистый и быстрый в решениях, он каждое слово произносил как окончательный приговор. Все говорило, что из этого семнадцатилетнего юноши выйдет не лихой предводитель грабительских шаек, но сильный человек из породы тех крепких людей VIII и IX веков, что, оказавшись лишними дома, становились угрозой для императоров юга. Он не одобрял братней забавы, его налетов на маленьких князьков-соседей. В этот поход он отправился с единственной целью — «крови испить». Испытать свою руку воителя, увидеть первую кровь, пролитую своею собственной рукой. Он должен был доказать свое бесстрашие, свою ярость — пусть каждый скажет о нем: вот настоящий мужчина. По возвращении домой он женится. Со своей возлюбленной, нареченной невестой, они давно уже решили: постройте корабль и на нем объехать весь мир. Так они хотят.

Тяжело вооруженные дружинники один за другим шли по горным тропинкам и по тощим лесам от границы Финнмаркена ближе к области Коло. Отряд состоял из шестидесяти че-

ловек. Вьюки с хлебом, маслом и солью, с шатрами и запасным оружием, стрелами — все это было погружено на десять вьючных лошадей. Их вели наемные слуги и прислужники. Кухарь следовал позади обоза вместе с клячей, навьюченной котлом для варки пищи. Он же, единственный в отряде человек, владевший лопарским языком, отправлялся иногда вперед, чтобы выбрать стоянку для дневки. В этом конунг доверял только своему Кухарю. А Кухарь, пользуясь этим доверием, подыскивал стоянку себе на всю жизнь, подальше от знатных людей. Он сам хотел быть знатным. Он хотел быть хозяином в своем собственном замке, хотя бы и на краю света.

Конунг ехал не спеша, он не хотел утомлять пеших людей да и не торопился достигнуть цели. Ранее праздника священной елки дома не бывать. Пусть бонды поуспокоятся, пусть забудут о его забавах.

Через несколько недель странствий, за время которых братья разорили не одно семейство лопарей, место для стоянки было выбрано. Кухарь выбрал его на берегу речки, впадавшей в озеро Энаре; тут рыбы водилось видимо-невидимо, и место было обжитое; кто-

то заготовил дрова на целую зиму, травы по речке росли нетронутые, за лесочком пастбища такие, что лучше не придумаешь. А главное, дров хватит до праздников. Тут Кухарь развел костер и поставил котел на огонь. Здесь он встретит обоз и своего конунга.

Тот спешился и объявил:
— Привал!

Местечко сразу приглянулось конунгу. Тут положит он основание новому норвежскому фюльку во главе с Кухарем. А пока тут будет военная стоянка. Здесь будет склад, решил конунг, тут будут стоять и кормиться лошади, и тут же будут находиться ненужные в походе слуги. А воины, отдохнув, двинутся дальше в поход, за добычей.

Конунг разделил свой отряд на две партии. Брата он направил на юг, где лопари были помирнее; сам

же ушел на восток. Там он намеревался взять дань с нескольких лопарских родов. То, что с этих родов уже делают поборы другие знатные норманны, его же соседи, а также и сборщики белок из Гардарики, мало его тревожило — он придет первым и возьмет все, что можно будет отправить на оленях разоренных лопарей до озера Энаре. На обратном пути, уже по санной дороге, отряды соединятся вместе и повоюют со старой лисой Нялом. На этот раз конунг подберется к Нялу не с запада, а с востока — ну-ка, пусть спохватится, старый вещун!

Так и сделали. Награбив целый обоз мехов и шкур, братья уже зимою сошлись в условленном месте. Здесь нагрузили все добро на оленей и отправили к озеру, а сами начали готовиться к нападению на Няла, на его погост и на его крепость.

В эти зимние дни, рассказывает древняя сага, старый Нял с двумя сыновьями охотился в тундрах, залегших между двумя реками. Здесь у реки Паз находились уголья охотников их рода. Много добыли они диких оленей, и боб-

ровых шкур немало. Приустали и решили вернуться домой. У Няла и его сыновей было два дома — один в погосте, где рыбачили их жены, другой в лесу, в потайном месте. Старый Нял и его сыны были мудры и осторожны. Они всегда по-

мнили, что на западе есть знатный чюджёрве¹, который требует себе даров сверх всяких поборов. Полтора года прошло, от них не было дарений. Каждый день можно было ждать появления злого чюджёрве в погосте. Чтобы враг не застал их врасплох, братья не ночевали дома, а жили в лесу, в великой тайности. В тревожные дни они брали сюда и жен, и детей. На этот раз, ради праздника, семьи они оставили дома, в погосте.

В лесу они соорудили два амбарчика. Каждый из них был построен на обрубе соснового пня высотой чуть пониже верхушек сосен.

Вокруг них возвели высокий тын. Они создали такую оборону из опрокинутых елок, сухих и колючих, что и смотреть-то на них было страшно, не то чтобы перелезть. Сучья и ветки обрублены и за-

острены, остриями смотрят на врага. Дерево на дерево повалено, все перепутано, опутано вицами² — поди продерись! А тронь-ка хоть один сучок — из ограды, в которую вделаны самострелы, на тебя посыплется град стрел и камней. Вокруг этой ограды — двор, он окружает крепость нешироким проходом. За двором лес, он тоже хитро оплетен вицами и хворостом — войти войдешь, а выйти, не зная как, не войдешь! И еще была великая хитрость: вокруг двора были вырыты волчьи ямы, глубокие ямы, а на дне каждой торчали острые колья; попадешь в яму — тут и конец.

Другим родовичам прохода в крепость не было. Когда позовут старшины, тогда Нял своей рукой проведет народ в убежище. И воцарится здесь полная тишина.

Первым с охоты вернулся Нял. Он поставил оленей на мох, развел огонь и прилег на шкуры отдохнуть. В веже было пусто и холодно. Не спалось старому.

Он чуял недоброе.

VI

Приехали сыновья с обозом добычи. Вошли: оба молодые, коренастые, настоящие лопари — румянец во всю щеку, волосы как смоль, глаза зорки и смышлены. Они сели на корточки у огня, не раздеваясь, что-

¹ Чюджёрве — вожак, предводитель.

² Вица — жгут из древесных ветвей.

бы обогреть руки. Они решили напрямик ехать домой. Надо было поскорее попасть в погост к своему, в тепло. Здесь, в амбарчиках, житье было походное и неудобное. Надо было после охоты обмыться, надо было отвезти домой мясо. Давно уже дети сидели только на рыбе.

Нял посмотрел на сынов и сказал:

— В погосте у нас худо: Пришло туда много врагов. Надо нам людей выручать, а ехать туда нельзя. Мы должны тут отсидеться. Спасемся сами — поможем народу.

На свою крепость надеялся Нял. Далеко было видно вдаль вверх деревьев, и вниз все было видно отлично.

В том, что предчувствие его не обманывало, старый Нял не сомневался; в погосте враг! А сыновья не согласились.

Братья сказали отцу:

— Ты опять со своими бреднями! Говоришь ты — много врагов пришло в погост! Мы объехали весь север и Пазреку с запада! Как же мы нигде никаких следов не видели? — Так говорили молодые люди, а сами знали, что, если вещает отец, так оно и будет.

Он великий нойда¹, глава дома. Но пусть докажет!

— Напрасно сомневайтесь во мне, — сказал Нял. — Я говорю правду. Если не верите, вот что скажу вам: в ловушки для бобров всегда попадается по одному бобру! Правду ли я говорю?

— Это правда, — сказали сыновья.

— А сегодня мы найдем двух бобров в одной пасти. Если будет так, значит, моя правда: недруги пришли в погост. Надо нам выручать людей, но как? Ехать в погост нельзя!

Сказал он так, и пошли все трое к ловушкам. Вытащили первую, и верно: в одну ловушку попало два бобра.

— Верите ли теперь? — воскликнул старец Нял.

— Не знаем, не знаем, — говорят братья, — что и думать нам, не знаем. Если и так, то мы не можем оставить жен одних, мы поедем!

— Ну, если и теперь вы все-таки хотите ехать — поедем все, вместе поедем, втроем! Только еще скажу вам слово! Когда приблизимся к погосту, сначала посмотрим с горы: что там, в погосте, творится?

¹ Нойда — колдун, вещун, многознающий человек.

Вернулись. Спрятали они пушное в амбары, сменили усталых оленей на быстрых важенок и, прихватив две кережи, груженные мясом, поехали. Погода была хороша. Они быстро, только им одним известным путем, докатили до горы. Оттуда вся деревня видна как на ладони. С угора, через лесную прорезь, стали смотреть они: что в погосте делается? И видят: весь погост полон людьми, на улице женщины и девушки ходят, все в цветных, праздничных одеждах, играют и песни поют!

Увидев это гулянье, сыновья рассмеялись и говорят отцу:

— Ну, где же тут враг? Если бы враг был в погосте, недосуг бы нашим женам и девушкам наряжаться в лучшие платья, песни петь и гулять. Сам видишь, все спокойно, они справляют праздник.

— Смотрите глазами охотников! Видите, как они поют? Как они играют? Все поневоле, все по приказу! Обманый это праздник! Враг в домах сидит, ухоронившись, да поглядывает от нечего делать. Ваши жены перед ними пляшут! Надо нам народ выручать! Но ехать в погост нельзя!

Опять сыновья не пове-

рили словам отца — не могут они жен и детей своих оставить голодными. И они вознамерились ехать.

— Ну, уж если и теперь вы мне не верите, тогда останьтесь здесь. Зачем трем погибать? Сыны мои! Останьтесь здесь! Смотрите, что со мною будет! Давно уже охотится сильный враг за моей головой. Он норовит предать меня смерти. Видно, мне от него не уйти!

Взял старец Нял на привязь две кережи с мясом, лучшую важенку запряг в самую ходкую кережу, чтобы вынесла его из беды, и поехал прямо в погост, один. Нелегкий это был путь и не близкий, в объезд крутой горы.

На пути его была речка невеликая. Видит он, что польнюю затянуло льдом. Надо испробовать, тонок лед или толст, выдержит ли оленей и кережи, груженные мясом. Вынул Нял свой боевой нож и, недолго думая, начал пробивать лед. Он ударял ножом в замерзшее тело реки. Немалую сделал нарубку, когда подумал: «Смерть мне придет за это: мать-воду поколол ножом». Но надо было спешить! Он объехал ту воду стороной.

Тут навстречу гонец. Говорит он Нялу:

— Они в погосте! Спаси нас, мудрый старец! Только ты с сыновьями можешь выручить наших людей!

— Знаю, — ответил Нял, — вот едем мы! Садись позади меня!

Враги засели не только в вежах, они обложили кругом все селение.

Едва Нял подъехал к погосту, как они выскочили из засад. Было их много, очень много — может быть, десять рук человека! Они бросились на старика.

Быстро отрезал Нял кережи с мясом, оставил их для приманки этим людям. Знал, что будет тут свалка. Пока дерутся, надеялся он далеко ускакать.

Враги набросились на мясо, задрались они... Нял помчался в своей кереже в сторону от погоста, обратно к сыновьям.

И он ускакал бы от врагов далеко, не догнавши бы его, но сидел с ним в кереже второй человек, гонец; тяжело было важенке везти двух человек.

Бросились предводитель и его люди вдогонку, встали ему поперек пути... И окружили они старого Няла.

Выпрыгнув из кережи, он поставил гонца к своей спине, пугнул важенку, выдернул свой боевой нож и стал отбиваться. Он крепко держал оборону. Пока не ранили гонца и не упал

VII

он к его ногам, старый Нял не сдавался. Не одного из нападавших он уложил на месте. Но силы были неравны. Молодой норманн полонил старца и тут же, на месте, зарубил его своим острым франкским мечом. В ту же минуту норманн снял со старика его п е ч о к, надел на себя его шапку — л а т у ш к у.

— А где же сыновья Няла? — спросил он своих разведчиков.

Ему отвечают, что сыновья Няла либо промышляют оленей, либо Нял, зная, что ожидает их здесь, приказал им остаться на горе.

Норманн схватил важную Няла, прыгнул в кережу и крикнул своим людям:

— Бегите за мной, поспевайте, как можете, нужно поймать этих сильных людей, сыновей Няла.

Сказал так и помчался в ту сторону, откуда приехал старик. По его следу погнался он важную Няла.

Он поднялся в гору и уже заметил вдали молодых людей. Братья все еще укрывались в похоронке на

горе. Они же, завидя человека в кереже, на отцовском олене, в отцовском печке и шапке, подумали: «Вот возвращается отец!»

— Вот отец едет назад! Он убежал от врага! — сказал старший. Однако младший взгляделся в седока и не согласился:

— То не отец! Отец наш старик, и он поменьше ростом.

Старший крикнул:

— Твоя правда! Враг хитер. Это их предводитель! Он убил отца. Он нарядился в его шапку и в его печок, а теперь едет за нами. Бросай райды! Лучших быков в кережи! Будем его подманивать! — И поскакали они в сторону озера.

Норманн за ними, вдогонку.

Долго скакали они, заманивая врага в глубь своей земли так, чтобы легче было его погубить. Вдруг у младшего брата упал олень — он сломал себе ногу. Норманн тем часом в речке купается: провалился тот лед, что Нял порубил. Врагу задержка — братьям передышка.

— Брат, неужели?..

— Нет,— говорит тот,— садись в мою кережу лицом к врагу.

А враг уже близок, не далее расстояния полета стрелы.

— Брат,— говорит младший,— теперь гони извилинами. Когда норманн придется против меня, я поражу его стрелой!

Так и сделали. На крутом повороте младший брат уже видел лицо предводителя норманнов — молодой, чернявый, а глаза голубые. Он им что-то кричал...

Прозвенела стрела — норманн упал ничком на дно кережи. А олень, что запряжен был в кережу, бежит и бежит за упряжкой братьев. Видят они, что враг лежит недвижимо, — остановились, дали оленям передохнуть. Врага из кережи долой! Схватили его меч — легкий, красивый меч! Младший в кережу скок — и помчался опять. К своим амбарам, в потайную крепость поскакали они. Быстро добрались до дома и начали готовиться к встрече непрошенных гостей. Они догадались, что по следам предводителя все воины чужеземные должны прийти вслед за ним. Взобрались они на крышу одного из амбарчиков, обложились стрелами и дротиками и стали поджидать врагов.

Враги скоро подоспели.

— Никого нет! — говорят они.— А следы вели сюда!

Они дальше по тропе поднялись, и все вошли

В узкий двор вокруг ограды. Увидя амбары уже вблизи, — один чужеземец сказал:

— Амбары-то на одной ножке стоят! Не мудрено и срубить их! Не найдется ли там съедобного?

А братья стоят наверху да приговаривают:

— Погодите рубить! Ес-

ли голодны вы, так мы вас сумеем угостить!

И так засыпали врагов своих стрелами, что рубить амбары тем не пришлось. Многие полегли здесь за-мертво: кто стрелой поражен, кто самострелом, кто в яму угодил. А те, что живы остались, побежали обрат-но в погост.

Остались братья одни, говорят между собою:

— Что теперь делать? Надо ехать за ними вдогонку! Надо выручать народ! Теперь нам бояться нечего: предводитель убит, половину силы мы уничтожили. Едем скорей!

— Едем на лыжах! Быстрее докатимся под гору!

И они покатили на лыжах, с горки на горку перемахивали, с лету перелетали с берега на берег. Вбежали в погост, вошли в дома — нигде нет врагов!

Спрашивают:

— Где же они? Где же враг?

— Все враги за вами погнались, — говорят им.

— Ладно, — сказали братья, — мы раньше пришли — нам и ждать.

Запрятались в дома, сидят, притаившись, да меч, добытый у молодого предводителя, заново, по-лопар-

VIII

ски, точат, чтобы поострее был да к руке приходился надежно.

Недолго ждали — пришли те чужеземцы, что от амбаров братниных бежали. Идут по улице и между собой такой разговор ведут:

— Надо решать, что делать: весь ли народ в деревне уничтожим или двух женщин, братниных жен, оставим живыми — в плен отведем, продадим их, за них дадут хорошую цену.

Тут-то братья и вышли из засады. Предстали перед врагами, как из земли выросли. Старший занес над ними меч и крикнул:

— Вот ваш меч! Где тот, кому нужно было нашего отца успокоить? Ага, нет его на свете живого! Ну так вот и вам та же честь.

Братья всех врагов, до единого, порубили вконец. А сами из осторожности, забрав с собою жен, пере-

брались к себе в крепость — решили там сидеться, пока не минует опасность. Женам наказали раньше двух дней и носа не казать из крепости, а сами уехали на охоту и на

разведку. Надо им было знать, где чего деется.

Два дня женщины скучали по дому. Утром третьего дня они пошли в погост и попались в лапы воинов конунга.

IX

Конунг, отдохавший недалеко от погоста Няла, в веже рыбака, валялся на шкурах, ожидая сигнала от брата. По правде сказать, ему не очень хотелось путаться с этим стариком Нялом. В глубине души он знал, что был неправ; вот почему на это дельце он послал братца. Он надеялся, что тот покоичит с ним быстро. А в случае чего, он явится на подмогу. Короче говоря, конунг в этом деле прятал свое имя. Пусть незаконный побор проделает никому не известный мальчишка.

Однако прошел один день, и второй день прошел награсно. Рано утром третьего дня, чуть забрезжил свет, конунг послал своего человека проведать, что делается в погосте. Тот добрался до селения. Издали убедился, что никого из норманнов в селении нет. Он проехал вперед, у озера наткнулся на тело конунгова брата. Тут-то разведчик понял, что струсилась

беда. Разъяренный конунг со всею свитой явился в погост. Уничтожены были все, кто находился в деревне, весь род старого Няла — все его дети, внуки и правнуки. Он оставил в живых только жен младших сыновей Няла. Были они молоды, крепки здоровьем и цельнозубы. Он велел их связать: хорошие будут рабыни.

От жестокой резни не только верхняя одежда, но даже исподние рубахи у воинов, да и у самого конунга, были пропитаны кровью. Непристойно являться домой в грязной одежде. Он приказал новым рабыням вымыть одежду всех воинов. И поскорей. И вот эти рослые мужчины, поскидав с себя все одежды, остались совсем голые. Они собрались в тупе Няла, развели огонь и грелись тут, у очага. Женщин освободили от пут. Под присмотром караульного отпустили их на реку стирать одежды. Пока они мыли и поло-

скали ее, поднялась сильная буря и метель с морозом. Караульный, стоя над прачками, дрожал. Женщины же были дома, они были одеты тепло. Они делали свое дело не спеша и даже нарочно не торопились. Долго полоскали они белье — кончат и снова начнут. Наконец они сказали караульному:

— Что ты стоишь тут и дрожишь? Поди в дом, разведи огонь и обогрейся, а мы еще пополощем белье.

Караульный поляггал зубами, стало ему невтерпех; он спрятался в ближайшую тупу и заснул там. В ту же минуту женщины всю одежду, вместе с котлом, бултых в воду, а сами пустились бежать.

Убежали они как могли далеко. Устали, сели отдохнуть, испугались и опять побежали. Сил у них больше не стало: слишком глубокие снега намела пурга! Наконец они вышли на реку, к самой воде приблизились и тут, в сугробе, нависшем над рекой, зарылись в снег.

Вьюга продолжала выть и сыпать снегом: скоро следы их совсем замело.

А норманские войны нагишом все еще грелись у очага, играли в кости и ждали, когда же принесут чистую одежду.

— Почему они так долго не идут? — вскричал конунг. Он приказал сходить на реку посмотреть, чем занимаются прачки. Пошли войны посмотреть, что там делают рабыни. И видят: нет ни прачек, ни котла, ни белья, ни одежды. Караульщика нашли: спит и ухом не ведет.

Спрашивают у него:

— А где же женки, где одежда наша?

— А я не знаю, — говорит, — озяб я, ну и пошел обогреться. Они сказали: кончат стирать — белье принесут.

Караульного тут же убили.

Конунг и войны нарядились в награбленные одежды — они им были коротки и узки. Все пошли разыскивать женщин. Одна партия пошла вверх по реке, другая — вниз. Идут войны, копьями ударяют в снег, на каждом шагу останавливаются, слушают. Если кочка казалась им подозрительной, они пронзали ее копьем или мечами. И вот уже близко к водопаду подошли, встали на верхушку сугроба. Всматриваются в лесок на том берегу речки, рассматривают снег под ногами: не заметны ли следы женщин?

А молодухки сидят под

сугробом, на котором топчутся мужчины. Слышны им шаги воинов, слышны все их слова... Сидят женки ни живые ни мертвые, замирая, слушают скрип морозного снега над головою. Сжалились они в комочек от страха и даже дрожать боятся, не дышат. Тут остановились норманны и говорят:

— Не безумные же они, чтобы в воду прыгнуть, — там им верная смерть. Так надо думать: спрятались, глухие, в лесу, а там в эту вьюжную погоду и без нас пропадут. Горе нам! Замерзнем мы без белья и без верхней одежды!

Окоченевшие от холода, стуча зубами, вернулись воины в погост. Там напялили на себя меховые сапоги лопарей, натянули,

Дней пять ездил Няловы сыны в погоне за врагами. Потом принялись за свое обычное дело — за охоту на дичь. Начали собирать они тушки зверей, угодивших в ловушки, расставленные для них. На обратном пути довелось им ночевать на месте, где с отцом и женами в осеннее время они, бывало, ловили рыбу.

Подъезжают они к веже

как могли, их замшевые рубахи и штаны. В этом виде они не могли изловить для себя ездовых оленей, поэтому отправились в поход пешком. Скоро лопарская одежда на рослых норманнах лопнула по швам. В дыры было видно голое тело. Ветер задувал в разодранную одежду снег. Многие в дороге погибли от вьюги и стужи.

Только конунг и чело века два из его дружины добрались до своих коней на озере Энаре. Остальные все погибли от вьюги и стужи или от стрел и засад сыновей Няла.

Кухарь покинул стоянку. Он захватил с собой большую часть лошадей и ушел дальше на север, к берегам океана, где основал новый поселок.

Х

и видят: двери стоят полые, а людей не видно.

— Что бы это значило? — подумали они, однако подойти к дому ближе было опасно — как бы не попасться в ловушку! Осторожно обошли они вокруг вежи, ничего подозрительного не заметили. Даже оленей поблизости не видно. Еще ближе подошли. Знали они: от пешего врага убегут! Они были уверены

в себе: среди их родичей нет лучших бегунов на лыжах!

Старший занес меч над головой, готовый поразить врага, младший с левого бока его встал шаг в шаг. Он направил лук со стрелой вперед, натянув тетиву. Так двинулись они к открытой двери вежи.

И вдруг от дома потянуло дымом, а из дверей вышла жена старшего брата. Тут-то они обрадовались, но женщина подняла руку и сказала:

— Тише! Стойте тут! Не двигайтесь!

А сама вошла в вежу. Там спала женушка младшего брата. Она была молодая и очень пугливая; совсем больная стала она после этой войны.

Тихонько, очень осторожно старшая тронула ее за плечо и сказала шепотом:

— Вставай, сестрица, наши идут!

Та вскрикнула, вскочила, тут же упала опять

Конунг возвратился домой. Он вернулся с добычей, награбленной братом, но его самого он не сумел уберечь. Он загубил всю свою дружину.

В день приезда он сидел один в огромной зале своего дома, похожего на са-

и зубы сцевила. Лежит ни жива ни мертва. Мужчины вбежали в вежу и с трудом ее отходили. Вздохнула она, взглянула на небо — жива!

После этого женщины рассказали все, что с ними приключилось. Как они мыли белье, как убежали и спрятались в сугробе, как, выйдя из снега, они ночью отыскивали лыжи, как на лыжах убежали сюда, в осеннее место, где и встретились со своими ненаглядными мужьями. Все четвером они прожили здесь неделю, а потом пошли в погост. И увидели они, что все-то дома разграблены, амбары разбиты и опустошены, все люди перебиты. Остались в живых только те, кто уезжал в то время на охоту или на рыбную ловлю. Люди собрались на совет и решили: на месте старого погоста не строиться. Они перевезли свои вежи на озеро, поближе к сыновьям Няла.

XI

рай. Даже мать он прогнал от себя. Ни тепло пылавшего очага, ни богатое убранство дома, сверху до низу увешанного цветными коврами и шкурами, рогами лосей и оленей и дорогим заморским оружием, ни чары, полные виноград-

ного вина, — ничто не радовало его; даже свору любимых собак, улегшихся было у его ног, он отогнал прочь! Конунг был мрачен.

Он впал в тоску, как только вступил на землю своего фюлька, как только увидел первого встречного бонда. Лихой забияка почувствовал, что и над его беспечной головешкой нависло несчастье.

Перед вечером, когда сумерки уже легли на землю и бонды, освободившись от работ, собрались на тинг, в дом конунга постучались старшины фюлька. Это были убеленные сединой старцы; бороды их для такого торжественного случая были извлечены из штанов и опускались ниже колен, почти до самых ступней. У иных они были подвязаны поясом. Старцы потребовали явки конунга на тинг. Он должен выслушать решение народа.

На тинге самый старый и мудрейший из бондов встал из круга избранных, подошел к конунгу и, ничего не говоря, вручил ему стрелу, ту самую, что принес к ним вестник соседнего фюлька еще осенью прошлого года. После этого старейший, обращаясь не к самому конунгу, но к собранию людей и указывая

на бывшего их предводителя, сказал:

— Он должен завтра же до полудня покинуть землю отца и деда, землю своего народа. Он не должен оставаться здесь после того, как солнце начнет склоняться к западу. Если он задержится здесь позже указанного часа — каждый из вас должен поразить этого человека стрелой, мечом, камнем или дубиной, ибо он вне закона, этот человек. Я сказал.

Так закончил свою речь старец, вновь избранный законоговоритель от народа.

Круг людей разомкнулся. Конунг вышел из него и с нарочито горделивой осанкой вошел в свой дом.

Он выпил здоровенную чашу вина и, недолго размышляя, оставил родительский кров, все свои богатства и одинокую мать.

Он нагрузил старый корабль отца походными вещами, оружием да запасом пищи на долгий путь и с отрядом головорезов вышел в море.

С этих пор он не знал иной крыши, кроме шерстяного паруса, натянутого над палубой корабля. Вся его жизнь состояла из грабежей, набегов на лопарей да схваток со встречными кораблями. Это были и

чужестранцы, и свой брат нормани. От руки встречного викинга он получил тяжелую, долго не заживавшую рану. А конец свой он нашел на берегу Лап-

Ну а Кухарь основал на Крайнем Севере, на берегу моря-океана, свой замок. Теперь он именовал себя конунгом, а окружающие его лопари называли его т а л о й или с т а л л о. Новый поселок лежал в глубине извилистого фьорда, хорошо защищенного от северных непогод. Тут много пастбищ, охотничьих угодий, а главное, хороши были морские ловы на рыбу и разного морского зверя: на моржей, на тюленя, на кита. То, что он прогнал отсюда целый поселок лопарей, не трогало его ни сколько.

К Кухарю из поселков юга потянулись бонды-новоселенцы. Они-то и составили ядро нового селения. Изредка мужчины этого поселка вооружались

ланди. При ограблении лопарской семьи он был поражен в спину, когда спасался от преследования. Сбылось все, что ему говорили бонды.

и совершали набеги на лопарей, чтобы захватить какое-нибудь новое удобное промышленное место или тоню для добычи рыбы.

Лопари были бессильны в борьбе с этими рослыми, хорошо вооруженными людьми. Они вынуждены были уходить в глушь, в непроходимые места, в тундру и болотистые топи, ютиться на островах неизвестных озер. Они начали прятаться от пришельцев. О встречах с ними, с норманскими захватчиками их земель, они до сих пор рассказывают свои с а к к и. Лопари начали «уходить под землю». Они «зрывались под землю» так, чтобы «дым очагов не видели ни люди, ни небо». Началась «подземная война».

XII

В семье Дарьи Агиевой

В семье

Середина октября. Тупа Дарьи Агиевой. Вот и приехали мы на новую кочевку, на осеннее место, на самый берег озера Нял. Тут и старая вежа, и новая избушка стоит, и амбарчик, на пеньке построенный, словно сказочный домик

на куропаткиных ножках. Тут и вешала для просушки сетей, и овчарня в виде ямки, покрытой сверху кусками торфа. Тут и высокий помост из жердей, называемый лы в в е. Он служит местом хранения разного мехового добра и запасов мяса оленей. Как только кережи с людьми и домашним скарбом приблизились к дому, мужчины отпрягли оленей и отпустили их на волю. Освободившись, быки закинули головы вверх и убежали от людей к стаду. Оно находилось где-то здесь, поблизости. Оно продолжало пастись далее уже без надзора, продвигаясь в направлении, известном пастухам.

Мужчины развязали везы, помогли женщинам внести тяжелые вещи в вежу; все вместе они подняли привезенное добро на крышу лы в в е или сложили в амбар, чтобы не добрались до него мыши. После этого они отправились к стаду. За время раскладки вещей по местам олени успели отойти от дома.

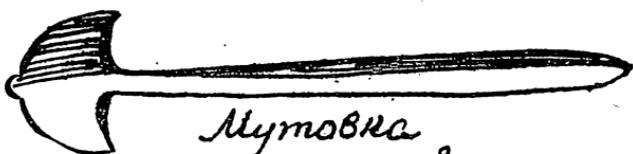
Пока женщины приводили в порядок жилье — чистили и мыли полы, деревянные нары да протирали стены, сплошь завешанные паутиной, пока они устилали пол хворостом, чтобы было теплее, да готовили пищу, мужчины уже вернулись из стада к теплу.

Прибрав на дворе кережи, сани и сбрую, они вошли внутрь дома и уселись у камелька. Они терпеливо ожидали, когда женщины угостят их обедом. Покуривая, они вели беседу о своих делах, главным образом о погоде и об оленях, о том, куда и как пойдет стадо, пока они, пастухи, отдыхают. Знать погоду, в особенности погоду завтрашнего дня, для пастуха первая забота; это не менее важно, чем моряку метеорологическая сводка.

На дворе уже совсем темно. Поужинав, улеглись спать. Чувствуется: все очень устали. Можно подумать, что об оленях никто не заботится, что их оставили на произвол судьбы. Ведь в любую минуту может появиться волк или медведь! Кроме того, олени могут разойтись в разные стороны, уйти за тридевять земель в тундру, могут заблудиться и погибнуть там, как это часто бывает с коровами и лошадьми у нас «на Руси»...

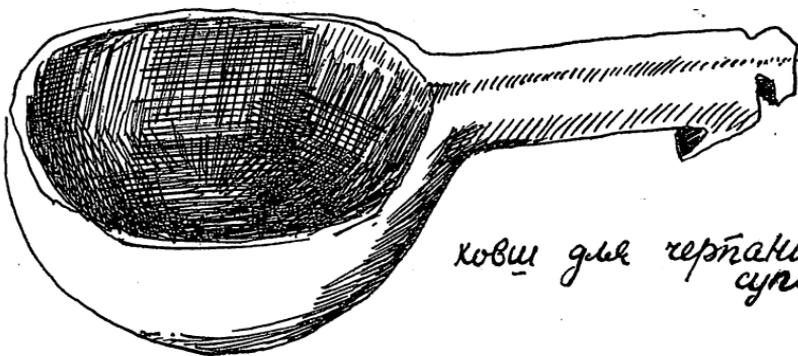
Я высказал свои сомнения вслух.

— Однако олень не корова, а пастух оленей не похож на скотьего пастуха,— ответил голос Николая авторитетно, но совершенно не убедительно для меня, «коровьего человека».

Мутовна
для размешивания муки

Скоро все погрузились в глубокий сон усталых людей. Мне не очень спалось на моей койке и все чудилось, что топоры, принадлежащие каждой из семей порознь, поднимаются и дружной связкой повисают в воздухе. Душно было от сырости помещения, давно не отапливаемого, душно от человеческих испарений.

ковш для черпания супа

Утром тупа Дарья являла собой какое-то месиво вещей, людей и собак, постелей, чайной посуды на столе, чугунов под столом, сена на полу и главным образом обуви, разбросанной в беспорядке повсюду. Вещи заполняли все углы и не менее двух пятых пространства тупы.

Вещи на постелях — ровы, подушки, одежда — взъерошены; на них сидят сонные мужчины; кое-где виднеются детские головки. Женщины и хлопочут у стола, и сами прибираются, и одновременно подают вещи, белье или одежды мужчинам; в то же время они успевают прибирать за ними постели, и они же накрывают на стол.

Наконец, переодевшись, все уселись за стол. На нем в мисках уже парует груды рыбы вареной и рыбы жареной, тут же разложен хлеб, нарезанный крупными ломтями, очень аппетитными. Иногда вместо хлеба дают с у л т ы г у, то есть тесто, запеченное на палке у очага. Иногда вместо хлеба идут р и с к é — хлебцы, выпеченные из ржаного пресного теста¹.

Все, каждый в свой черед, степенно «сербают» уху из красной рыбы палы или из сига. Кто-нибудь из женщин уже разливает чай. Меня поразило, с какой предупредительностью и зоркостью наблюдают женщины за чашками мужчин, следят за тем, что нужно им подать, чем угостить их, в частности и меня.

В дни, когда приезжают гости, тупа преобразается; она становится совершенно кочевым жилищем. Вещи окончательно переполняют ее: тут и мокрые одежды, не успевшие высохнуть за ночь, тут и отсыревшая сбруя, и обувь, и какие-то мешки, набитые разным добром.

Когда мужчины находятся в отлучке, а женщины предоставлены самим себе, тупа теряет свой непривлекательный вид. Женщины привносят в дом свои запахи: начинают преобладать ароматы печеного хлеба, душистого мыла, жареной и вареной рыбы, запахи вареных тресковых голов (это ужас!), тресковых внутренностей (еще хуже!), которыми кормят скот, то есть овец.

Когда все обитатели в сборе, жизнь в осенней тупе потоков имеет много общего с бытом семиостровских саамов. Это следует отметить. Так же как на востоке, в нашей тупе помещается больше восьми человек. С этим приходилось

¹ Рискé редко режут ножом, обычно руют на три-четыре части. Рискé в свежем виде — очень вкусный хлеб.

встречаться не раз. Дарья, глава дома, хозяйка, спит на лавке, приставленной к кровати, где почивают Федора и Сергей. Кроватка, в которую меня уложили, была мне «не в рост». Засыпая, я забывался, а забывшись, то и дело закидывал ноги за пределы отведенной мне жилплощади.

Подобная теснота, видимо, не так уж утомляет моих сожителей (хотя она не может не отражаться на состоянии нервной системы лопарей). Мне кажется, они любят эту общность и эту общежительность. Я ни разу не слышал ни ссор, ни грубого раздражительного возгласа на почве этой тесноты. Однако все они с нетерпением ожидают переезда в зимнее место: там можно будет «отдохнуть», там просторно.

Преимущество тупы — сухость, тогда как вежа¹ Катерины была нередко сыра, дерн крыши все время оседал и сыпался, каждую осень надо было его подновлять. Тупа была более надежным убежищем, тем более что построена она была на манер русской избы. В доме Агиевых был сухой пол, тупа проконопачена, стены сухи; был влажен и давал сырость только потолок. Тупа Марфы теплее, но не просторнее дома Сидора Савельевича, что стоит на берегу моря.

Интересно: уже на второй день после приезда к нам в тупу понаехало много гостей. Все они завтра же начнут отделять своих оленей от стада Агиевых. Стало еще теснее. Эта невероятная теснота будет продолжаться дня три. Большинство гостей из дальних осенних мест. День проходит в напряженной работе по вылову оленей из хозяйского стада; с наступлением вечера начинается взаимное угощение вином. Интересно, что сколько бы гостей ни приехало, им всегда найдется стол и место.

Именины внучки

Еще в субботу, с начала пятого часа, после «поранья» обеда (то есть обеда пораньше), все прекратили работу. Кто спал, кто сидел, ничего не делая, вяло перекидываясь словами. Наталья мыла тупу; она старательно соскребала грязь со стола, со скамеек, с котла и с полтов. Бабушка Дарья во-зилась у камелька. Федора чинила обувь супруга, так, от

¹ Нельзя сказать, что в вежах сыро. Но если снаружи туманно и дождливо, то сырость ощущается и в веже.

нечего делать, для отдыха. Кошка с котятами была вынесена на двор. Вымыв пол, Наталья окончила свои хозяйственные хлопоты и внесла кошку обратно; котята немедленно расползлись по полу.

Наталья вымылась и причесалась. Она приделалась в новую, праздничную юбку, но не спешила надеть кофточку. Бабка принялась печь на вертелах свежую треску. Когда вскипел чайник, все напились чаю уже на чистом столе, из чистой посуды. Дарья с любопытством спрашивала меня, осторожно прикасаясь к объемистой книге Н. Харузина «Русские лопари»:

— А долго ли надо читать такую книгу? Неужели не устанут глаза во время «читатьбы»? (Так назвала она процесс чтения.)

Я рассказал ей о Харузине как об ученом человеке. Из рассказа она, видимо, не все поняла, но внешне была вполне удовлетворена.

Весь вечер, до ужина и до поздней ночи, прошел в дремоте, во сне и безделье; все находились на кроватях, отдыхая, — кто лежал вдвоем, кто сидел рядышком у стола.

Ко времени рассвета вскипел чайник. Бабы дали мужчинам чистые рубашки. Если бы меня не было в их доме, они все приняли бы баню и мылись бы в том корыте, которое пока висело на гвозде налево от входа в дом.

Пришел Иван. Он пригласил к себе в вежу на именины дочки почти всех.

Дуня и Наталья приглашены не были. Они веселились дома, сами. Наталья пряла и пела, Дуня ей немножко подпевала. Позднее Василий пришел к нам и увел меня к себе. Виновницу торжества я так и не видел. Она сидела где-то за спинами бабушек — Дарьи и Катерины, которая приехала на этот торжественный день.

Чай и начало обеда прошли очень чинно, в степенных разговорах. К обеду была подана бражка и «бело вино» — попросту водка. Началось взаимное угощение. Хозяин, протягивая шкалик кому-нибудь, сначала пригубливал сам, а затем следил за глотками угощаемого. Таков старинный обычай. Очень скоро Иван оставил старину и начал угощать всех попросту. Катерина — гостья, я гость — нам доставалось больше всех. Катерина была крепка; чем больше шкаликов она принимала, тем больше и остроумнее шутила. Я был не столь крепок и скоро заснул. Долго ли,

коротко ли спал, но оживленные голоса и звуки гармошки меня разбудили. Я вышел наружу.

Уже пригнали стадо оленей. Оно расположилось вокруг вежи. Хозяева и гости тоже высыпали на улицу. Многие олени расположились на отдых: одни лежали, другие стояли над ними, некоторые лениво бродили. Пройдет немного времени, и эти улягутся спать. «Именины» перебрались в домик Дарьи, где свободно можно было играть на гармонии, не мешая оленям отдыхать. Это Николай кое-как «музицировал», наигрывая польку и кадрили. Катерина потихоньку ходила, обнявшись с именинницей, в самой гуще стада. Они любовались оленями. Наконец бабушка нашла нужного оленя. Она тут же подарила его Таисии, внучке-имениннице. В знак этого события, уже в веже, она приколотла к кофточке девочки символ оленя — сложенную пополам спичку.

В тупе и стар и млад кружились в кадрили. Именины продолжались до поздней ночи. Ни шума, ни ссор не было. Мне рассказывали потом: если и случится ссора, то на другое утро или днем тот, кто считает себя виноватым, идет к другому и винится перед ним, прося прощения.

Что греха таить, вскоре я опять заснул. А пробудился от смутного чувства, что кто-то тут находится, рядом со мной. Открыв глаза, увидел Катерину. Было уже сумеречно. Катерина посматривала на меня и веселым голосом выговаривала песенку-импровизацию: «А-а-а-а, а Ладымер-то спит и глазом не глядит...» — и еще что-то. Подошел пес Сергея Скерко и лизнул меня в самый нос. После этой любви я проснулся окончательно.

Немного об оленеводстве мотоквов

В стаде оленей.— «Оленья сказка»

I

Сегодня мужчины решили не ходить на караул в стадо. Все благоприятствовало тому, что «стадо этой ночью само и без пастуха управится». Стадо поставили на место, хорошо известное. Это была долина ручья, сбегавшего с горки над озером. Долина вытянута километров на пятьдесят с юга на север. В ее верховьях, немного вправо, виднелась плоская возвышенность — «тундрушка», как называли ее все. Эта горка носила название Вшивая горка. Она сплошь за-

росла густым ягелем. Поэтому издали она походила скорее на хлебец, покрытый молочно-зеленоватой бархатной шапочкой.

Хозяин стада, или, вернее, старший пастух, Иван Агиев, опытный оленевод и человек очень наблюдательный, как и все саамы, «прислушался» к ветру, посмотрел на облака, на заход солнца, «прислушался» к себе — как он чувствует себя, пощупал снег и решил, что завтра погода будет такая же, как и сегодня, только ветер немного изменится — уйдет на север. Подмерзнет.

Олени всегда идут против ветра. Достав из-под снега пучок ягеля, олень поднимает морду, вытягивает ее ветру навстречу и вдыхает ноздрями свежий воздух тундры. Если близок волк, олени учуют его издалека. Обоняние у них развито сильно, они улавливают запах человека за полтора-два километра. Зная это, мои новые знакомцы поставили стадо так, чтобы все олени, а главное вожак-важенка, были повернуты мордами прямо на запад, навстречу ветру. Сделав так, они уехали домой. Они уехали уверенные, что завтра утром, вернувшись на ягельную горку, они найдут на ней своих оленей только немного передвинувшимися к западу. Они знали, как олени будут передвигаться ночью по ветру. До ночи стадо будет идти на запад; ночью стихнет ветер, олени отдохнут, потом повернут вверх по ручью, в сторону севера. Другого пути им нет. Они не пойдут на юг, потому что тут на пути им встретится еще не замерзшее озеро. Если двинутся прямо на восток, они упрутся в каменистую, безъягельную гряду. С полуночи потянет северный ветерок, и стадо пойдет в его сторону. А к утру в вершине долины им уже приготовлено хорошее угощение в виде ягеля на Вшивой горушке. На заре олени любят подниматься на высокие места.

И действительно, утром пастухи приехали и нашли оленей там, где ожидали их увидеть. Волков пастухи не опасались — знали, что этого зверя в округе нет. Медведи уже залегли по берлогам. Следов россомахи неприметно, да и не очень опасна она в снежное время.

Пастухи окружили оленей, сбили их в стада и погнали домой на отдых, в ограду, окружавшую тупу и весь берег около озера, — так называемую т у р у. После обеда новый дежурный пастух с подобным же расчетом поставил оленей на новое пастбище. Остальные мужчины разъехались по своим делам.

Один поехал разыскивать отбившегося от стада больного оленя. Вскоре он нашел его, пригнал к дому. Болезнь определили: «чертова пуля». Принялись «лечить» по методу колдунов: «подобное уничтожает подобное». Болезнь вошла через горло, поэтому Иван стрелял из винтовки от зада оленя, вдоль спины, через рога, вдоль шеи. Обессиленное, измученное хворью животное лежало, тяжело дыша. Лечение не помогло — тогда оленя зарезали, пока он был живой, пока мясо его годилось в пищу.

Другой пастух поехал осматривать старые и ставить новые капканы на песца, лису и росомах; третий отправился посмотреть состояние озера: надо было посмотреть, каков ледяной покров, как лег снег, много ли мест, и каких, еще не замерзло. Со дня на день можно будет начинать промысел рыбы.

Совсем иначе поступили бы пастухи, узнай они: в округе бродит волк. Тогда не один, а два дежурных пастуха не отходили бы от стада. Они развели бы огонь, и не в одном месте, и поддерживали бы его всю ночь. Однако есть знаки своего дела, которые высказываются против костров. По их мнению, дежурный должен следить за собаками, не позволять им дремать, заставляя их внимательно следить за стадом. Изредка, видя беспокойство оленей, он должен стрелять в воздух холостыми зарядами. Зимой саамы так и стерегут свои стада. Но они ничем не стесняют передвижения оленей по пастбищу. Как олени хотят, вернее, как хочет или знает это важенка-вожак, так и ходят они, выбирая себе лучший корм. Именно поэтому саамская система выпаса получила название «вольная».

Саамы пасли своих оленей с определенным расчетом. Отвлеченно говоря, они заботились не столько об олене, сколько об ягеле. Поэтому олени у саамов редко бывали очень жирными, зато ягельники на лопарских пастбищах всегда в хорошем состоянии.

Дело в том, что ягель, этот лишайник, растет очень медленно. За год он поднимается примерно на один миллиметр, а для того чтобы возобновиться на чистом месте, ему нужно около сорока пяти лет (пока он достигнет своего полного роста). Саамы очень бережно относились к ягелю, несмотря на обилие у них ягельников и на прекрасное их состояние. По опыту пастухов-саамов, на оленьем пастбище можно пасти, без вреда для него, только раз в году, в крайнем случае два раза. Пасти оленей на одних и тех же местах подряд

несколько лет нельзя: ягель будет вытоптан или, во всяком случае, сильно пострадает. Поэтому лопари завели такой порядок: лет двадцать пять они пасут оленей сначала на одной пастбищной площади, по одному разу на участок, потом переходят на вторую площадь, где была залежь. Тут ягель отдыхал и давал прирост. Как только скормили ягель на первой площади, стада перегоняли на отдохнувшее пастбище.

Приходила весна, и лопари отпускали оленей на волю, в тундру, либо загоняли их в просторно огражденные участки. Здесь помещались дымокуры; оленям было хорошо, спокойно отдыхать от комара, хотя и не очень привольно они себя чувствовали. Оленьи ограды строили по-разному. Одни хозяева — так, чтобы поставленная на определенном месте изгородь отклоняла ход оленей в сторону, нужную пастухам. В других случаях огораживали удобный для оленя участок или ту часть берега озера или моря, где олени предпочитали держаться. Олени паслись и содержались на полуостровах, перегороженных в самом узком месте. Большинство саамов пользовалось оградами не круглый год, а только часть лета, весной, реже осенью. На лето олени отпускались на волю. Под осень их опять собирали и держали по ночам в оградах — турах, днем — «на руках». Зимой пасли под надзором пастухов.

Вольный выпас оленей летом и пастьба в изгородях освобождали их хозяев от постоянного пребывания около стада и позволяли им предаваться другим занятиям. Только изредка дежурный пастух ходил к оленям на их пастбища. Он смотрел, все ли олени целы, не вредит ли им хищный зверь, нет ли больных оленей и если есть, то чьи именно, не поломана ли изгородь. Дежурный должен был найти и возвратить на место случайно убежавших оленей, оказать помощь больным; по приходе домой он должен был обо всем увиденном рассказать соседям.

Некоторые из богатых саамов-оленеводов, имевших наемных батраков, в 1927 году начали держать оленей в изгородях все теплое время года. В этих случаях олени разводились очень хорошо. Один из стадчиков, то есть владелец большого стада оленей, применением изгороди умножил свое стадо до трех тысяч голов. Олени, содержащиеся в изгородях, отличались упитанностью и хорошим ростом.

Мы договорились с Петром: сегодня в ночь я пойду с ним пасти стадо оленей. Пригнанное с вечера на т у р у, сейчас оно отдыхало. Все олени, видимо, спали. Бодрствовала только одна важенка-вожак, та, что с колокольцем на шее. Она стояла, недреманная, с краю всего стада. Какой-то бык чесал рога о кусты. Тишина полная. Мы переговаривались шепотом. Я предвкушал предстоящие наблюдения. Картина была такая: опушка леса вокруг туры, покойное стадо, высокая луна, слегка затянутая туманом. Полный покой. Вправо уходила дорога, по которой мы погоним оленей на пастбище: я впереди, а за мною потянется все стадо. В п я т к е стада — Петр.

Едва светится окошко дома Дарьи. Оно совершенно занесено снегом. Зато из каменной трубы камелька летит в небо сноп пламени, даже слышится его гул. Вот пламя вспыхнуло — это Дарья подкинула дров.

Я вошел в тупу. Петр еще спал. Жена его уже готовила походную одежду. Значит, скоро отправимся на караул. Приготовил себе все необходимое на ночь: табак, трубку... Перед отправлением мы закусили и вышли наружу. Луна зашла за облако, было темновато и сумеречно. Петр сказал, что он пойдет позади стада с собаками и будет поднимать спящих оленей. Мне он указал направление по дороге, уходящей вправо. Идти до тех пор, пока он легонько не даст знать свистком, тогда следует остановиться. Я с ходу двинулся вперед и, как городской человек, пошел слишком быстро. Саамы так не ходят. А я, горожанин, получив указание, пошел поскорее его исполнять.

...Откуда взялся вихрь? Гул нарастал и уносился в сторону дороги. Олени стремглав летели направо, туда, куда стремился и я, но шагом. В темноте я не мог разобрать, в чем дело. Из тупы выскочили Сергей и Михайла, бабушка Дарья и жена Петра. Все они стояли у тупы, ахали и охали, что-то бормоча, свое, саамское, поминая господа бога. По земле шел гул.

Стадо оленей, теснясь и прыгая друг на друга, стуча рогами, скрипя копытами, мчалось в угол, где была выходная дорога. Оно уже убегало по этой злополучной дороге мимо меня, потрясенного непонятным явлением. Они убегали, обезумев от страха, им тоже непонятного; они убегали, не зная, от чего именно они бегут.

Собаки сорвались с места и с лаем мчались за оленями. Все мужчины выскочили из тупы и из вежи кто в чем был. Однако никто не поднял голоса, все говорили шепотом.

— Что ты наделал, Ладымер?! Где теперь стадо искать? Всю ночь мучиться придется! — И они начали одеваться, чтобы отправиться на поиски, вдогонку стада.

Я недоумевал: в чем я был виновен? Объяснить мне мою вину было и некому, и некогда. Петро давно уже был где-то в тундре, Сергей вообще безгласный мудрец, а Егор и Миша голоса не имели.

Одним словом, случилась беда! В том паническом состоянии, в котором олени убежали с площадки туры, они могут бежать очень долго, иногда без передышки километров пятнадцать — двадцать и больше, пока не устанут.

Удрученный своей виной, причины которой не знал, я вернулся в тупу. Дарья велела мне не шуметь, а ложиться спать, что я и исполнил. Это единственное, что я мог сделать, так как ехать помогать искать оленей — это было мне, так сказать, «не дано», совершенно не дано. Ни знания оленей нет, ни знания местности, ни знания приемов собирания оленей. И я лег.

Пастухи вернулись только на другой день, когда солнце встало. Им пришлось долго догонять оленей, собирать «лоскуты», то есть отдельные части оленьего стада, оторвавшиеся от основного ядра. Только к полудню другого дня они перегнали ядро стада и сумели повернуть его обратно домой. Здесь они установили его на туре. В дороге пастухи успокоили оленей: они не слишком гнали их, не подгоняли криками, собак своих посадили на сани или держали на вязках у себя за спинами; раза два дали стаду полный отдых, чтобы олени подкормились после ночного испуга и пробега.

За обедом на другой день объяснилось все происшествие: я слишком быстро прошел мимо стада. «В о л е н я х так не ходят». Олени не привыкли к быстрому шагу. Они испугались скорого движения и бросились прочь. Спасибо этой ночью был легкий ветерок. При другом ветре, может быть, пастухи еще и сейчас искали бы оленей!

III

Наконец я в самой гуще оленьего стада. Буду дежурить всю ночь вместе с Петром.

Петр не лопарь — он карел. Он полюбил оленя, это смирное животное, такое кроткое и красивое. Он увлекается оленеводством. Теперь в семье тещи, Дарьи Агиевой, он учится разведению оленей.

Когда он был холостым парнем, у него за душой было всего два оленя. Он задался мечтой: сделаться настоящим оленеводом. Поэтому, когда на берегу, в Западной Лице, где он жил, он встретил свою теперешнюю жену Пеклю и узнал, что за ней обещают хорошее приданое, целых тридцать пять оленей, он сразу полюбил ее, начал ухаживать за нею; скоро они сыграли свадьбу по саамскому обычаю, и он «ушел в лопари», в оленеводческую семью Агиевых.

Жизнь идет счастливо. Здесь его обучают оленеводству. Вот уже два года прошло. Говорят, еще года три — и тогда он совсем поймет оленя, а все равно до конца знать его не будет. Чтобы понимать оленя, надо быть природным саамом. Лопарь и сам есть олень — это надо понимать.

— Он может, он может, — говорят о нем и старый Игнат, и молодой Проней, немножко придурковатый молодой человек, однако крепко знающий свое дело.

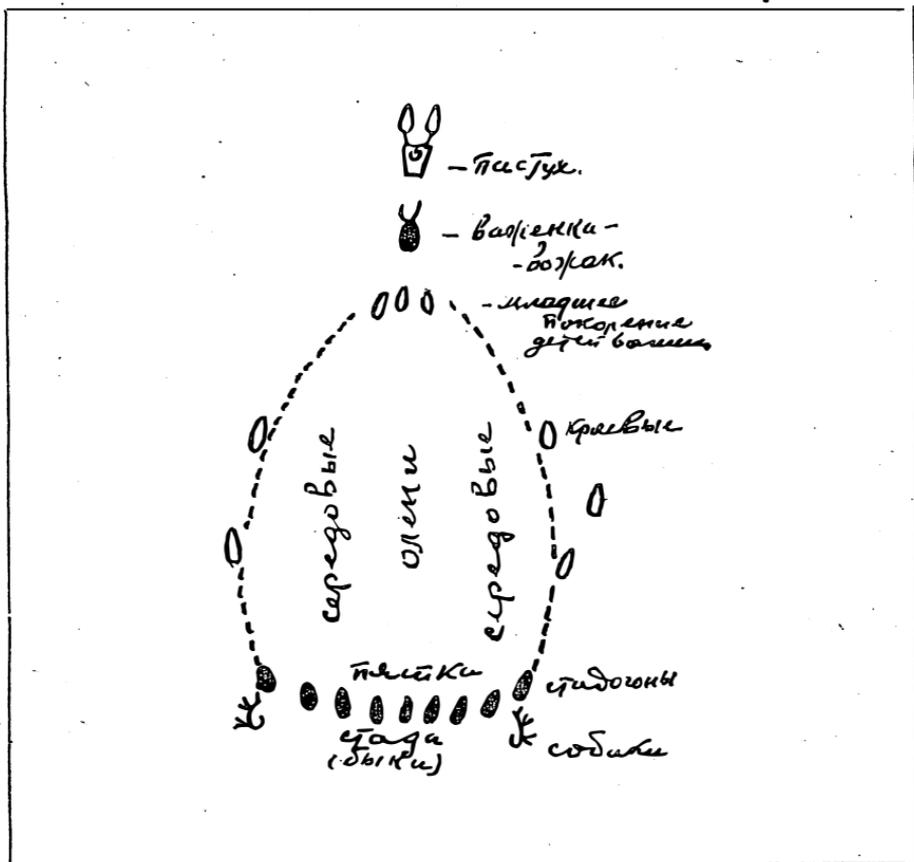
Я рад, что именно Петр взялся показать мне жизнь стада. Пусть он не саам и не вся пастушья премудрость ему известна. Он достаточно много знает из того, чего не знаю я. Остальные таинственные знания я усвою у кого-нибудь другого, у человека, действительно знающего дело, узнаю у з н а т к ѝ х стариков.

Петр показывал мне, тыкая в каждую оленицу пальцем:

— Вот самая сила — матери стада, матки, вокруг них держатся все их дети, от самого малого дитя до матерого быка. Быки держатся особняком, отдельно, а все-таки около маток. По этим маткам, или важенкам, саамы производят счет оленям. Они уж знают и хорошо помнят всех детей той или иной матки; недостающего всегда вспомнят.

Изредка, когда стадо начинает отклоняться в сторону от нужного направления, мы тихонько переходим наперерез оленям. Они остановятся, посмотрят на нас и отклонятся туда, куда им дан путь. Интересно: Петра олени слушаются, а от меня шарахаются в сторону, меня они боятся.

Одна важенка все время норовит обойти нас. Когда Петр тихонько отгонит ее в сторону или в середину стада, она все же выйдет на край стада и будет стараться выйти из него, уйти в сторону. Далеко она не уйдет, тут же будет ходить. У нее такой характер: она индивидуалистка. Она

любит ходить в одиночестве, однако в виду стада. Отгони от нее стадо, она потянется за ним, вернется в него ¹. Этих важенок называют а в т в а р р у х т е а л т, то есть «важенка одна ищет дорогу». Это они чаще всего становятся вожаками отдельных «лоскутов», то есть групп оленей, оторвавшихся от большого стада. Они же прежде всего становятся жертвами волков, медведей и росомых. Они неправильно отвлекают стадо в сторону. Эти важенки своей вредной повадкой разбивают стадо на части — на «ло-

¹ По наблюдениям автора, в стаде коров тоже имеются такие строптивые создания. Они стремятся оторваться от стада, уйти из него и кормиться в одиночку.

скуты». Это вредные оленицы, однако они, каждая в отдельности, лучше откармливаются, чем рядовые олени. Они более резвы в упряжке. Этих краевых важенок саам запрягает в сани или в кережу, когда ему нужна быстрая езда, выносливость ездового оленя.

Есть и другие олени, тоже краевые и тоже важеньки. Их так и называют — краевые. Они всегда пасутся с края стада, но своего, отдельного пути не ищут — они не вожаки. Они просто держатся на окраине стада, даже когда стадо бежит. Эти оленицы очень полезны. Они держат стадо в порядке, они его «уплотняют», как бы стягивают в один организм, который и называется «стадо». Эти важеньки не так боятся волков. Они — правда, редко, но случается — вступают с ними в бой.

Другое дело «середовые олени» и «середовые важеньки». Эти самки всегда держатся в середине стада, они боятся волка, они всегда окружены другими оленями, среди других оленей они чувствуют себя хорошо и спокойно. В глубине стада они лучше кормятся. Им необходимо быть окруженными другими оленями.

Есть и еще интересные характеры оленей. Это быки, которые уже постарше, — они идут в п я т к е стада, они его замыкают, не дают молодым оленям отставать. А еще есть «стадогоны» — тоже быки, они идут всегда на своем месте, справа или слева от пятки стада; это они придают спокойность передвижению всей массы оленей, и, говоря условно, скорость передвижению оленей задают они. Я говорю «условно» потому, что скорость зависит от человека, от пастуха, и от послушных ему собак. В числе стадогонов пасутся ездовые и ручные быки. Этим оленям саам доверяет перевозку самого дорогого, что у него есть, — младенцев в люльке; мать с люлькой тоже едет в санях, запряженных этими «мудрыми» оленями. «Он зря не ступит», «у него верная нога», «он думает», «с ним саам советуется». Среди этих оленей ходят священные (или посвященные) олени и манщики, то есть те олени, с которыми лоцари-охотники отправляются на охоту и за телом которых они маскируются.

Интересна категория оленей-стадогонов. Каждый олень-стадогон в глазах саама особая личность. У него свой нрав, свой характер, свои особенности и знания. Один может везти люльку, другой лучше помогает сдерживать кережу с хозяйкой и с детьми, когда они спускаются с горы под уклон. Третий лучше умеет обороняться от волка, лучше

слышит его приближение, голос и запах хозяина. Стадогону не боятся собак, они умело обороняются от них. Когда какая-нибудь шавка вздумает укусить стадогона за ногу, она получает по морде хороший удар копытом или рогом. Собаки уважают стадогонов и редко позволяют себе невежливое с ними обращение.

Общая масса оленей очень боится собак. Собаки это знают, неосторожных и ленивых оленей они даже умело кусают, когда олень зазевадается или не слушает, что ему велит собака. Совсем иначе обстоит дело с оленями мудрыми, со стадогонами. Эти олени держат себя по отношению к собакам очень независимо, они их отгоняют от себя, бодая или страдая рогами. Слишком назойливого пса такой олень, бывает, и лягнет, и здорово лягнет, так что собаки их боятся и лают на них только с расстояния. Если олень не понимает лая собаки, распоряжений хозяина, его позывных, собака дает знать хозяину лаем, словно жалуется ему.

В оленях сильно развит инстинкт подражания; они вечно насторожены, их нервы натянуты, как струны, они всегда следят друг за другом. Если следить со стороны, кажется, словно между всеми животными стада протянуты невидимые струны или, вернее, как бы невидимые резиновые нити. Эти нити не дают стаду разделиться или развалиться на части. Саамы очень не любят, когда это случается. В данном случае сказываются и разные суеверия, которые держатся в секрете. Интересно, что внутренняя связь стада, эти невидимые резинки, имеют притягательную силу только до определенного размера стада. Они очень слабы в стаде размером до 100—150 голов. Такое стадо очень трудно держать «на руках», как говорят пастухи. К нему необходимо присоединять еще некоторое количество оленей, хотя бы и других хозяев — это не имеет значения. Такое стадо уже образует внутренне жизнедеятельный организм. Стадо размерами более 2500 голов редко держат в одних руках, оно расплзается на несколько стад, и удерживать его в целостности трудно. Иначе говоря, уже необходимо прибегать к помощи лишних рабочих рук.

Когда Петр заметил, что олени стали «скучать», то есть кормиться лениво, что весь снег на пастбище, где мы держали стадо, основательно вскопан и умят, он согнал нескольких быков (стадогонов) на подветренную сторону и погнал стадо по ветру. Мы прошли всего каких-нибудь два-три километра. Интересно было наблюдать, как стадо

перемещалось. Впереди шла важенка с колокольцем. Если бы я знал местность или хоть что-нибудь понимал в оленьих пастбищах, то должен был бы поехать перед этой важенкой, а Петр держал бы в руках п я т к у стада. Но я ничего не понимал в этих делах и потому ехал с левого угла стада, а Петр — с правого. Все собаки шли с нами рядом или между нами. Если какой-нибудь олень отставал или выходил за края стада, собака обязательно тявкала на него, а бывало, и норовила укусить, но это не всякий раз ей удавалось. Не удавалось потому, что в пятке стада идут олени, умудренные опытом, рабочие быки, которые и сами могут задать перцу собакам.

Стадо, перегнанное на новое место, успокоилось и принялось за кормление. Только некоторые олени, подняв голову и вытянув морду вперед, жадно втягивали ноздрями воздух: они нюхали, чем пахнет ночной ветерок. Петр поставил свои сани рядом с моими и сказал, что теперь можно отдохнуть и поспать до утра. Волка не слышно, олени его не чувят. Собаки будут сторожить.

Цяка, словно поняв, что именно о нем идет речь, вспрыгнул на сани и уселся в строгой позе сторожа — «ушки на вострушке». Мохнатый Мехц присоединился было к нему, но Цяка его прогнал; тогда он улегся калачиком у моих ног, хвостом согревая нос. Тем самым охрану стада взял на свою ответственность Цяка.

Бывает, пастухи заснут слишком крепко, а ветер тем временем переменится или покрепчает мороз. Олени тронутся против ветра и пойдут куда-то вперед, туда, откуда ветер приносит им манящие ароматы. А бывает, и волк пугнет стадо, пока спит пастух. Оно сорвется и полетит против ветра, потом остановится, уже вдалеке, и начнет пастись как ни в чем не бывало — только вожак стоит на стреме и строго следит за округой. Пастухам нелегкая работа — найти убежавшее стадо, догнать его и вернуть во свояси.

Пастухи-ижемцы очень не одобряют подобных побегов оленьих стад, у лопарей же это довольно обычное явление.

Не спалось. Я сидел и наблюдал за стадом. Впрочем, оно ничем себя не проявляло — мирно и усердно кормилось, уткнув головы в глубокий снег; из-под толщи его олени добывали ягель. Я знал: они никуда не уйдут до самого утра. Вскоре и я заснул, положив голову на спинку саней... Проснулся же один-одинешенек на опушке леса. Ни стада,

ни единого оленя, ни Петра, ни собак... Но где-то впереди, из-за склона увала, слышался особый шумок, характерный для оленьего стада. Слышалось и позвякивание колокольца важеньки-вожака. Изредка раздавались позывные Петра и вопросительное тьяканье собак. Видимо, они не всегда его понимали. Значит, одному Петру трудно управляться. Я поспешил к нему на помощь и скоро оказался на склоне пологой горы. Позади лесá и перелески, впереди открытая местность с озером посередине. Снежный покров пестрел порослью кустарниковой березы, а самая вершина горы блистала снегом. Это было очень красиво, особенно в сочетании с картиной широко раскинувшегося стада. Видимо, под снегом находился хороший ягель, потому что олени с головами ушли в снег. Они не слушали ни собак, ни голоса Петра и захватывали все большую площадь выпаса.

Петр был рад моему появлению: стадо слишком распозлось. Он послал меня в объезд правого крыла и дал собаку — Пеку. Собрать стадо он решил на южном берегу озера и уже оттуда двинуться домой. Было совсем светло, а небо тяжелое, темнее снега. Впереди уже светилась желтая полоса ранней зари. Подмораживало.

Оказывается, Петр нарочно распустил стадо — пусть прогуляется на вольном просторе, оленям это нужно. Мы начали сгруживать стадо в одно. Моя задача была кружить на санях по краю стада с правого крыла и спугивать оленей к середине всего стада. Пека понял мой маневр и довольно удачно помогал, хотя ему и доставалось от строптивых краевых важенок.

Петр занял командную позицию на маленьком холмике. Отсюда он послал своего Цяку вокруг левого крыла стада. Он все время давал ему команду особыми криками. Передать их затрудняюсь. Цяка, безусловно, гениальный пес. Он не спускал глаз с Петра; бежал вправо, пока Петр ему это приказывал, потом, по команде Петра, мчался назад, влево; олени перемещались к Петру, все время уплотняясь. Иногда Цяка вдруг останавливался, замирал, не спуская глаз с Петра. Он не понимал указания хозяина. Тогда Петр, продолжая посылать команду голосом, помогал знаками руки до тех пор, пока Цяка не постигал, в чем дело. Ну и доставалось же в этих случаях некоторым оленям! Наблюдать все это было истинное наслаждение, хохотать хотелось при виде непонимания Цяки, и трогало все это до глубины души. Как жаль: сколько кинооператоров бывало

на Севере, производило съемки оленей, оленьих стад, но этой совершенно изумительной картины я еще ни разу не видел в кино. Эти сцены заслуживают особой съемки. Ведь они восходят к глубокой древности!

— Рря-а-а,— крикнул Петр очень громко, с особым оттенком в голосе.

Цяка, который находился вдалеке от хозяина, встрепнулся, уши стали торчком — он был весь внимание. «Рря-а-а», — снова крикнул Петр и сопровождал свой жест такими модуляциями голоса, которые невозможно передать буквами. Цяка понял, подскочил и ринулся в мою сторону, на помощь Пеке. Вдвоем они быстро, бегая взад и вперед по краю стада, начали сгонять его к озеру и сгрудили его. Петр, в ожидании меня, сошел со своих саней. Некоторые олени уже успели напиться воды в незамерзающем ручье. Мне оставалось только подъехать к пятке стада со стороны своего, правого крыла. Мы покурили и через несколько минут двинули все стадо домой, на туру, на отдых. Солнце уже готово было подняться над горизонтом.

И опять мы шествовали в торжественной процессии: впереди мои сани, затем вожак-важенка с колокольцем, потом стадо, за ним пятка стада — отцы-стадогоны. По краям от них собаки. Гнал все стадо Петр. Он сказал, что вот с вершинки, что виднеется, увидим тупу Дарьи. Отсюда прямоком, держась на тупу, — дорога сама придет. И дорога пришла.

Часам к одиннадцати-двенадцати стадо расположилось на отдых. Федора накрывала на стол. В котле, который висел на цепи, уже уварилась свежая рыба — сига, палыи, гольцы. Признаться, вареная рыба каждый день, хотя и очень вкусная, изысканно вкусная, надоела. Поэтому приятной неожиданностью был подарок Дарьи. Она каждому, кто сидел за столом, положила по одному отлично поджаренному сигу, а Петру, Сергею (он был поддежурным) и мне достались крупные гольцы, исключительно вкусные.

IV

Как-то вечером, еще до того, как я начал ходить на рыбную ловлю, но уже несколько раз ночевал и дневал в стаде и уже ничего нового из жизни стада мои хозяева мне не сообщали, я задал несколько вопросов деду Игнату. Этот дед был наш ближний сосед. Он частенько наезжал к нам

в гости вместе с другими соседями для того, чтобы побродить в стаде Агиевых и изъять из него своих оленей. Он слишком много помалкивал. Бывало, он мешал моим беседам с Дарьей — старушкой тоже не очень-то разговорчивой.

Однажды я пристал к Игнату с разговором и выложил сразу несколько вопросов:

— Почему олени — самец ли, самка ли, бык ли, — будь они из чужого стада или даже другой породы, попав к нашим оленям, держатся их общей массы, не уходят, тогда как олени из этого стада порой крепко их шпыняют? С другой стороны, почему быки весной отделяются от стада важенок, от вожака и ходят отдельно? А летом все: и быки, и важеньки с телятами — ходят как бы раздельно, а все-таки словно и сообща и даже подчас соединяются вместе. Так ли это? Стадо диких оленей принимает в свой состав домашних оленей — и саамских, и терских (русских), и ижемских. А бывает, дикари их отгоняют. Но приживутся они — и тогда делаются своими для дикарей. А вот дикарь никогда в стадо домашних оленей не войдет. Почему? Редко, очень редко это бывает.

Дарья испуганно оглянулась на деда Игната, будто я задал ему какой-то дерзкий, недозволенный вопрос, за который могут потянуть к ответу.

Однако дед Игнат остался совершенно спокойным.

— У каждого хозяина свое н и ё с с е ¹, поди знай, почему и отчего оно бывает. Вон у Катерины и у Романа все олени держатся дружно. К их стаду и другие олени льнут, к нему собирается больше оленей, а к другому меньше. К Дарье тоже хорошо идут: у вас тура хорошая, пастухов много, все дружно живут, это олени очень знают. А ты как думал! А к другому хозяину, вот хоть бы ко мне, не льнут! А уж я ли их не знаю? Я оленей берегу, лечить могу, как деды учили... Вот завтра придет один мужик... Он тебе расскажет с а к к у, по-русски сказать — бывальщину. Он знает. Может быть, он и объяснит тебе что ли то, а я не берусь.

¹ Ниэссе — труднопереводимый термин из области оленеводческого хозяйства и пастушества саамов. По смыслу это слово надо понимать примерно так: «нет у него мощи связи оленьего стада», а также удачи, счастья в держании стада оленей, в хозяйстве; то же и в отношении оленей этого стада, то есть счастья оленей в этом хозяине.

Жил старик. У него оленей было мало. Сам он был знаткой человек, мог маленько поколдовать. Ну а все-таки настоящей силы ему не хватает, и нет у него счастья в оленьем хозяйстве. И думает он: «Как бы мне оленей поднять, оленья стадо свое увеличить?»

Он обратился за помощью к сильно знающему человеку, попросил, чтобы тот помог ему поднять оленей. Тот согласился, и они оба легли спать крепким сном. Знают, уж как тут, при этом деле, надо спать. Каждый лег в своей веже.

Спят они.

И этому старику снится сон. Видит он, что многознающий превратился в оленья-самца, х и р в а с а.

Хирвас побежал на юг. Старик вслед за ним. Что дальше, то быстрее бежал хирвас. Старик поспекает за ним. Они бежали, бежали и очутились на болоте. Тут жировало большое стадо оленей.

От стада отделился вожак-хирвас. Он рога вниз и пошел навстречу хирвасу-многознающему. Оба сошлись воедино и начали битву. Хирвас - знающий

«Оленья сказка» победил хирваса — вожака стада. Он свернул ему шею.

Хирвас-знающий погнало стадо и сделал так, что стадо признало его своим вожаком, а старика признало своим хозяином.

Новый вожак пришел к старику как к хозяину и спросил его: «Где установить для этого стада твое оленья счастье? В каком месте велишь вбить чёрвечулт — роговой гвоздь, куда привязать державу счастья твоих оленей? Я сотворю это х и г н а м и из м я н н ы ¹ — из меха на рогах молодых, растущих оленей».

Хозяин велел: «На Зайцеву горушку!»

Хирвас - многознающий пригнал стадо на Зайцеву горушку и вбил тут чёрвечулт; он привязал к нему хигнами из мянны оленья счастье этого стада.

Тут старик пробудился. Проснулся и думает: «Вот я видел какой сон! Если этот сон сбудется, то у меня будет много оленей!»

Он разбудил старуху.

«Вставай, старушка. Надо приготовить богатый обед из самого лучшего угощения. Я видел очень хоро-

¹ Хигна — вязка; мянна — нежный мех, покрывающий молодые ростки оленьих рогов.

ший сон. Надо нам позвать гостя, того многознающего человека, которого мы просили помочь нам».

И вот жена приготовила лучший обед, а муж поставил на стол сулею вина. Он оделся в свою лучшую одежду, жене велел надеться в самое красивое платье. После этого он пошел пригласить к себе в гости сильно знающего человека.

Гость пришел, и они стали угощаться, пить вино и пировать.

Хозяин спрашивает знающего:

— Что ты видел во сне?

Знающий отвечает ему:

— Зачем ты спрашиваешь? Ведь ты сам ходил

со мною и видел всю мою работу. Все, что ты просил, все тебе сделано по твоей просьбе. Ты мне велел вбить чёрвечулт на Зайцевой горюшке и привязать оленьё счастье хигной из мянны?

Хозяин ему в ответ:

— Во сне я видел все, что ты сказал.

— Стадо тебе пригнано, оленьё счастье удержано, след, по которому стадо гнали, убит. Твое оленьё счастье утверждено. Этот прогон стада — твой прогон, его никто не сможет оттянуть от тебя.

Когда они расставались, хозяин сказал:

— Спасибо тебе, Великознающий!¹

— Ну, понял ли чего-нибудь?

— Ничего не понял.

— Вот и я не знаю, как это бывало, а бывало. Рассказал тебе, что сам понимаю, и Петр тебе хорошо рассказал, а что не понимаю, то не спрашивай, забыто оно. Вовсе забыто. Оленьё счастье человеку дано от оленьей породы, и надо беречь его, а не губить ягели нашей земли. Вот я так говорю, я правильно сказал!

Подледный лов на озере Кошклубол

Мужчины еще не закончили отбивку оленей от своего стада, а также отгон их к чужим стадам, а уж надо было приступить к рыбной ловле.

Особых сборов не было. Однажды утром, сразу после подъема, как-то немного затянули утренний чай. Это случилось потому, что укладывали на сани и в кережи сети.

¹ Петр Васильевич Сарванов, 52 лет. Февраль 1936 года.

Затем все сразу собрались к столу. Оказалось, к отъезду готовы Федора, Василий и Анна со своим сынишкой Петрусем. Еще вчера Иван и Николай ездили на озеро Сяврушко и пробили пешнею лед. С той же целью, в сопровождении Ивана, мы едем сейчас на озеро Кошклумбол.

Выехали на трех санях: на передних — Иван с Федорой, на вторых — часть сетей, на третьих — остальные сети и я. Василий и Анна уже уехали вперед: они торопились на озеро начинать пешить лед. Снаряжение — пешни и колышки для установки сетей.

Озеро Кошклумбол — одно из захудалых. По отзывам хозяев, оно изобилует мелями, а в одном месте «живет» крутая глубина, но главное, в нем много каких-то червей, которые сильно вредят сетям. Характерная черта этого озера — оно является как бы особым заливом от русла речки, впадающей в озеро Нял, с которым связана сага о старом Няле, национальном герое саамов. В середине озера Кошклумбол скалистый остров, а против него небольшая, но быстрая протока, соединяющая это озеро с Нял-озером.

Когда мы приехали, Иван уже пробил несколько прорубей для установки сетей. Затем он собрался и уехал, захватив с собой Петруса, чтобы предоставить его заботам бабушки. Было слишком холодно, и мальчик уже начал замерзать. Федора и Анна очень скоро разобрались, где какие проруби пробиты и для чего.

Мне поручили очищать проруби от льда, потом я должен был вырубить ямки для прогона н о р и л а¹ и, наконец, проделать самое протягивание сети подо льдом. Последняя работа мне понравилась больше всего. По крайней мере можно было и пробежаться немного, и согреться. А главное, чувствовалось удовлетворение работой. Протащил сеть, как положено, — значит, поставили еще один снаряд для ловли рыбы. И какой рыбы!

Мы нарочно поставили одну сеть в самом рыбном «Иордане», иначе говоря, в проруби, а сами продолжали работать в других местах.

Во время возни с этой первой сетью было над чем поразмыслить. Ни Федора, ни Анна не отличались общительностью. Либо они не могли, либо боялись нарушить наказ —

¹ Длинный шест (или доска), с помощью которого протягивают сеть подо льдом. (Прим. ред.)

ничего мне о рыбной ловле не рассказывать. Кто знает, может быть, у меня «дурной» глаз! Как бы там ни было, они не хотели или не могли рассказать мне, каково движение рыбы в озере и почему именно так, а не иначе мы ставили сети. В этом случае у меня был некоторый опыт, и я решил знаки на карте хода рыбы поставить сам. Все это я делал по своему опыту. Самая постанoвка сети раскрывала скобки этого немудреного секрета. Если же и вкралась в этом случае какая-нибудь неточность, то, надо надеяться, читатель не будет в претензии за этот промах. Другого выхода у меня не было. Вернее, он был, но требовал длительного совместного жительствоа с моими рыболовами.

Установку сетей начали с северного конца озера, причем порядок установки и процедура соблюдались следующие.

Пешнею делают маленькую прорубку во льду. Если глубина оказывалась достаточной, то есть полторы сажени, прорубь расширяли в длину на два шага, а в ширину — на полтора шага, причем в длину она располагалась вдоль линии растянутой сети, которую раскинули заранее. При этом сети тщательно расправляли, распутывали и развязывали сбившиеся узлы. Федора уже растянула сеть на всю ее длину, отметила место для проруби, которое было взято ею немного короче общей длины сети. Разница приходилась на «провес сети».

После этого сеть снова собрали к первой проруби. Теперь начинается работа по самой установке сети: вырубают первую прорубь, прорубают две-три промежуточные маленькие прорубки для норила, очищают проруби ото льда и, наконец, укрепляют колышек, к которому привязывают задний конец сети. К переднему ее концу на длинной бечеве привязывают норило. Норило с привязанной передней частью сети опускают в воду. Резким толчком направляют его в ближайшую маленькую прорубь, отсюда к следующей, и так через все промежуточные лунки. У последней проруби стоял я, ловил норило и тащил его вплоть до того момента, когда в последней проруби появлялся передний конец сети. Как только Федора давала знать, что сеть хорошо натянута, я отпускал тяж, она укрепляла сеть особым крючком во льду, точно так же, как и на другом конце сети. Это обычная картина, хорошо знакомая каждому, кто хоть немного интересуется зимней ловлей сетями. Внимания заслуживает только большая составная сеть, протянутая с северо-востока на ост-

ровок. Между сетью и островом залегло значительное углубление дна. Оно остается незанятым сетями по той причине, что осенью рыба этого углубления избегает. Не есть ли это углубление знаменитый «рыбный дом», о котором мне так настойчиво рассказывали в Каменском погосте? Из членов семьи Дарьи никто о «рыбных домах» будто бы не слышал.

Для женщин труд по установке сетей нелегок. Установив двенадцать сетей, все участники нашей поездки заметно устали. Под вечер они брали только выносливостью. И все же, когда непроизвольно слишком низко поставили одну из сетей, они начали ее переставлять заново. Я утомился настолько, что раза три-четыре чуть-чуть не упустил в прорубь пешню. Приехал Василий с другого озера и тоже жаловался, что пальцы не держат. Федора на установке шестой сети начала избегать пешить, хотя понемногу продолжала свою работу. Начав установку сетей часов в девять-десять утра, закончили ее, когда уже было совсем темно, часов в шесть вечера. За семь часов поставили пятнадцать сетей.

Перед отъездом посмотрели первую поставленную сеть. Улов был неплохой. Я не успел подсчитать, как уже начали дележ. Производила его Анна следующим образом.

Одинакового размера и качества рыбыны подбирались одна к одной по четыре штуки. Затем представители семей брали себе по одной рыбыне. Предложили и мне — я отказался в пользу Дарьи. Оставшаяся сверх четного количества рыба была зачтена для следующего раздела. Улов был хороший. Василий объяснял это тем, что мы, устанавливая сети, шумели и тем самым пугали рыбу; она шаркалась в стороны и попадала в сети.

Нам попались в сети палья, голец, кумжа.

Приметы саамов по рыболовству: снежные годы — нерыбные годы, ранний снег очень плох для улова рыбы, она уходит в глубину; для добычи рыбы лучше всего морозная осень с замерзшими озерами, без покрытия снегом.

«Там могут жить два петуха и три курицы»

(Оседание лопарей)

Если до этого мы, автор и читатель, жили как бы в среде самого народа саами, то теперь надо несколько отойти, перенестись на краткое время в совсем другие сферы.

У царя и его приближенных в 60—70-е годы прошлого столетия сложилось о Севере самое превратное и безграмотное представление. «Там могут жить два петуха и три курицы»; «Север — бесплодная окраина: несравненно целесообразнее и выгоднее просто все северное население переселить в другие местности» — так говорили царские сановники.

Такая формулировка подтверждает указание одного из престарелых членов бывшего Вольного Экономического общества на то, что в правительственных кругах высказывалась мысль о продаже Кольского полуострова Англии, подобно тому как это было сделано с Аляской. Среди стариков поморов эта версия жила еще в 20-е годы нашего столетия.

Когда слухи о подобном намерении разнеслись по столице, лучшие люди того времени собрались в стенах ученого Вольного Экономического общества. Они сделали все возможное, чтобы об этом собрании знало как можно больше людей. Были приглашены на это собрание и видные сановники царя.

На нескольких собраниях ученые прочли лекции об истории Мурманского края, о промышленном расцвете Мурманска в XVI, XVII и XVIII веках, о его скрытых богатствах и недрах, о том, что надо сделать для нового расцвета окраины с единственной на севере русской земли незамерзающей бухтой.

Ученые предложили: построить Мурманскую железную дорогу; прорыть Беломорский канал, о чем мечтал еще Петр Великий; по Белому морю пустить пароходы.

О народе саами ученые сказали так. Наши лопари ведут нищенский, кочевой образ жизни; они безграмотны все до одного; правительство должно помочь народу саами. Прежде всего должны быть открыты школы. Надо отпустить средства для помощи саамам, желаемым обзаводиться оседлым хозяйством — коровами, огородами, теплыми жилыми домами. Ученые доказывали: Мурманский край — один из самых богатых в России.

Живое слово, как громом, поразило людей того времени, расшевелило даже и царских чиновников, и лиц, приближенных ко двору. Все заговорили о Севере. И хотя еще находились люди, которые называли лекции в Вольном Экономическом обществе «сказками из тысячи и одной ночи», все же правительство решило заняться Мурманом серьезно.

И вот по всему Северу было объявлено: кто хочет поселиться на Мурмане оседло, на вечные времена, тому правительство даст разные льготы и пособит деньгами на обустройство хозяйства. Что касается саамов, то им было разрешено бесплатно пользоваться лесом для построек, если они будут переходить на оседлость.

И все.

Русские поморы с радостью ухватились за эти льготы и начали усиленно, массами, переселяться на Мурманский берег. Им в этом содействовали и специально организованное частное общество с великими княгинями во главе, и губернатор, и его чиновники, и полиция. Поморам раздавались деньги, им привозили на новых пароходах строительные материалы, их снабжали сетями, неводами и всем, что необходимо для морского рыбного промысла и для житья-бытья на берегу Ледовитого океана.

Все это было очень хорошо. Но вот что было скверно и жестоко.

Поморов поселяли на тех землях, на тех промысловых угодьях, где с незапамятных времен обитали саамы, где они промыслили себе на пропитание. У саамов отнимали их угодья и сажали на эти места новых рыбаков — русских. Чиновники просто приходили и прогоняли лопарей с их насиженных мест. Так переселяли некогда саамов Кильдинского погоста, Семиостровского и других.

Саамы были так напуганы этим гонением, что им казалось: царское правительство хочет их сжить со света. Они удивлялись, что никто их не убивает, как бывало в старину. В это время между саамами ходил суеверный слух: «саамов хотят поднять на воздух». И опять, как во времена «подземной войны», как при монастырях, некоторые из саамских погостов поднимались всем сельским обществом и переселялись в глубокую тундру на малорыбные незанятые речки, на озера.

Писатели и ученые, бывавшие в это время на Мурмане и видевшие сами творимую беззаконность и несправедли-

вость, писали обо всем этом в журналах, в книгах, делали доклады в ученых обществах, посещали сановников, говорили о недопустимости подобного отношения к малому народу. Они убеждали, что народу саами надо помочь, а не оставлять на произвол судьбы в его нищенском положении, что приемы освоения Мурманского берега губельны для саамов, что безрассудные действия властей могут погубить этот народ. Они указывали, что единственный выход из бедственного положения — это переход саамов на оседлый образ жизни; что необходимо помочь им обзавестись крупным рогатым скотом; что им необходимо заняться сенокосением. Они убеждали царское правительство помочь саамскому народу. И «убедили».

Правительство решило помочь малому народу — кочевникам.

Что же оно делает?

Из канцелярии министерства внутренних дел послали архангельскому губернатору пакет. В канцелярии губернатора бумагу из пакета вынули, аккуратно переписали и размножили по числу волостей, вложили в другие конверты. К каждому конверту приложили по кусочку гусиного пера, перо и конверт залили сургучом, пристукнули печатью, и депеша за депешей полетела с курьерами на Мурман.

Если на пакете ставили печать с пером, это значило: бумага важная, особо спешная! «Почтальон! Скачи сломя голову!» И курьеры «скакали». Это значило, что какой-нибудь старик или баба с сумкой шли по болотам или по лесам Севера от деревни к деревне. Они несли почту, в частности и эти конверты с пером, в сумке почтальона.

Бумага «прилетела» в город Колу, прямо к становому приставу на стол. Становой не посмел ее сунуть под чернильницу или под сукно: «После чайку прочту». Не тут-то было: бумага с пером! Ни о каких вольностях и думать нельзя! Дрожащими руками становой сломал печать. Уж не смещают ли его с должности с отдачей под суд? Ведь не существовало на свете ни одного станового, у которого не было бы рыльце в пушку!

Становой прочел бумагу, зевнул, положил под сукно, продиктовал писарю какую-то бумажку и пошел спать. Уже засыпая, он велел супруге печь пироги на дорогу и приказал еще уряднику готовить на завтра оленей в дальнюю дорогу.

Но на этот раз становому не удалось заснуть. Приехал какой-то столичный священнослужитель. В руках пакет, и тоже с пером! И ему приказано ехать «по лопарям».

На другой день миссионер и становой отправились в дальний путь. Ехали они долго. От селения до селения верст по сто, долго нужно было добираться от погоста к погосту.

Саамы еще издали слышали бубенчик станового и... мигом на оленей да из погоста вон! В деревне остались бабы с детьми, старики да десятский, один за всех. Десятский станового встречает, провожает на съезжую вежу, то есть к себе домой, поит и кормит его и разговор ведет по чину, а сам из беседы выясняет: за каким лучшим высокие гости пожаловали?

На Севере было не так, как «в России». Становых и исправников никто не боялся. Становой на Севере был последний человек. Становых не уважали, и без особой нужды никто их к себе на порог дома не допускал. А чтобы «не пакостили», все понемногу подкармливали их. Это делалось без особого уговора, а так уже повелось. Поэтому становой был человек не опасный, скорее даже зависимый. Становому можно было запросто сказать: «Так-то и так-то, ваше благородие, что вы приехали, то это ничего. Мужики скоро вернутся, и можно будет поговорить о ваших делах. А вот батюшка? Он-то к чему приехал?! Народ сомневается. Вы бы, ваше благородие, на обратном пути к нам один на один заехали. Мужики с у й м (сход) соберут обязательно!» Становой понял и на другой же день уехал.

А батюшка остался ждать возвращения мужиков. И вот батюшка живет в погосте. Ждет, когда вернутся саамы из своих оленьих стад. А саамы ждут, когда у батюшки лопнет терпение и он уедет в соседние погосты и там будет говорить о вере, о спасении души. Этих разговоров саамы пуще всего избегали — боялись хуже исповеди.

Проходит день, другой, третий, неделя. Два раза женщины ездили в тундру и отвозили мужьям и сыновьям хлеба, рыбников, чтобы мужики не скучали. А батюшка все сидит и ждет, когда вернутся хозяева. Знает уж: если он уедет отсюда без проповеди, та же судьба постигнет его и в других селениях.

Десятский перестал уверять батюшку, что саамы вернутся завтра. Наоборот, он говорил теперь, что саамы уехали

далеко и вернуться не скоро, что и люди из других погостов также уехали по своим стадам и не скоро будут домой.

Но батюшка оставался неумолимым, он упрямо сидит и ждет. Уже давно грызут его вши, он то и дело почесывается, он потерял свой важный, столичный вид, он закоптел, руки загубели и почернели, он провонял кислой рыбой, волосы, давно не мытые, сваялись в паклю, голова зудит и чешется; батюшка злится и нервничает.

Наконец он не вытерпел. Вызвал десятского и велел созвать суйм из одних только женщин и детей.

Десятский побежал созывать собрание. Бегал, бегал и вернулся обратно. Бабы без мужей не идут. Мужья из о л е н е й не возвращаются. Олени ушли далеко в тундру, там их ловят, когда изловят — неизвестно. Бабы на оленях не ездят (врет — прекрасно ездят), послать за мужчинами в тундру некого. Простаку ясно, куда клонит десятский: «Лучше бы вам, батюшка, вернуться в Колу. В другой раз приедете — все дело ваше справим сразу».

Но вернуться в Колу без единой проповеди — это совершенно немыслимо. И батюшка решил ждать.

И пересидел-таки баб. Жизнь погоста остановилась. Без отцов, без мужей, без дружков и без сыновей стало жить немноготу. Однажды женки обсудили, что так-то и конца не будет. И собрались они, и пришли на съезжую слушать проповедь.

То ли батюшка в тот день переспал, или не с той ноги встал, или зло его взяло, или вообще в его правилах было произносить устрашающие проповеди, но только ту проповедь саамские старушки-вековушки до сих пор не могут вспоминать без дрожи и выражения ужаса в глазах. Свою проповедь батюшка начал добрыми словами, он улыбался; приветливо блестели его белые зубы, когда он произносил свои малопонятные слова. Старушки сидели против проповедника, смотрели ему прямо в рот, кланялись и приговаривали: «Так, так, батюшка». Девки забились глубже в углы и скоро заснули. Что дальше, то больше батюшка расхотелся, а потом так раскричался, что голос его гремел уже, как гром, а зубы сверкали, как клыки у старшего черта в преисподней. Девушки проснулись. Грудные младенцы заплакали. «Дети восплакали», — хвастал он уже дома, в столице. Ничего не замечая, батюшка грозил адом крошечным, огнем и железными тисками тем, кто будет верить старым, лопарским бо-

гам. Тут-то старушки испугались. Одна за другой начали они выползать из вежи домой. А батюшка, словно в ярости, продолжал кричать, что он сам, собственными руками, разложит посреди улицы костер и живьем изжарит всех богомерзких идолопоклонников. Эти угрозы он произносил уже почти перед пустым домом, так как даже девки убежали.

Утром проповедник уехал. Старушки перекрестились и облегченно вздохнули. Вернулись домой мужа и отцы. Жизнь вошла в свою обычную колею, потекла по-старому, тихо и мирно. Дети умирали без врачебной помощи, ребята оставались безграмотными, колдуны и бабки лечили наговорами, троекратными «дунь-плюнь», засаленными веревочками, тряпочками, мочой и звериным салом.

На обратном пути из дальней своей поездки становой таки завернул в наш погост. Теперь все мужчины были в сборе. Они с интересом выслушали из уст самого начальника обращение к ним губернатора с понуждением «переходить на оседлость». Саамы угостили хозяина вежи, где остановился их благородие, водкой: пусть посмелее ухаживает за высоким гостем. Хозяин потчевал и гостя. В добром расположении духа становой рассказал, чего хотят власти от саамов.

А власти хотели, чтобы они оставили свою кочевую жизнь, чтобы разводили коров и лошадей, косили бы для них сено, чтобы сеяли травы, садили бы картошку и репу, чтобы строили большие дома, как у русских поморов, и ходили бы в церковь. Мало того, они будут учиться по книжкам, их научат знать и помнить все названия церковной утвари и одежд и что они значат: орать, стихарь, епитрахиль, камиллавка, октоих, катехизис. Одним словом, власти желали, чтобы лопари перестали быть лопарями, а сделались такими русскими, каких еще и на свете не бывало.

— Переходите в русские люди, — сказал к концу своей речи становой, — а государь и я, становой, вас не оставим. Для начала вот вам льготы: кто хочет переходить на оседлость — руби лес даром; кто хочет получить семян — приезжай в Кюлу, семян дадим вволю, — так закончил становой.

Саамы переглянулись, однако смеяться не посмели. В самом деле: лес они и так брали даром, а о семенах не имели понятия. Однако пошумели, поговорили для приличия, сделали между собою раскладку стоимости двух песцов и,

смиренно кланяясь становому чуть не в ноги, просили его как-нибудь это дело уладить, то есть чтобы их не загоняли в русские, а позволили им остаться лопарями.

Становой поломался для виду — дескать, как это он тут может что-нибудь сделать, это воля самого государя и губернатора. Но почувствовал, что кто-то сзади провел ему еще одним мягким песцовым хвостом по шее, и обещал все устроить в лучшем виде.

Саамы поставили на бумаге, изготовленной еще в Коле, свои клейма, и становой, очень довольный самим собой и лопарями, вернулся домой.

На другой день по возвращении станового пристава в Колу в канцелярии пятого стана писарь лихо писал такую бумагу:

«1867 года, марта 8 дня, крестьяне Семиостровского погоста, проживающие в становичье Харловка, на сделанное предложение им заведующим пятого стана Кемского уезда Лисенко о перемене кочевого быта на оседлую жизнь, отозвались, что оседлая жизнь для них будет в тягость, а главное, природная привычка к кочевью при перемене на оседлую жизнь будет иметь вредное влияние на здоровье, а притом совершенно не умеют они обращаться с рогатым скотом, а через то не может размножиться скот, да еще и не имеют в виду таких местностей, где можно устроить постоянное жительство, которое бы вознаграждало за все згодья (угодья), какими они пользуются при кочевой жизни, а на этих згодьях у каждого из них по силе состояния и обзаведения, которых при перемене образа жизни они задаром должны лишиться, и потому желают остаться при кочевой жизни. В чем по безграмотству своему доверяем вместо себя приложить руку». (Одиннадцать подписей.)

Кончил.

Становой после обеда подписал препроводительную бумажку, писарь вложил еще несколько таких же заявлений в конверт, прикрепил перышко, залил его сургучом, пристукнул печатью, и опять полетел пакет через реки и озера, моря и горы прямо к губернатору на стол. Таких бумажек губернатор получил много. Из всех сделали одну. Опять конверт, опять перо и печать, опять пакет в сумке почтальона проделал дорогу по трясинам и ухабам Русского Севера¹. Через десятки почтовых станций попал он наконец

¹ Железной дороги Москва — Архангельск в те времена еще не существовало.

в Петербург, в канцелярию министерства внутренних дел. Тут он переходил со стола на стол, потому что об этом деле уже забыли, пока не угодил этот пакет в архив, где и сейчас лежит.

И все-таки грамота, прочтенная становым, не осталась бесследной в жизни некоторых наиболее сознательных саамов.

В Нотозерском погосте двое братьев Глухих призадумались над некоторыми словами и выражениями из бумаги, которую читал становой. Братья видели пример русских, успехи своего соседа-священника, отца Терентия.

Отец Терентий был не похож на миссионера из столицы с его грозной проповедью. Это был один из тех скромных деятелей, которые на своем жизненном пути, где бы они ни находились, всеми силами старались облегчить жизнь окружающих людей и принести им тот свет, которым наградила их самих культура того времени. Отец Терентий еще до правительственного решения задался целью: своим живым примером научить саамов разводить овощи, ухаживать за молочным скотом. С этой целью он устроил огород, разводил разные овощи, закупал и раздавал семена и учил окружающих саамов, как их выращивать. Он же был пионером обучения детей грамоте. Братья Глухие видели, что оседлая жизнь и в самом деле лучше — и сытее, и богаче, и не в той кабале у купцов, что доводила саамов до нищенства. И еще одно обстоятельство приковало к себе их внимание. Все саамы это видели и знали: у оседлых русских и финнов дети здоровее, крепче и не столь часто умирают во младенчестве, как у них, у саамов. Причину этого они видели в условиях жизни в теплой избе и в питании детей молоком.

Часто между собой они поговаривали о том, как бы им обзавестись коровами; обдумывали, много ли надо иметь денег, чтобы приобрести буренушку. Прикидывали, как у них дальше могло бы пойти хозяйство. Но как ни прикидывай, а денег у них не было, и взять их было неоткуда. А капитал нужен был большой: надо было и коров купить, и косы, и инструмент разный, и плотников нанять — дом и хлев поставить. Сами они срубить избу не умели. Обо всем этом они говорили не только между собой, но и с соседями и со своим отцом. Отец и соседи были недовольны этой затеей новизны. Желание братьев перейти на оседлость они приняли как измену своему быту, своему народу.

А старик доказывал, что и без коровы можно жить не кочуя. Он говорил, что и своим саамским обиходом можно жить оседло и не изменять своему обычаю.

И действительно, не откладывая дела в долгий ящик, старик завел себе особое, свое «лопарское хозяйство» — оседлое.

Будучи охотником, он раздобыл себе в лесу птенцов диких уток, лебедей, гусей, тетеревов и глухарей. Он начал их прикармливать и приручать. Что он делал, чтобы они его не боялись и не улетали, — никто этого не знал. Верной помощницей в этом деле была его жена, которую он очень любил. В дружном труде с нею он добивался своего необычайного успеха. Поговаривали даже, что дело тут нечисто, что старик был колдун. Своих важенок он приучил к доению и имел молоко. Молока было немного, но оно было очень жирное, питательное и вкусное. Для своих оленей он построил особые загородки; здесь они паслись под присмотром двух сменных собак на привязи. По мере стаптывания корма он переносил ограду на новое место. И еще того больше: по примеру карельских оленеводов он добился, что его олени принимали в пищу дробленный ячмень и овес. Олени были очень жирны, мясо их вкусно, а на работе они превосходили соседских лопарских оленей способностью перевозить более тяжелые грузы.

Он воспитывал себе лисиц и зайчат, раздобыл даже живых песцов и разводил их на славу. Все это давало ему доход в деньгах.

Не сразу далось ему новое устройство жизни, и не все звери и птицы поддавались его уходу. Как бы то ни было, года через четыре-пять он уже хвастал первыми достижениями своего хозяйства перед каждым встречным и поперечным. И конечно, старик вовсе не был колдуном, а просто он был талантливым охотником, он лучше всех знал природу и повадки приручаемых животных.

Между тем сыновьям его повезло. Как-то осенью к ним в капканы попалось штук сорок пушного зверя. Братья сразу разбогатели. Они съездили в Петербург, там продали пушнину, вернулись домой и на вырученные деньги купили трех коров и бычка. Наняли плотника и, не спросясь у сельского общества, выбрали на реке Туломе хорошее место для ловли семги; к тому же оно было обильно сенокосами. Братья начали строиться.

Поначалу было очень трудно. Жены-лопарки не умели обращаться с коровами, они боялись их, не умели пристрожить их, не умели доить. А сами мужчины не умели косить траву и готовить из нее сено. И косить было трудно, и с непривычки не знали, как его вовремя надо убрать, как просушить, чтобы не испортилось, как сохранить зимой, чтобы не сгнило. Во всем этом им помогали советом финны-соседи, а главное, отец Терентий. Когда же они сами попривыкли, дело пошло на лад. Оседлые соседи были рады помочь саамам, пожелавшим жить так же, как и они, в хорошей избе, с коровой. На второй год они посадили картошку и даже посеяли рожь. Все у них уродилось хорошо, и братья почувствовали себя прочно стоящими на ногах. Рыбы они ловили с избытком, хватало и для себя, и для продажи в город. Молока было тоже довольно. Дети ходили сытые и румяные, не то что у других саамов, худосочные и бледные. Мальчишки учились у отца Терентия грамоте.

Братья стали покупать чай и сахар на каждый день, хлеба теперь хватало.

По примеру отца они построили для своего стада ограждения, и олени в теплое время года паслись там сами, зимой же они ездили на них, извозничали. Так как рыбы и другой пищи у них было достаточно и, кроме того, изредка была и говядина, они получили возможность беречь оленей, не забивать их на мясо. В конце концов вместо семи оленей у них образовалось стадо в двадцать пять голов. Братья уже предвидели, что через пять-шесть лет их стадо оленей вырастет до 100—110 голов. Словом, хозяйство развивалось успешно.

Но братья допустили одну очень серьезную ошибку. Они поступили неправильно по отношению к соседям, к сельскому обществу. Они его не уважили, когда начинали свое дело, а встав на ноги, видимо, зазнались, внутренне отделились от остальных саамов и стали для них чужими людьми, с другим достатком, с другими возможностями, а основа-то их хозяйства была — общественное угодье, рыболовные тони, которые принадлежали всему сельскому обществу лопарей.

То ли братьям стали завидовать соседи, или они с ними не поладили, но только сельское общество запретило братьям ловить семгу на месте, где они построили себе дом и хозяйство. Место, где поселились Глухие, принадлежало сельскому обществу. Право ловли на нем принадлежало не одной

семье, а всем семьям погоста. Каждая семья по очереди, несколько лет подряд, ловила здесь рыбу.

Весь расчет Глухих был основан на том, что они никогда с освоенного ими места не уйдут. А теперь сельский сход запретил им ловить рыбу на общественном месте. Сюда должна была прийти другая семья, семья рыболова, переезжавшего в течение года и ряда лет с одного промыслового места на другое. Братьев Глухих саамы уже не считали членами своего сельского общества. Им отказали в праве поселения на реке Туломе. На братьев началось гонение со стороны сельского общества.

Глухие написали губернатору бумагу с просьбой помочь им в этом сложном деле. Губернатор же вместо того, чтобы поддержать полезное, хорошее начинание двух саамов, отослал их письмо обратно тому же сельскому обществу.

И пришлось братьям Глухим опять ездить с места на место для добычи рыбы. Это плохо отражалось на оседлой части их хозяйства, и они начали задумываться, не отказаться ли от оседлого хозяйства совсем.

Между тем губернатор мог бы иначе отнестись к судьбе хозяйства братьев Глухих. Он мог бы выдать им ссуду, чтобы они откупили у сельского общества рыболовное место, ими насиженное. Это было обычное дело: соседи Глухих именно таким образом занимали землю на территории сельского общества. Можно было бы прислать «чиновника по крестьянским делам», специалиста по такого рода конфликтам. Он разобрал бы дело и сохранил саамское оседлое хозяйство. Сохранить его было бы очень важно. Другие саамы, убедившись, что оседлая жизнь здоровее кочевой, тоже начали бы обзаводиться коровами и избами. Постепенно они отошли бы от кочевого житья-бытья, как это и случилось в другом месте Лапландии, о чем скажем ниже.

Пример братьев Глухих и их отца был первым опытом оседания саамов внутри своего общества. Оба опыта, успешно начатые, кончились неудачей. Братья вынуждены были вернуться к прежнему образу жизни. Вскоре после неудачи сыновей пошло к упадку хозяйство их отца. Умерла его жена. Старик с горя начал пить. Он сам разорил свое замечательное хозяйство. Умер он больным и нищим человеком.

Совсем иначе шло оседание на востоке, в Понойской волости. В селе Поное, очень древнем жилом месте саамов,

да и русских тоже, и те и другие занимались одними и теми же промыслами: разводили оленей, ловили в Поное семгу (знаменитая семга варзуга), охотились, а зимой добывали тюленей в море. Каждый русский имел корову и все хозяйство, как и все поморы Севера. Саамы только зимой жили в Поное, а на часть лета уходили вверх по реке километров на двадцать. Здесь они пасли оленей, ловили семгу и озерную рыбу, запасали на зиму дрова.

Саамская и русская молодежь жили вместе. Парни и девушки знакомились, женились: русские на саамских девушках — за ними в приданое в русский дом входили олени; русские девушки выходили замуж за саамов — в саамский дом входила хозяйка-молочница и ее кормилица буренушка, в саамский обиход входило молоко, необходимость запастись сеном. Ни сено, ни корову с собой в кочевку не повезешь. Они приковывали бывшего кочевника к земле, к одному дому с хлебом. Женщины-саамки привыкали ухаживать за коровами, русские мужчины — за оленями, которые на Кольском полуострове заменяли лошадей.

Так, постепенно, русские и саамы перемешались. В конце концов уже во второй половине XIX века в Поное все саамы начали вести одинаковый, оседлый, «русский» образ жизни.

Однако бывшие саамские семьи не были уравнианы с русскими: в распоряжении саамов не было сенокосных участков, не владели они (юридически) и угодьями, то есть местами промысла на тюленя.

Поэтому, когда пришла бумага с пером от губернатора, понойские саамы ответили совсем иначе. Они писали:

«Видя на опыте большую для нас пользу и выгоду от постоянной оседлой жизни, а также и от проживания в домах, а не в вежах, мы изъявляем согласие водвориться оседло на постоянное жительство в селении Поное и обязываемся производить в оном строении — не лопарские вежи, а наравне с (русскими) крестьянами, по силе и средствам, дома и прочие строения, но при этом просим наделить нас в селении Поное сенокосом и морскими згодьями наравне с русскими крестьянами...»

4 января 1870 года сельский сход Поноя принял саамов в число своих односельчан; рыболовными угодьями наделили по числу рабочих рук, а сенокосы саамы должны были расчистить себе сами, что они уже давно сделали с согласия поноян. Сход же закрепил уже содеянное.

Процесс оседания саамов, слияния их с русскими происходил очень медленно и давно. Имеется немало исторических и лингвистических свидетельств, что вся территория от южных побережий Ладожского и Онежского озер до Белого моря, все его западное побережье, а также Терский берег Кольского полуострова когда-то населяли саамы. На протяжении столетий прибывающее русское население поселялось рядом с первоначальными саамами. Русские осваивали местные промысловые угодья, знания и обычаи в области охоты и рыболовства, а аборигены воспринимали то новое и более жизнедеятельное, что приносили с собой русские, — скотоводство и земледелие.

В XIX веке этот процесс был закончен. В это же время возникло новое течение — содействие переходу кочевников на оседлость. Как это делалось и что из этого вышло, мы уже видели.

В советское время саамы и коми-ижемцы Кольского полуострова объединили своих оленей в большие колхозные стада. Вся территория колхозных оленьих пастбищ была пересмотрена, каждому колхозу выделены в пользование зимние ягельники и летние пастбища. Для оленьих стад совхозов, то есть для государственного оленеводства, выделены особые пастбища и особые места — для усадеб обслуживающего персонала.

Каждое сельское общество получило в свое ведение озера, морские угодья, а также охотничьи угодья; для пастьбы оленей колхозы выдвинули из своей среды лучших пастухов. В настоящее время оленеводческие угодья оборудованы жилыми постройками, кораллями и дымокурами так, чтобы олени находили наилучшие убежища от комара, а бригады пастухов проживали в возможно лучших, более культурных условиях.

Ловозеро — «столица лопарей»

Первая поездка в Ловозеро (1927 год)

Первое, что поражает в местоположении Ловозера, — это плоскость местности, на которой расположен поселок. Над этой плоскостью возвышается здание в виде куба. Из середины крыши его, из единственной трубы, струится дым. Это дом богатея Рочева, оленевода-ижемца, который первым перебрался сюда, на Мурман, с далекой безъягельной Печоры.

Поселок саамов едва заметен. От места, где он раскинулся, поднимается десятка два струек дыма. Домов не видно. Кажется, дым исходит прямо из земли, настолько саамские тупы вросли в землю.

На севере едва виднеется низкорослый лесок, а на юге, на горизонте, синее горный массив Ловозерских Хибин. Он возвышается над землей, как круглый хлеб, запорошенный снегом. Солнце еще не вставало. Первые лучи его в этом году появятся завтра.

20 января рассеялись облака, закрывавшие небо все эти дни. В полдень впервые появилось солнце. Мы встретили его не одни. Многие из ловозерцев тоже любовались картиной восхода и захода солнца одновременно. Оно показалось на юге из-за края Хибин. Ярко сиявшая кромка солнечного диска блеснула по снегу на крышах домов. Однако ненадолго — она быстро начала гаснуть. С этого дня солнце с каждым днем все выше и выше поднималось над горизонтом. Воздух становился прозрачней. «Вот и вернулось весельство», — сказал стоявший рядом саам.

Однажды вечером, воспользовавшись свободным временем, оставшимся после занятий, мы решили пойти ознакомиться с саамской стороной села Ловозеро. Сумерки уже совсем сгустились, когда мы отправились в путь. Лопарские домики стояли без особого порядка вдоль широкого прогона, который трудно было назвать улицей. Позади каждой тупы стояла скирда березовых бревен. Это были заготовки дров на зиму. Тут же маленькие землянки для овец.

Каждая тупа есть не что иное, как простейший сруб из тесаных бревен. Наиболее старые тупы покрыты односкатной крышей, а поверх — дерном, травой или мхом. Некоторые крыши укреплены наложенными на них небольшими камень-

ями, досками или обрубками дерева. Изредка окна оформлены ставнями, на них имеются следы белой или синей краски дореволюционной давности. Ни одного нового дома, ни одного украшения или орнамента.

Мы приходили в один домик за другим и приглашали хозяев приходиться завтра в школу «на примерку», не запаздывать. Никаких иных объяснений мы не давали, так как объяснить цель антропометрических измерений трудно. На недоуменные вопросы саамов, зачем все это делается, следовал один и тот же ответ: «Надо»¹.

В тот же вечер мы попали на свадьбу.

Вокруг маленькой тупы, глубоко вросшей в сильный занос, толпились молодые люди и бородатые отцы. Они вышли покурить. Изнутри домика доносились шум, оживленный говор и звуки гармошки. В этом доме шла свадьба. Нас ожидали.

Профессора посадили рядом с отцом жениха; доктор и я уселись рядом с дядьями. Поднесли по чарке. Вино сначала отведал отец, а потом уже дал его выпить почетному гостю и нам. Я огляделся: молоденькие жених и невеста, как две куклы, сидели вправо от нас. В дверях толпились девушки и женщины, разодетые очень пестро. Яркие шелковые платки у них на головах очень украшали общую картину. Женский хор пел русские песни и лишь изредка саамские. Зашла речь об этих песнях. Мы хвалили их и сами пели песни, которые у нас дома пели все. Наконец затянули известную свадебную песню «Дымно, дымно во поле...». Доктор знал эту песню, он подтягивал ее очень удачно. Было ясно — наша песня всем понравилась. Потом мы спели «А Исакий святой», и эта студенческая песня пришлась по вкусу, хотя, казалось, и была далекой по содержанию.

Потом для нас сыграли «уточку», однако предупредили, что «от этого обычая уже давно отошли». Исполняли «уточку» в первой половине дома. Лишь изредка цепь участников

¹ Прошло несколько лет. Саамы словно забыли об этих измерениях. Они никогда о них сами не заговаривали и не спрашивали. Когда же мне самому удавалось навести разговор на эту тему, они обычно от беседы уклонялись. Они очень не любили вспоминать об этом событии. Оно было непонятно и загадочно, «не к добру». Один почтенный саам из Иоканги говорил: «Вдосель (то есть в глубокую старину) приезжал целовальник, тоже хотел всех лопарей в свои руки забрать. Убили его. Дак ведь то было когда? Сотни лет тому назад!»

хоровода вбегала в нашу комнату. Понять, что происходило в этой игре, было трудно. Мне помогло отличное описание этого обряда в монографии Н. Харузина, которую я проштудировал еще в Ленинграде.

Современное Ловозеро (1961 год)

Неузнаваемо стало Ловозеро в наши дни. Еще издали становятся видны стены нескольких каменных зданий и стрелы подъемных кранов. Просторное здание райисполкома и внушительный Дом культуры служат хорошим фоном для памятника В. И. Ленину. Он стоит в самом центре села. Тут же большое каменное здание средней школы и еще несколько каменных домов. Немного в стороне возвышается башня водопровода, и тут же общественные бани. Дым из трубы оживленно, даже как-то особенно весело крутится и разносится по всей округе. Бане в Ловозере я так обрадовался, что мне захотелось немедленно, сейчас же, искупаться в ней, что я и сделал с большим удовольствием. При этом я вспомнил, какие муки пришлось переносить, странствуя по озерам и в лесах, где о банях никто не помышлял.

В двух или в трех местах высятся строительные краны; они повисли над двумя новостройками. На одной из них возведен только фундамент, а другая уже возвышается над первыми этажами. На одной из этих строительных площадок возведены торжественные ворота из досок и жердей. Они увиты еловыми гирляндами. Для ловозерских ребят это предмет восторженного восхищения. Школьники отрывают зеленые ветки от ворот и украшают ими фуражки. Тщетно ищу дом Рочева, который мозолил глаза еще в 1927 году. Этот уродливый куб утонул среди новых деревянных и каменных домов, что появились за последние годы. Он еще стоит на своем месте, но обитают в нем новые люди — ребяташки мал-мала меньше с их мамами и папами. Они шумно играют в игры, хорошо нам знакомые по Москве и Ленинграду.

Вдоль берегов речки Вирмы виднеются неугомонные моторные лодки. Около них возятся их хозяева. Все это большей частью молодые люди. Счастливые обладатели лодок, имея на борту рулевых, уже выбирают по речке вниз, на просторы озера Ловозеро. Миновав его, они могут подняться вверх по реке и увидеть большое водохранилище, которое недавно разлилось вдоль русла реки Вороньей.

На зеленой площадке берега речки, перед мостом, стоит маленький аэроплан. Он очень наряден. Его фюзеляж окрашен в ярко-желтый и пунцово-красный цвета. Эта кокетливая машина принадлежит местной геологической партии. Вокруг машины собрались летчики и желающие полюбоваться зрелищем, хотя бы и таким обыденным, как отлет самолета в тундру на геологоразведку. Это происходит ежедневно, в одно и то же время.

Вместе с соседом по автобусу, который привез нас в Ловозеро, мы идем в общежитие для приезжающих. Проходя мимо столовой, не преминули заглянуть в нее. С утра во рту крохи не было, а между тем уже далеко за полдень. Столовая оказалась «знакомой» — таких много и в Москве, и в Ленинграде, и в любом провинциальном городе. Угостили нас на славу: мы получили наваристые щи и по солидной порции биточков. Вкусно, хотя и слишком жирно. Вкусно потому, что приготовлено из безусловно свежих продуктов. Надо не забывать, что воздух в Ловозере «стерильный», мясо здесь проявится, но не испортится.

Под вечер я обошел село. На месте прежних саамских избушек, едва видневшихся из-под земли и снега, ныне вырос новый поселок. На двух улицах ряд в ряд стояли новенькие домики из свежерубленых бревен. Избушки построены аккуратно. Некоторые хозяева обзавелись даже палисадниками. И, о чудо! По улице ходит поросенок, розовый и упитанный. Спрашиваем в ближайшей избушке, откуда это южное создание. Хозяйка отвечает, что за городом Кулой, за Мурманском, есть свиновхоз; там поросят продают сколько хочешь, умеи только выходить!

Ядро поселка составили аборигены Ловозерского погоста, а пришлые граждане устремились сюда из района озера Имандра, с Мончи, из погоста Кильдинского, из Вороненского погоста *. Жители этого последнего недавно переселились в новый каменный дом. Теперь они настоящие рабочие, работники рыболовецких бригад, скотного двора, охотники. Все это саамы; их потянула сюда обеспеченность заработком, близость к родной тундре, к оленям, к железнодорожной станции; привлекал и большой саамский, свой, поселок. Об этом, бывало, рассказывали в сказках. А вода Вороненского моря * пришла в Ловозеро.

Все жители нового поселка состоят в колхозе. Здесь они занимаются каждый своим делом; иные — новыми для них

занятиями: огородничеством, сенокошением, уходом за рогатым скотом в коровниках; другие занимаются своим обычным делом — рыболовством на озерах. Оленеводческая часть колхоза, все ее пастухи, выселилась в особый поселок. Он расположен среди пастбищ, «во пустыне». Стада оленей пасутся «вольно», однако под надзором пастухов. Несколько лет назад этот оленеводческий выселок стоял южнее озера Ловозеро. Позднее перевели его на север и поставили левее реки Вороньей.

Погост Вороненский сняли с затопленной территории, а население его, саамы, вошло в состав нового Ловозера. Оно перестало быть деревней; это очень крупное село — с каменными домами, новостройками, новыми магазинами, новыми зданиями школ и детских садов. Саамские дети бегают оживленные и румяные.

Здесь выпускается газета, есть свой книжный магазин.

Ловозерский Дом культуры пользуется большой популярностью. Своей деятельностью он охватывает все прилегающие поселки. Кружки хоровой и драматический ставят, и очень удачно, спектакли, организуют концерты. Заведующий Домом культуры работает увлеченно, поэтому Дом культуры живет полнокровной жизнью. На концерты и на вечера танцев приходит вся местная интеллигенция и молодежь. Любители приодеться и показать себя в новом платье — первые завсегдатаи таких вечеров. Девушки и молодые женщины, девочки и мальчики-подростки с увлечением отдаются танцам под звуки радио или под гармошку.

Здесь, в Ловозере, расположен целый ряд учреждений, связывающих его с центром: кооператив, объединяющий все потребительские общества края, аэропорт, телефон и телеграф, радио и почта с ее сетью отделений связи, которые имеются в каждом жилом месте. Живая связь между поселками поддерживается и по радио, и аэролиниями, и телеграфом, и моторными лодками. В каждом селении имеются медпункт и библиотека и даже клуб. Регулярно каждый поселок, каждый промысел рыбы, сенокосный участок обслуживается Красным чумом. В каждом поселке стоит свой движок. Зимой, когда наступает ранняя тьма, в домах вспыхивают «лампочки Ильича», они светят всю ночь. «Ночью светло, как днем», — говорят саамы.

Жизнь в Ловозерской тундре бьется в согласии с жизнью всей страны; все, что творится в мире, здесь становится известным в те же секунды, что и в Москве.

Об авторе и о саамах (послесловие)

На Крайнем Севере нет другого народа, историей и этнографией которого занимались бы столько же времени, сколько изучали происхождение и культуру саамов. Однако и нет другого народа на Севере, происхождение которого — этногенез был бы так же таинствен, как у саамов, хотя ученые и ломают голову над этой проблемой немногим менее половины тысячелетия. Так и остается непонятным: кто первым расселился за полярным кругом на Европейской Севере — европеоиды, монголоиды или население, в одинаковой мере сочетавшее в себе европеоидные и монголоидные расовые черты? Какое отношение к этому древнему народу имеют саамы? И какую роль они играли в прошлом на Севере вообще? Вопросы кардинальные, решение их могло бы разъяснить многое, что происходило и в других частях земного шара. Однако процесс формирования удивительнейшего народа — саамов и поныне не разъяснен достаточно подробно и бесспорно.

Можно назвать десятки ученых у нас и за рубежом, которые посвятили жизнь разгадыванию прошлого этих северных аборигенов. Различен характер их изысканий, неодинаков вклад в сумму человеческих знаний. Одни вошли в историю этнографической науки благодаря теоретическим исследованиям, другие — благодаря полевой работе, скрупулезной и тяжелой работе этнографа, имеющего дело не с книгами или архивными материалами, а с живыми людьми, многообразными, как сама жизнь.

Именно к этой категории исследователей принадлежал В. В. Чарнолуский.

Владимир Владимирович Чарнолуский родился в 1894 году. Самым сильным увлечением его юношеских лет было чтение книг о путешествиях, причем полярные страны интересовали его более всех остальных. Уже на склоне лет Владимир Владимирович признавался как-то, что подвиги Кнуда Расмуссена, Фритьофа Нансена, Руаля Амундсена и других великих полярников вместе с восторгом порождали у него жгучую зависть. Хотелось быть путешественником, и только путешественником.

Его интересовало на Севере все, но нужно было выбрать какую-то специальность, чтобы туда попасть. Выбор решил сам собой — география. В 1925 году окончен Ленинградский университет. Владимиру Владимировичу поручается составить путеводитель по Крыму. Работа закончена в рекордно короткий срок: ведь надо скорее браться за то дело, которое действительно по душе. В 1926 году была выполнена первая работа, связанная с Севером: составлена, после длительной командировки на Русский Север, карта кочевок ненцев на полуострове Канин.

В декабре 1926 года Владимир Владимирович Чарнолуский зачисляется старшим научным сотрудником в Лопарскую экспедицию Географического общества. Специализация — этнография саамов. Интерес ученого окончательно определился — этнография. Исследование экономики, быта, культуры, этногенеза интереснейшего народа — саамов. Интерес этот сохранился на всю жизнь, стал основным делом.

По окончании работы в экспедиции Географического общества Владимир Владимирович продолжает исследование этнографии саамов в Кольской экспедиции Академии наук СССР. Первоочередной задачей этой экспедиции была разработка проблем, связанных с развитием хозяйства северного края. Владимир Владимирович подолгу работает в поле в землеустроительных партиях. Результатом этой работы явился план организации Каневского оленеводческого совхоза. Чарнолуским был разработан подробный проект пастбищеоборота, решены и другие вопросы выпаса оленей в государственном хозяйстве. Для этой работы потребовались глубокие знания особенностей, свойственных традиционным отраслям хозяйства коренного населения.

В. В. Чарнолуский получает новое задание: принять участие в организации еще одного государственного хозяйства — Ивановского оленеводческого колхоза. В процессе работы им была составлена записка для Комитета Севера по общим вопросам оленеводства на Кольском полуострове. Переработанные в книгу, материалы эти были опубликованы и привлекли живейшее внимание всех, кто был связан с Крайним Севером.

Владимир Владимирович интересовался не только прикладными вопросами этнографии. Тщательно, скрупулезно изучает он фольклор саамов. Ничто не ускользает от его внимания. Читатель, познакомившийся с этой книгой, увидит, сколь большой труд был проделан и как придирчивая увлеченность ученого помогла ему сохранить для этнографической науки и древние эпические произведения маленького народа, и мифы незапамятных времен, и бывальщины, и многое другое из того, что позволяет представить жизнь саамов в полном объеме. Им было сделано также множество прекрасных зарисовок предметов быта, одежды, типов людей, пейзажей.

Владимир Владимирович стремился понять, как действительность преломляется в сознании саамов, как вообще возникают те или иные фольклорные жанры. Он искал закономерности народного творчества, особенности мышления народа, едва отошедшего от родовой общины.

Исследования В. В. Чарнолуского заинтересовали специалистов. В 1936 году он уже специально едет к мончегорским саамам по заданию фольклорной секции Союза писателей СССР. Работа фольклориста вообще сложна, а северного фольклориста — особенно. Знатоков фольклора даже из собственного народа бывает не так уж легко «раскачать». А сколько надо затратить сил, чтобы собрать хотя бы несколько фольклорных произведений у людей, говорящих на другом языке и не особенно охотно раскрывающихся перед «чужими»?

Этнографические сборы легли в основу литературной работы В. В. Чарнолуского. Он готовит монографию по истории саамов, сборник саамских сказок для детей. Эти книги увидели свет несколько лет назад.

«В краю Летучего камня» — книга, которую В. В. Чарнолуский закончил незадолго до смерти. В 1969 году Владимира Владимировича не стало.

Ни одному народу Крайнего Севера не «повезло» так, как саамам. Ни у одного северного народа нет «своего» научного учреждения, которое занималось бы исключительно этнографией данного народа. Между тем в Европе существует целый ряд научных учреждений, которые занимаются исключительно вопросами происхождения и этнографии саамов. Существуют даже печатные серии, насчитывающие многие десятки томов публикаций, связанных с саамской этнографией. И все-таки проблемы, относящиеся к происхождению саамов, еще далеки от окончательного разрешения. Зачастую может показаться, что другие вопросы, скажем происхождение самоедов или тунгусоязычных народов, более ясны. Однако саамский пример внушает неуверенность в этом убеждении. Есть определенная закономерность в познании прошлого народов, которую можно выразить русской пословицей: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Иными словами, уровень знаний определяет уровень вопросов. Чем меньше знаешь, тем больше кажется, что знаешь все. Может быть, и в отношении других народов выводы более или менее иллюзорны? В лапонистике (существует даже специальное название науки о саамах) это проявляется особенно четко. Поэтому даже сейчас на вопрос, «откуда есть пошла саама», можно ответить весьма приблизительно.

Саама — потомки древнейшего населения Европейского Севера. Язык саамов стоит особняком в финно-угорской языковой семье, которая в свою очередь входит в уральскую семью языков. Семья эта чрезвычайно представительна. Если расположить ныне живущие уралоязычные народы на языкогенеалогическом древе, то выявится следующая картина. Генеалогическое древо расчленяется на две основные ветви — финно-угорскую и самодийскую. Финно-угорская ветвь состоит из угорской и финской линий. К угорской относятся венгры (мадьяры), обосновавшиеся посреди Европы, а также ханты и манси, живущие на Оби в Западной Сибири. Финская линия объединяет множество народов Прибалтики — эстонцев, ливов, ижору, воедь, финнов-суоми, карелов, вепсов, саамов, а также народы лесной части Европейского Севера — удмуртов, коми-зырян и коми-пермяков и народы Поволжья — марийцев и мордву. Самодийская (самоедская) ветвь не менее пышна. К ней относятся северные самодийцы — ненцы, энцы, нганасаны, селькупы — и потомки весьма большого числа народов Южной Сибири. Доподлинно известно, что камасинцы и целый ряд тувинских аборигенов говорили до недавнего времени на самодийских языках.

Сколько еще народов было связано в прошлом по происхождению с «ураль-

цами», предстоит выяснить. Пока приходится судить по языковой принадлежности. Но уже сейчас понятно, что язык — одно, а генетическое родство — совсем другое. По поводу уральской языковой семьи можно добавить, что сейчас, пользуясь изощренной методикой лингвистических исследований, ученые-языковеды считают возможным относить и юкагиров к уральской языковой семье. Таким образом, картина расселения древних уральцев представляется поистине грандиозной: Скандинавия, Европейский Север и Сибирь до Чукотки. Нельзя, конечно, представлять себе эту территорию населенной исключительно уралоязычными людьми. Жили на этой территории и другие народы: алтайские, тунгусоязычные, индоевропейские наконец.

В своей языковой семье саамы занимают особое положение. Лингвисты, естественно, находят, что у саамского языка родителем был протосаамский язык. А у протосаамского языка, который был ассимилирован в начале I тысячелетия до нашей эры балтийско-финским языком, то есть, грубо говоря, вступил в кровосмешенческий брак с языком родной уральской семьи, обнаруживается сходство с языками угров — хантов, манси и северных самоедов — ненцев, энцев и т. д. Можно предположить, что протосаамский язык был весьма близким родственником протоязыков этих народов. Вернее, общих предков этих народов. Тогда кто же такие саамы? Судя по языку, они должны быть потомками уралоязычного населения Севера, которое ассимилировало уралоязычное население более южных районов.

Столь же удивительны саамы и с антропологической точки зрения. Они принадлежат к особому, лапоноидному типу, происхождение которого еще более непонятно, чем происхождение языка саамов. С очень большим допуском можно предположить, что этот тип возник вследствие очень древней метисации. В этом смешении наряду с европеоидным участвовал и монголоидный тип (предположительно — древний енисейский монголоидный тип). Этот монголоидный тип прослеживается в могильниках на островах Баренцева моря и Онежского озера. Некоторые ученые находят возможным связывать этот древний монголоидный тип с юкагирами — исконным населением Восточной Сибири, занимавшим огромные пространства до прихода в северные области тунгусов, тюрков (предков якутов), прародителей чукчей и других народов.

Но все это предположения, предположения и предположения. Более определенно говорит о саамах археология. Большинство археологов считают, что предки саамов пришли из Зауралья и расселились на Кольском полуострове, в Скандинавии и других местах в неолите.

Неолитические памятники Кольского полуострова датируются III — II тысячелетиями до нашей эры. В те времена здесь обитали полубродячие рыболовы и охотники на морского и сухопутного зверя. В северных, прибрежных районах полуострова найдены остатки их поселений — как летних, сезонных, расположенных на берегу моря, так и осенне-зимних, рассчитанных на более длительное пребывание людей и отстоящих от моря на три-че-

тыре километра. В местах этих последних поселений найдены остатки жилищ полуземляночного типа. Есть все основания считать, что на этих стоянках обитали предки современных саамов.

Сравнивая неолитические памятники Кольского полуострова и Карелии (главным образом, северо-восточного побережья Онежского озера), археологи отмечают большое сходство между ископаемыми культурами обеих территорий. На этом основании исследователи делают вывод, что заселившие Кольский полуостров древние люди пришли из Карелии, по всей вероятности, из ее северо-восточной части. Широкое заселение Кольского полуострова началось, по мнению археологов, не ранее конца II тысячелетия до нашей эры.

В наши дни саамы живут в СССР на Кольском полуострове (1,9 тысячи человек) и в северных областях Скандинавии и Финляндии (около 30 тысяч человек).

Самоназвание кольских саамов — *саами, саамь, самь*, финских и скандинавских саамов — *samelats, sameh, samek*. Название *лопари* этот народ получил, по-видимому, от соседей — финнов и скандинавов, от которых его восприняли и русские. Одни исследователи производят слова *лопь, лопарь* от финского *lare, larrea* — «сторона», другие связывают его со шведским *lapp* — «место».

В Норвегии саамов называют *samer* или *finner*, в Швеции — *lappar* или *sam'er*, в Финляндии — *lappalaiset*. В СССР этот народ сейчас обычно называют саамами, хотя иногда (особенно в литературе) употребляется и название «лопари».

Первые письменные известия о лопарях мы находим у древних западных авторов, которые называют их финнами. Так, упоминания о «финнах» встречаются у Тацита (I век н. э.), Прокопия (VI век н. э.), Адама Бременского (1066 г.). Последний называет лопарей скрид-финнами, то есть финнами, бегающими на лыжах. У Саксона Грамматика (конец XII века) упоминается Лаппия (*Lappia*) — страна лопарей.

Впервые о лопарях Кольского полуострова под именем финнов упоминает скандинавский путешественник Оттар, который побывал на берегах Белого моря в IX веке. В русских источниках название *лопь* появляется только с конца XIV века, а до этого встречаются названия *тре, трь* (то есть Терская сторона — так называли новгородцы южные и восточные берега Кольского полуострова). С XV века начинают появляться сведения о лопарях в грамотах, актах, новгородских писцовых книгах и других письменных документах (упоминания о «дикой» и «лешей лопи», «лоплянах» и т. п.).

Как свидетельствуют новгородские писцовые книги, в которых упоминаются лопские погосты (то есть лопарские поселения) в Заонежье, предки кольских саамов, по-видимому, еще в XVI — XVII веках населяли земли современной Карелии. С продвижением карелов на север лопари были постепенно вытеснены с этих земель.

Первое проникновение новгородцев на берега Белого моря и на Кольский полуостров относится, вероятно, к XII веку. В конце XIII и в начале XIV века они полностью освоили Кольскую Лапландию и обложили лопарей данью. В XV веке, с падением Новгорода, Лапландия входит в состав Московского великого княжества, а затем в состав Русского государства. С этого времени начинается распространение среди лопарей христианства. От 1526 года имеется летописное известие о крещении «дикой лопи» «Кандалагской» губы, где была поставлена церковь Рождества Иоанна Предтечи. Большую роль в распространении христианства среди лопарей сыграл Печенгский монастырь, основанный в 1550 году Трифоном, прозванным Печенгским. В 1556 году два лопарских погоста — Печенгский и Мотовский — со всеми угодьями были закреплены за Печенгским монастырем жалованной грамотой царя Ивана Грозного, а лопари этих погостов были объявлены монастырскими крестьянами. Монахи Печенгского монастыря старались захватить в свои руки угодья и соседних нотозерских и сонгельских лопарей и всячески эксплуатировали последних. Печенгский монастырь просуществовал до 1764 года.

Распространение христианства среди лопарей северо-восточной части Кольского полуострова началось во второй половине XVI века и связано с деятельностью Соловецкого монастыря, владения которого к этому времени далеко вышли за пределы Беломорья. На Мурманском берегу монастырь имел угодья в Кильдинском погосте, Териберской губе и других местах.

К этому же времени, то есть ко второй половине XVI века, относится начало христианизации терских лопарей, для крещения которых, как явствует из грамот царя Ивана Грозного от 1575 и 1581 годов, в устье реки Поное была построена церковь Петра и Павла. В XVII веке в местах расселения терских лопарей появляются угодья Антониево-Сийского монастыря (на реке Иоканге), Крестного и Воскресенского монастырей (на Иоканге и Поное).

Религиозная и миссионерская деятельность монастырей очень скоро уступила место хозяйственной и торговой. Монастыри стали важными торговыми и хозяйственными центрами в крае. Вместе с поморскими купцами монастыри стали главными потребителями продукции местных промыслов (оленоводства, пушного, рыболовного и морского промыслов) и эксплуататорами местного населения.

В конце XIX — начале XX века саамы населяли почти весь Кольский полуостров, за исключением части Терского берега — от Кандалакши до реки Пялицы, где преобладало русское население. Территория расселения саамов в административном отношении делилась на две волости: Понойскую (с управлением в селе Поное) и Кольско-Лопарскую (с управлением в городе Коле). Волости включали в себя саамские селения — погосты. В Понойскую волость (северо-восточная часть Кольского полуострова) входили погосты Сосновский, Каменский, Иокангский, Лумбовский и Куроптевский. Все остальные саамские земли, к западу от них, относились к Кольско-Лопарской волости, включавшей в себя погосты Экостровский, Кильдинский, Бабенский,

Мотовский, Пазрецкий, Печенгский, Ловозерский, Вороненский, Семиостровский, Сонгельский.

Саамы жили не изолированно, а довольно тесно общались и местами жили чересполосно с другими народами. Прежде всего это были русские; общение с ними саамов насчитывает уже около восьми столетий. Кроме них в зоне расселения саамов в конце XIX — начале XX века жили также карелы и финны (главным образом на юго-западе полуострова), коми-ижемцы и ненцы (преимущественно в восточных районах). Ижемцы и ненцы переселились вместе со своими оленьими стадами на Кольский полуостров в конце 80-х годов XIX века из Ижемско-Печорского края, где перед этим прошли сильные эпизоотии, вызвавшие массовый падеж оленей.

В общественной жизни саамов долгое время, вплоть до начала нашего века, сохранялись пережитки первобытнообщинного строя. Все саамское население Кольского полуострова состояло из ряда обществ (Ловозерского, Семиостровского, Иокангского и других), представлявших, по-видимому, территориальные объединения. Каждое саамское общество имело свое поселение — погост. Большинство обществ имело по два погоста: летний и зимний.

Погосты были, по всей вероятности, экзогамны. По имеющимся наблюдениям, еще в первые десятилетия XX века браки заключались предпочтительно между жителями разных погостов. У саамов в пережиточной форме сохранялся обычай общего распределения добычи, а также обычай взаимопомощи. Все промысловые угодья и охотничьи территории, как свидетельствуют материалы конца XIX — начала XX века, были разделены между погостами с правом наследственного владения.

В то же время у саамов в начале XX века имелось в какой-то мере имущественное расслоение и социальное неравенство. Наемного труда, как такового, в саамском обществе не было, но у крупных стадчиков-коми малооленные саамы работали по найму, отдавая свои небольшие стада им на выпас.

Саамы были широко втянуты в систему товарно-денежных отношений. Документальные материалы начала XX века описывают систему кабальной зависимости саамов от кольских и поморских купцов, которые «захватили в свои руки снабжение лопарей предметами продовольствия, а также орудиями рыбной ловли, солью, порохом и всем необходимым. Самый взнос государственных податей и повинностей с лопарских обществ торговцы приняли на себя. В результате лопари превратились в неоплатных должников кольских и поморских торговцев. Последние за ничтожную арендную плату пользовались лучшими рыбными ловлями, за бесценок скупали продукты рыбного и пушного промысла».

В процессе освоения ими северных пространств у саамов сложилась своеобразная арктическая культура, отличающая этот народ не только от европейских соседей, но и от народов Зауралья (самодийцев, обских угров),

сходных с саамами по условиям жизни и связанных с ними, по-видимому, общностью происхождения. Основные отрасли хозяйства саамов — оленеводство, рыболовство и охота. Охотничий и рыболовный промыслы были основными источниками существования еще у неолитических предков лопарей. Оленеводство возникло позже и первоначально имело главным образом транспортное значение.

Размеры охотничьего промысла по мере обеднения края зверем все более сокращались. В то же время увеличивалась роль оленеводства, которое со временем стало основным источником существования. В конце XIX — начале XX века оленеводство не только служило основным источником питания, не только давало материал для покрытия жилищ и шитья одежды; олени являлись также главным средством передвижения. И зимой, и летом их запрягали в упряжки; летом, при пеших передвижениях, их использовали еще и под вьюк.

Оленеводческое хозяйство саамов по технике выпаса, особенностям упряжки, устройству вьючного седла и некоторым другим чертам очень своеобразно и выделяется исследователями в особый тип.

Еще в начале нашего века саамы применяли летний вольный выпас оленей с использованием дымокуров, оленьих сараев и изгородей. Весной, после отела важенок, оленья стада отпускали на свободу, и оно до октября паслось вольно на большом пространстве, обнесенном лишь легкой изгородью. Для такого выпаса часто использовали полуострова; в этом случае изгородью перекрывали лишь перешеек. В октябре, по первому снегу, происходило *имание* оленей. Особенности саамского оленеводства позволяют отнести его к числу лесных оленеводческих хозяйств.

Большое место в жизни саамов занимали пешие передвижения. При этом свой груз саамы навьючивали на оленей. Еще и сейчас оленеводы Кольского полуострова используют примитивное вьючное оленье седло, состоящее из двух слегка изогнутых дощечек, скрепленных своими верхними концами и спускающихся по бокам оленя.

Оленья упряжка саамов состоит из одного оленя, запряженного в небольшие, похожие на лодку, саночки с широким полозом в основании, тупой кормой и острым, высоко поднятым носом. Эти сани (*кережа*), ведущие свое происхождение, по всей вероятности, от лодки, составляют одну из отличительных черт материальной культуры лопарей. Садились на *кережу* с вытянутыми ногами. Упряжь состояла из петли, надеваемой на шею оленя, и потяга, проходившего между его ногами. Управляли оленями с помощью вожжи, которую держали в правой руке.

В конце XIX — начале XX века кольские лопари вели полукочевой образ жизни, что было связано с их основными хозяйственными занятиями. В зависимости от сезонных занятий саамы несколько раз в году переезжали с места на место. Они имели зимние и летние постоянные поселения — погосты и по четыре или пять весенне-осенних мест на семью,

У саамов было распространено несколько видов жилых построек. Легким, переносным типом жилья, который использовался главным образом во время занятий оленеводством, была *кувакса*, или *кувас*, — шалаш из жердей, крытый мешковиной или брезентом. Кувакса напоминает уменьшенный сибирский чум. На рыболовных местах саамы жили в *вежах* — пирамидальных постройках из жердей, крытых дерном. В погостах саамы имели маленькие срубные избышки (*пырты*) с плоскими крышами.

Своеобразна старинная саамская одежда из оленьего меха — *печок*. Это глухая одежда мехом наружу, длиной ниже колен, которую носили с отдельно надевавшейся шапкой; мужчины подпоясывали печок ремнем с подвешенным к нему ножом в кожаных ножнах, а женщины — плетеным поясом.

Не только материальная, но и духовная культура саамов очень самобытна и представляет большой познавательный и научный интерес. Богато и разнообразно устное народное творчество саамов, включающее различные жанры (сказки, мифы, бывальщины и т. д.). Большой интерес представляет, например, миф об олене-человеке — *Мяндаше*.

Дохристианские верования лопарей, к сожалению, очень мало изучены. В их основе лежали тотемистические представления, культ гор, камней, деревьев, животных, а также поклонение небесным светилам (солнцу, луне) и обожествление различных явлений природы. Существовала также вера в божества — покровителей промыслов, среди которых особым уважением пользовались хозяйка оленьих стад Луот-хозик, охранительница оленей Разиайке и другие.

Очень распространено было у саамов поклонение священным камням — *сейдам*, которое связано, по-видимому, с культом предков. Сейдам приносили в жертву оленей, их «кормили» — смазывали кровью забитых животных, рыбьим жиром, оставляли около них пищу.

Согласно Приполярной переписи, проведенной в 1926 году, у саамов существовало в те времена 371 единоличное хозяйство и в том числе лишь 85 оседлых хозяйств. Кочевание связано прежде всего с оленеводством. Оседлые, то есть безоленные, хозяйства могли жить только за счет рыбной ловли или каких-либо других заработков, не связанных с традиционными занятиями гундрового и лесного населения. 85 оседлых саамских семейств жили в основном на берегах озера Имандра и в районе железной дороги. Здесь они работали на лесодобыче, на железной дороге, ловили рыбу. Оседлые саамы занимались и животноводством; доходы от него составляли, однако, всего седьмую часть их бюджета. Земледелие было развито и того меньше и, как обнаружила Приполярная перепись, покрывало всего лишь 0,1 процента доходной части бюджета саамской семьи. До четверти всех доходов составляли различные более или менее случайные заработки. Охота приносила мизерный доход. И для оседлого, и для кочевого населения на первом месте по доходности было рыболовство, дававшее более трети заработков,

Разумеется, об истинном положении саамов по данным переписи судить трудно. Не учитывалась в достаточной мере натуральность саамского хозяйства. Ее и учесть по тем временам было почти невозможно. Ясно только, что оленные люди, беспорно, жили лучше безоленных. У них и транспорт был свой, и «мясо на ногах» под боком, и на продажу всегда можно было пустить оленя-другого, и одеться было во что. На Крайнем Севере у большинства народов олень был единственным кормильцем. Только там, где было особенно много морского зверя (а такое место в Старом Свете только на Чукотке), без оленеводства можно было обойтись. Да и то береговые охотники на ластоногих редко существовали без постоянного обмена с оленеводами. В других местах отсутствие продукции оленеводства компенсировалось охотой на диких северных оленей или лосей, однако без домашних оленей все равно жить было очень тяжело.

Те саамы, которые жили в основном рыбной ловлей, естественно, получали многое из необходимого от оленеводов. В мурманских тундрах установился своеобразный симбиоз оленеводов и рыбаков. Жизнь и тех и других была бедной. Благосостояние людей висело на волоске. Эпизоотия или неудачный промысел означали голод, может быть, и смерть. А шансов потерять стадо или не добыть рыбы было очень много.

К началу 30-х годов нашего столетия саамское хозяйство зашло в тупик. Оленные пастбища были распределены между различными оленеводами. Число владельцев мелких стад постепенно, почти незаметно сокращалось. В тундре появились крупные стадачки — пришлые люди. Саамское общество к этому времени сохраняло еще много архаичных, патриархальных черт: широко была развита взаимопомощь, обычай дарения оленей несостоятельным родственникам, помощь в трудное время рыбой, шкурами, одеждой. Замкнутая в себе патриархальная саамская община сопротивлялась нашествию новых отношений, построенных по принципу «товар — деньги — товар». Естественно, что и в самом саамском обществе отношения людей далеко не были идиллическими. Здесь тоже были бедные и богатые, эксплуататоры и эксплуатируемые. Но материальная зависимость одних от других маскировалась родственными отношениями, затушевывалась общинными порядками.

Другое дело, когда в качестве эксплуататоров выступали пришлые люди. Тут-то и обнажилась сущность наступающего предпринимательства. Разрозненным саамским общинам пришлось бороться за свою землю, за оленьи пастбища и рыболовные угодья. Эта борьба зачастую принимала весьма ожесточенный характер. Но силы коренного населения и пришельцев были неравны. Что могли противопоставить «пришлым людям» саамские общины? Они старались держать в тайне наиболее богатые промышленные угодья, оберегали ягельники. Это, разумеется, не помогало. И если бы не установление нового строя, отстаивавшего интересы тружеников, то саамов постигла бы участь

всех стоящих на пути капитализма малых народов: они были бы согнаны со своей земли и пополнили бы ряды неимущих.

Социалистическое строительство на Кольском полуострове открыло новую страницу в жизни саамского народа. В 1927—1929 годах в Мурманском округе началась коллективизация. Задача перед советскими органами стояла труднейшая. Отсталый народ, стоявший на стадии разложения родового строя, должен был шагнуть в социализм, минуя ряд формаций.

Начали с простейшего — организовали товарищества по выпасу оленей. Маломощные единоличные хозяйства объединялись в коллективы, которые получали ссуды и кредиты, более рационально организовали свой труд. Результат не замедлил сказаться. Доходы возросли, жизнь стала ощутимо лучше. Все это подготовило переход к более высокой форме коллективного хозяйства — сельскохозяйственной артели. Одним из первых колхозов у саамов стал колхоз «Оленевод» (позже он именовался «Красная Тундра»), организованный в погосте Каменка. Вслед за ним был образован колхоз «Тундра», в селе Ловозеро. В него кроме саамов вошли ненцы, коми и русские. Возникли колхоз «Аут-Варре» (на берегу Баренцева моря, в устье Йоканги), саамский колхоз «Восмус» на реке Туломе, оленеводческие колхозы в Кильдинском погосте и на Пулозере. Коллективизация была закончена к 1940 году.

Последующие годы характеризовались поисками наилучшей формы ведения хозяйства. Сразу же после Великой Отечественной войны, прервавшей мирное строительство в стране, происходит перестройка хозяйств. Если в 1940 году в Мурманском крае было тринадцать колхозов с саамским населением, то к 1950 году их осталось только девять. Мелкие колхозы были объединены, возникли два государственных хозяйства. В 60-е годы было проведено значительное укрупнение сельских хозяйств. Сейчас саамы Кольского полуострова трудятся в четырех колхозах и двух государственных хозяйствах.

За годы колхозного строительства у саамов и других народов края — русских, коми, ненцев, финнов и карелов традиционные отрасли хозяйства приобрели новый характер. Прежде всего вырос удельный вес оленеводства. Претерпели изменения и сами приемы выпаса оленей. До коллективизации у кольских саамов преобладала традиционная форма вольного выпаса оленей в летнее время. У ненцев и коми-ижемцев в это же время существовал круглогодичный активный выпас. С объединением оленеводов в колхозы повсеместно внедрилась активная пастьба. Пастухи стали пасти оленей круглый год. Такая форма стала единственно возможной при крупных объединенных стадах в 2500—3000 голов. Таким образом, собственно саамский способ содержания оленей был вытеснен.

Круглогодичный способ выпаса бесспорно имеет ряд преимуществ. Прежде всего оленевод имеет возможность четко регулировать использование пастбищ. Когда пастух все время в стаде, то меньше и потери от различных

причин. Пастух может своевременно лечить заболевших животных, быстро увести стадо с зараженных участков в случае эпизоотии, перегнать оленей на пастбища, не подвергшиеся гололедице. Человек имеет возможность более тонко руководить жизнью животных.

Все это так, но есть и другая сторона дела — экономическая. Постоянный выпас требует большого числа пастухов. Люди должны все время быть в тундре, все время кочевать. Чем больше людей около оленей, тем дороже продукция оленеводства. Содержание оленей ведь не требует иных затрат, кроме оплаты человеческого труда по наблюдению за животными. Когда кочевание было традиционной формой бытия северных людей, занятие оленеводством было большим благом. Эти времена миновали. Запросы людей неизмеримо выросли. Кочевание, даже производственное, когда оленевод определенное время проводит в стаде, а определенное время живет с семьей в поселке, из формы жизни превратилось в тяжелую работу. Создать удобные условия для жизни в тундре при постоянном передвижении крайне трудно. Какое передвижное жилище может сравниться с современным домом? Что заменит общение с близкими, с друзьями? Что может разнообразить каждодневный труд? Все эти вопросы касаются не только саамского оленеводства. Ими занимаются на всем Крайнем Севере. Занимаются ими и на Кольском полуострове.

* * *

Еще во время войны, в 1944 году, по решению Советского правительства была создана в селе Краснощелье Мурманская опытная оленеводческая станция. Позже она была переведена в район станции Лопарская Кировской железной дороги.

... На Мурманскую оленеводческую станцию, или МООС, как ее тут сокращенно называют, лучше всего ехать на машине. От Мурманска рукой подать. Дорога петляет между холмов, огибает скалы, карабкается серпантинами вверх и стремительно течет с вершин. Под шинами мерно шуршит асфальт такой чистоты, что диву даешься: ведь зима. Да и зима здесь кажется необычной, особенно для человека, привыкшего к другим районам Севера, — очень тепло. Январь, а порт действует, залив не замерзает. Чудеса! Неужели на Севере такое возможно? И сам Мурманск — город, непохожий на города той же широты, хотя бы на Нарьян-Мар или Норильск. Там — мороз, полно снегу, пурга за пургой. Люди денно и ночью спасаются от заносов, чистят дороги, с трудом высовывают нос на улицу. А здесь — почти как в Москве, разве только потемнее да посырее. И город выглядит щеголеватее, чем его заполярные собратья. Здесь не увидишь выглаженных, вытертых свирепыми ветрами углов домов, как в Норильске. Мурманск именно щеголеват. Здания фундаментальны. Вечерами город расцветивается неонам. На улицах много людей в черных шинелях и бушлатах. Город моряков.

Дорога на МООС прекрасна. Пейзаж типично скандинавский. Камень, камень, живучие сосны вцепились корнями в расщелины скал, огромные, выглаженные ледником валуны. С проводов свисают неправдоподобно длинные бороды инея. Ветра нет. Солнце низко катится по небу. Одно только солнце, пожалуй, и напоминает о том, что вы на Севере.

Мурманская опытная оленеводческая станция — довольно солидное научное учреждение. Название ее скорее отражает традицию, чем истинное положение вещей. Оленеводческая станция занимается не только оленями. Это выясняется с первых же слов беседы.

— Скажите, пожалуйста, какие основные направления работы МООС?

— Сразу все перечислить трудновато. Давайте рассмотрим основные... Прежде всего все вопросы, связанные с развитием оленеводства.

— Организация выпаса?

— И организация выпаса тоже. Вы ведь знаете, что сейчас на Севере преобладает активный выпас. Это не всегда выгодно. Приходится пересматривать старые позиции. Мы теперь организуем «изгородный» способ выпаса оленей. Способ этот не нов. Его знали и скандинавские, и наши саамы. Раньше там, где позволяла местность, оленеводы перегораживали участки, чтобы олени не разбредались, а держались бы на каком-то одном месте. Чаще всего выбирали перешейки между озерами, «узкие места», и перегораживали их, чтобы помешать оленям мигрировать. Изгороди были примитивными. Просто наваливали сушняк на землю, а там, где был лес, накладывали ветки на нижние сучки. Недолговечные делали изгороди. Но пользу все равно они приносили значительную. Оленевод был спокоен: животные оставались там, где им и надлежало быть. Вот этот опыт мы и учитываем. Животных выгодно вольно пасти с июля по сентябрь. В это время мы их держим без пастухов. Изгороди делаем долговечные. Ставим столбы и натягиваем проволоку.

— И много надо таких изгородей?

— На Кольском сравнительно немного. Здесь очень удобный рельеф. Особенно удобно вольно содержать оленей на полуостровах. Саамы давно это знали. Здесь изгородь надо ставить только с одной стороны: с другой — море. Изгородный выпас — очень удобная вещь.

— А в других местах на Севере такой способ содержания оленей возможен?

— Смотря где. Там, где ландшафт напоминает наш, кольский, где аналогичные пастбищные условия, там можно сооружать изгороди. А какие же изгороди надо ставить там, где пастбищные условия требуют передвижения стад на тысячи километров?! Инертность, конечно, серьезная вещь. Традиции частенько бывают консервативны. Но традиции основаны на опыте. Почему в других местах на Севере не возникало изгородей? Не по силам было их создавать. Сейчас, может быть, кое-где и по силам, но не веде. В идеале, конечно, саамский способ следует распространять и в других районах Севера.

— Какие еще работы, связанные с оленеводством, у вас проводятся?

— Очень многие. Разрабатываем непосредственные приемы выпаса. Занимаемся вопросами ветеринарии: отел, гон и прочее. Изыскиваем лучшие способы забоя и утилизации продукции оленеводства. Наконец, проводим большую селекционную работу. У нас разрабатывают даже современную одежду и обувь для оленеводов. Очень интересные работы проводятся по созданию средств борьбы с кровососущими насекомыми. Это ведь огромная проблема. Вы, наверно, знаете, что такое на Севере комары и оводы? Трудно сказать, сколько мы теряем оленьего мяса из-за комаров. Летом ведь от них нет спасения. Животные более месяца не имеют ни минуты покоя. Сейчас стало полегче. Целый ряд репеллентов уже запущен в эксплуатацию. Отличные препараты. Есть и распылители. Но это еще только начало. Проблема еще не решена. Особенно плохо дело обстоит с защитой от овода. Вот весенняя шкура оленя. Она как решето: сотни свищей. Легко представить себе, как был истощен этими кровососами олень. А шкуру только выкинуть!

— У нас научные работники занимаются не только оленями. Мы разрабатываем и вопросы звероводства, и скотоводства. Есть у нас и физиологи, и гельминтологи, и микробиологи...

Снаружи Мурманская опытная оленеводческая станция напоминает скорее всего современную спортивную базу где-нибудь в Альпах. Уютные коттеджи с центральным отоплением. Лабораторный корпус, просторный, со многими комнатами, библиотекой и конференц-залом. Гаражи и механические мастерские, оборудованные по всем правилам современной техники. Животноводческие помещения...

* * *

Рыболовство, вторая по значению отрасль саамского хозяйства, также претерпело значительные изменения. На Кольском полуострове промышленно ловят отличную рыбу — семгу. Но ее добывают строго ограниченное количество. Ловят в основном у морского побережья. Промышленная рыба полуостровных тундр — сиг, щука, окунь, хариус. На озерах ловят теперь по-новому — ставными неводами из капрона. Охотой занимаются мало, больше разводят пушных зверей на колхозных фермах. Много рабочих рук требуется и в животноводстве.

Можно ли сказать, что саамы являются и ныне кочевым народом? Нет. Сейчас передвигаются со стадами только пастухи. Семьи их живут оседло. В Ловозере, Туломе, Иоканге и Варзине сейчас не осталось старых построек. Начиная с 50-х годов эти поселки коренным образом перестроились. Саамы живут в домах русского типа. Пятистенки с сенями, помещения для скота, баня — современная усадьба саама. Но и это уже вчерашний день. Строятся уже в сельских поселках пятиэтажные кирпичные дома с газом, канализа-

цией, водопроводом, горячей водой и центральным отоплением. Что еще остается от старого быта — верная *кувакса*, в которой рыбаки живут летом. Исчезла и традиционная саамская одежда — меховой *печок* и меховая обувь — *яры*. Победили ненецкая малица и пимы. Только по праздникам можно теперь увидеть национальные головные уборы саамов — *капперы*, обувь — *каньги*, особый пояс.

Уходит старый быт. Он не может конкурировать с современностью. Но духовная культура народа — самое сокровенное и дорогое — живет новой жизнью. У саамов за годы Советской власти выросли свои ученые, поэты, писатели, артисты. Хор заштатного в прошлом поселка Ловозеро слышали во многих европейских странах. В далекое прошлое ушли поголовная неграмотность и различные предрассудки. Саамский народ — равный в семье равных.

Кандидаты исторических наук

Т. В. Лукьянченко, Ю. Б. Симченко

Комментарии

К стр. 5. Комитет Севера — сокращенное название Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК. Комитет Севера был образован в 1924 г. В его функции входила ликвидация хозяйственной и культурной отсталости народов Севера. Комитет Севера проводил различные исследования на Севере. Им были организованы многие экспедиции, проведена в 1926—1927 годах Похозяйственная перепись приполярного Севера СССР. Комитет Севера был упразднен в 1935 г. после образования северных национальных округов.

К стр. 11. У саамов Кольского полуострова, которые в конце XIX — начале XX века вели полукочевой образ жизни, были распространены три основных вида жилищ: срубные постройки (однокамерный *пырт*, изба) на местах постоянных зимних и летних поселений; каркасная непереносная с дерновым покрытием *вежа* — своеобразная постройка пирамидальной формы, служившая для жилья главным образом на местах рыболовного промысла; временная корьевая переносная постройка типа сибирского чума — *кувакса*, используемая во время перекочевков.

Сейчас кольские саамы живут в благоустроенных поселках в теплых рубленых домах. В селе Ловозеро выстроены также многоэтажные коммунальные дома со всеми удобствами. Пастухи во время дежурств в стаде живут в чумах (зимой) или куваксах (летом). На рыболовных местах еще кое-где сохранились вежи, однако чаще рыбаки живут в куваксах.

К стр. 14. Явление кочевания распространено у подавляющего большинства коренного населения Крайнего Севера. Характер кочевания у оленеводческих народов определяется типом оленеводства. У саамов, в частности, хозяйственный цикл не требовал постоянного передвижения. Зимой саамы обычно жили в небольших поселках — *погостах*. Перекочевки носили сезонный характер: передвигались весной на рыболовные угодья, а осенью, после ледостава, — назад в поселки. Полувольный выпас также не требовал постоянного передвижения людей со стадами.

Оленеводческие самоедоязычные народы Крайнего Севера, чукчи, коряки и часть коми, занимающиеся оленеводством, кочевали круглый год. И зимой, и летом оленеводы двигались вместе со стадами. Темп этого передвижения зависел от того, насколько быстро стравливались пастбища. Расстояние, которое приходилось преодолевать оленеводческим хозяйствам, зависело от характера пастбищеоборота. У народов, в хозяйстве которых до недавнего времени преобладала охота на дикого северного оленя (у нганасан и энцев), кочевание также носило сезонный характер. На месте зимовок и летовок охотники на дикого оленя задерживались на продолжительное время. Значительные передвижки происходили весной и осенью. Аналогичный образ жизни вели юкагиры.

Передвижение тунгусоязычных народов большей частью определялось характером опромышления охотничьих угодий. Народы Приобья и Амура (ханты, манси, нивхи, нанайцы, ульчи и другие) жили полуседло. Передвижения вызывались необходимостью смены зимних охотничьих и летних рыболовных угодий.

К стр. 21. У саамов долгое время сохранялись элементы древнего культа охотников на дикого северного оленя. Данные этнографии, лингвистики и археологии позволяют предполагать, что основным занятием неолитического населения высоких широт Старого Света была охота на дикого северного оле-

ня. Существует гипотеза о том, что это население было единым по происхождению и принадлежало к уральской семье языков, а по антропологическим признакам — к монголоидной расе. У современных народов тундровой зоны верования, связанные с охотой на дикого северного оленя, проявляются в разной степени, но удивительно единообразны на всей территории от Скандинавии до Чукотки. Можно предположить, что они явились следствием культурного влияния древнего населения на пришельцев — самодийцев, чукчей, эскимосов и т. д. У саамов следы древнего культа обнаруживаются в представлении о глазах как о средоточии «жизненной силы», в обрядах с глазами и костями диких оленей, в различных элементах охотничьей магии.

К стр. 23. В легенде о Мяндаше отразились древнейшие тотемистические представления саамов, и в частности культ дикого северного оленя. Эта легенда ведет свое происхождение с давних времен, когда охота была основным источником существования предков лопарей.

В. В. Чарнолуцкий во время своих поездок к лопарям записал несколько вариантов этой легенды, которую в старину, по-видимому, пели в стихах. В своей книге «Легенда об олене-человеке» он сопоставляет собранные им материалы о Мяндаше с изображениями пермского звериного стиля в Прикамье и обнаруживает между ними определенные черты сходства. По его мнению, это свидетельствует о том, что между населением Кольского полуострова и Прикамья в начале нашей эры существовали какие-то связи.

К стр. 28. Лапландией в литературе называют территорию, населенную лопарями. Она охватывает северные области стран Скандинавского полуострова и Финляндии (Скандинавская и Финская Лапландия) и Кольский полуостров (Кольская, или Русская, Лапландия). В советской этнографической литературе название Кольская Лапландия, как правило, не употребляется.

Общая численность саамов сейчас — около 32 тысяч человек. В Норвегии они населяют провинции Финнмарк, Тромс, Нурлани и Треннелаге (около 21 тысячи человек), в Швеции живут в областях Норботтен, Вестерботтен и Емтланд (свыше 7 тысяч человек), в Финляндии сосредоточены в районах Утсиоки, Инари и Энонтекие (свыше 1,5 тысячи человек). В СССР саамы живут на Кольском полуострове, преимущественно к востоку от Кировской железной дороги, в Ловозерском районе Мурманской области (около 2 тысяч человек).

К стр. 31. Кроме самобытных национальных форм фольклора у саамов обнаруживаются явно русские заимствования. Длительные контакты русских и саамов привели к тому, что русские народные и литературные классические сюжеты вошли в саамский фольклор, нередко обретая при этом типично саамское оформление. В качестве примеров можно назвать «Сказку о рыбаке и рыбке», передаваемую саамскими сказителями в стиле лотвы, и множество русских сказок, где обычные герои — царь, царевна, удалой молодец и другие — заменены персонажами из саамской жизни. Нередко и саамские герои переносятся в царские дворцы и т. п.

К стр. 36. Сейды — священные камни саамов, культ которых в прошлом был распространен по всей Лапландии. Сведения о сейдах имеются уже у авторов XVII века — Торнея, Шеффера и других. Позднее об этом культе у саамов сообщали М. А. Кастрен, Н. Н. Харузин, И. Квигстад и другие авторы. По мнению исследователей, в поклонении сейдам у саамов проявляются две линии верований. С одной стороны, этот культ связан с поклонением предкам (сейды антропоморфного вида), с другой — сейды рассматриваются как покровители промыслов (охоты, рыболовства). Эти последние сейды представляют собой обычные камни или сложенные из камней пирамиды. Сейды могли быть пред-

метом семейного или родового культа, а иногда и культа целого селения. По представлениям саамов, они могли перемещаться (перелетать по воздуху) с одного места на другое. Культ священных камней был распространен почти по всей тундровой зоне Евразии. Он отмечен у ненцев, нганасан, эвенков, северных якутов-оленьеводов, юкагиров, коряков, чукчей, камчадалов.

К стр. 56. Сюжет о птичке, доставшей землю из воды или участвовавшей как-нибудь иначе в создании мира, фигурирует в фольклоре почти всех северных уралоязычных народов. В фольклоре нганасан эта птичка — гагара или песчаный кулик, в ненецком фольклоре — болотный кулик. Аналогичные сюжеты есть в верованиях хантов, манси, энцев, селькупов и других народов.

К стр. 61. Каменные лабиринты, известные на Кольском полуострове, в Северной Карелии и Финляндии, служили, по мнению археологов, неолитическому населению этих мест для свершения магических действий, которые должны были обеспечить удачу в рыболовном промысле.

К стр. 72. В основе описываемых здесь столкновений ижемцев с саамами лежит социальный конфликт между зажиточной и бедняцкой частью населения поселка.

К стр. 75. Довольно яркий пример народной этимологии, в основе которой лежит механический поиск аналогии. Это явление широко распространено.

К стр. 79. В этнографии угро-самодийцев (у нганасан) встречаются косвенные указания на то, что ранее существовали какие-то жилища, делавшиеся из деревьев корнями вверх. У нганасан, в частности, существует загадка о деревьях, растущих корнями вверх (отгадка — «жилье»). У юкагиров до сравнительно недавнего времени бытовали *чандалы* — простейшие жилища из деревьев, которые ставились корнями вверх.

К стр. 96. Историю христианизации саамов см. в «Послесловии».

К стр. 107. Дикая северный олень в СССР в значительных количествах встречается на Таймыре (самое крупное стадо в мире, свыше 200 000 голов), в устье Индигирки и в устье Кольмы. На Аляске и в Северной Канаде дикий северный олень известен под названием *карибу*.

К стр. 117. В архаичных верованиях народов Крайнего Севера Евразии обнаруживается много черт, связанных с материнским культом. Особое место среди них занимают представления о Матерях Природы. Материнские сакральные представления сохранились у разных народов в различной степени, что связано с различиями в уровне социального развития отдельных групп населения Заполярья и Приполярья Старого Света. Несмотря на значительные различия, эти представления в основных чертах тождественны. Единобразие особенно ярко проявляется в культах Земли-Матери, Воды-Матери, Огня-Матери, сверхъестественных существ, олицетворяющих космогонию.

Наиболее полно этот культ Матерей Природы сохранился у самоедоязычных народов Крайнего Севера, и в частности у нганасан. Рождение всего живого нганасаны прежде всего связывали с Моу-нямы — Землей-Матерью. Земля-Мать занимала центральное место в пантеоне Матерей Природы. Об исключительном единообразии представлений о Земле-Матери в прошлом во всей арктической и субарктической зоне убедительно свидетельствует сходство древних формул заклинаний у саамов, ненцев, нганасан и юкагиров.

У саамов Земля также отождествлялась с материнским началом. Так, в «лопарской песне» (то есть в тексте заклинаний, обращенных к Матерям Природы), записанной Тури у лопарей Каресуандо, говорится следующее:

Матери и красавицы, родные долины, матери оленей!

Вайя, вайя, нана, нана! (Припев.)

Привет вам.

Вайя, вайя, нана, нана!

Прими нас снова, родная Земля.

Вайя, вайя, нана, нана!

И заботься о нас, как прежде, всегда.

Вайя, вайя, нана, нана!

Дружите снова, Матери, со мной.

Вайя, вайя, нана, нана!

Вы, Матери, напитайте досыта моих оленей.

В приведенном заклинании говорится о Матерях Природы, от которых зависит жизнь всего живого. Лопари именуют Матерей Природы *акка* (*акке*) — «бабушка». Среди них у саамов наибольшую роль играли Мадер-акка (Старшая Мать) и ее дочери Сар-акка, Урс-акка и Юкс-акка. Мадер-акка хранит души людей и животных. Она передает эти души своей дочери Сар-акка, которая делает так, чтобы душа срослась с телом и получился совершенный плод, а также помогает женщинам при родах и оленям во время отела. Другие дочери Старшей Матери, Урс-акка и Юкс-акка, оберегают детей и жилище.

Земля-Мать трактовалась как творец всего живого. По нганасанскому старинному обычаю, объявляя пол новорожденного, старухи говорили обязательно фразу: «Моу-нямы сейме готумхынг» («Земля-Мать глаза родила»), и далее прибавлялось: «Нью сейме» («мальчика глаза») или «Копто сейме» («девочки глаза»). То же говорилось относительно оленей, собак и пр. Все живое у нганасан определялось словом *дямада* или *сеймидя*. «Дямада» означает в буквальном переводе «происшедшие от имеющих горло», «сеймидя» — «происшедшие от имеющих глаза». Словом *сейме* («глаза») называли любой эмбрион. Земля-Мать, таким образом, согласно древним верованиям, родила глаза. Весьма образно нарисовала образ Общей Родительницы восьмидесятилетняя нганасанка из Усть-Авама Деро Порбина: «Моу-нямы много глаз носит в себе. Совсем как куропатка яйца носит. Как баба ли, олень ли, собака ли густая будет, им в брюхо кладет. Песцам кладет, волкам кладет, иняку (здесь в смысле медведь. — Ю. С.), гусям, рыбам, всем кладет. В брюхе-то мясо к глазам прирастает, растет мясо. Это значит, туша вырастает. Потом из бабы-то вылезает туша». (Архив Института этнографии АН СССР, фонд Северной экспедиции, № 23.)

В мифологическом оформлении эти воззрения о глазах как об источнике жизни, как о средоточии жизненной силы выглядели совершенно так же. У нганасан имеется в фольклоре цикл мифов о сказочных людях *сюлса* (которым в энецком фольклоре соответствуют *моррэдэ*), размножающихся именно посредством вкладывания в тело женщин глаз. У саамов, энцев, энецев, нганасан, юкагиров и чукчей существовали специальные обряды, связанные с глазами определенного животного, а именно северного оленя. При добыче дикого оленя обязательно нужно было вырезать глаза животного и передать их Земле-Матери, то есть положить их на землю. Предполагалось, что неисполнение обряда будет иметь самые тяжкие последствия.

Представления о зачати отразились также в комплексе особых запретов, связанных с глазами убитого дикого оленя. Так, например, у нганасан и энцев считалась одним из самых тяжелых нарушений культовых установлений порча глаз убитого животного: охотник должен был вырезать глаза добытого животного, не попортив их. Если по ошибке он надрезал или протыкал глаз дикого оленя, то за этим следовала немедленно искупительная жертва Моу-нямы: убивалась собака и ее глаза отдавались Земле-Матери.

Считалось при этом, что разрушение и невозвращение глаз зверя Моу-нямы навлекает беду на всех людей. Женщины не должны были ни в коем случае смотреть в глаза дикого оленя. Не рекомендовалось смотреть даже на вырезанные олени глаза. Существовало убеждение, что если женщина посмотрит на глаза дикого оленя, не отданные земле, то она родит не человека, а какое-либо животное или уродца, то есть глаза оленя Моу-нямы заложит в нее. Врожденное уродство объяснялось тем, что Моу-нямы вложила в тело женщины глаза животного.

Интересно отметить, что обычай вырезать глаза не распространялся на домашних оленей и собак. Это позволяет приблизительно установить время распространения представлений о Земле-Матери. Нераспространение этого обычая на домашних животных объясняется тем, что домашний олень появился уже после возникновения описанного обряда. Домашний олень рассматривался как животное, отличное от дикого оленя, о чем свидетельствуют также различия в терминологии, касающейся домашних и диких животных. Следовательно, данный обряд, как и культовые представления, с которыми он связан, относятся к доленеводческому периоду, к периоду распространения в Заполярье и Приполярье культуры охоты на дикого оленя.

Представления о Земле-Матери, дающей глаза всему живому, были сугубо реалистичными. Земля представлялась в виде огромного животного. Тело ее покрывает шкура — почва; трава — это мех Земли-Матери. Как и любое животное, Земля, по представлениям предков нганасан, энцев и юкагиров, каждый год меняет шкуру — линяет. У нганасан строжайше запрещается колоть землю ножом, копьем, копать без нужды или забивать в землю колья.

Эти архаичные представления о Земле-Матери как о живом существе и обусловили воззрения на воспроизводство живых существ. Эти представления определили и магические акты, с помощью которых насельники Северной Евразии старались обеспечить себе удачу на промысле, сохранить жизнь и избавиться от болезней (которые также представляли себе в виде живых сверхъестественных существ), испросить плодородие для женщин и т.п.

Частью культа Матерей Природы был культ Воды-Матери. Формулы заклинаний, относящихся к образу Воды-Матери, свидетельствуют о чрезвычайно широком распространении единообразных воззрений, связанных с водой. К Воде-Матери обращались в основном при покое оленей. Ее просили задержать плывущих оленей, охранять охотников и помогать им добывать зверя. Связь культа Воды-Матери с добычей дикого оленя позволяет отнести возникновение его ко времени существования культуры охотников на дикого северного оленя. На примере культа Воды-Матери отчетливо выступает тенденция аборигенов Севера распространять представления о материнском начале на все объекты, в какой-либо степени связанные с жизнью людей.

Небезынтересно отметить, что в прошлом просьбы о добыче рыбы и у нганасан, и у энцев, и у юкагиров относились и к Земле-Матери, и к Воде-Матери. Землю-Мать просили о том, чтобы она родила побольше рыбы, а Воду-Мать — не препятствовать ее добыче. Это явствует из древних формул заклинаний. Форма обращения только к Воде-Матери с просьбой о помощи на промысле рыбы появилась значительно позже. Взаимоотношения Матерей Земли и Воды представлялись таким образом, что Земля родила глаза рыб и вкладывала их в тело Воды-Матери. Эти представления породили миф о борьбе Земли и Воды и о разделении функций между ними. Земля-Мать именовалась Матерью Матери, бабушкой по материнской линии, а Воду-Мать называли Сестрой Матери.

Одним из важнейших и наиболее хорошо сохранившихся является культ Огня-Матери. Отношение к огню как к живому существу прослеживается

у всех народов Заполярья и Приполярья и их соседей. Огонь-Мать представлялась в виде женщины, постоянно рождающей дочерей в виде языков пламени, или выглядела обнаженной маленькой девочкой. Огонь-Мать охраняла ту семью, которой принадлежал очаг, предупреждала членов семьи о надвигающейся опасности и особенно покровительствовала женщинам.

Наряду с существованием верований в материнское начало различных явлений земной природы у народов Севера бытовали материнские космогонические культы, оформление которых, видимо, относится к тому же периоду, что и формирование взглядов на Землю как на сверхъестественное женское существо.

Степень распространения материнских культов природы обнаруживает прямо пропорциональную связь с существованием элементов материнского рода у различных народов Заполярья и Приполярья. Многие более поздние представления и верования, связанные с шаманизмом и промысловыми культами и характерные уже для отцовско-родового общества, обнаруживают генетическую связь с древним культом Матерей Природы.

К стр. 144. Александр Евгеньевич Ферсман (1883—1945) — академик, выдающийся советский минералог и геохимик. А. Е. Ферсман провел огромную работу по изучению Хибинских тундр, в результате которой в 1926 году было открыто крупнейшее месторождение апатитов и положено начало промышленному освоению Кольского полуострова.

К стр. 152. Пьексы (карел. и фин. — *pieksut*) — сапоги (которые носили карелы), сшитые из сыромятной кожи, без каблуков, с загнутыми кверху носами; сходная обувь для лыж известна у финнов. Саамы также носили подобную, только более низкую, обувь с загнутыми носами, сшитую из сыромятной кожи или из оленьей шкуры (*каньги, кеньги — keng, ketna*). Бахилы — рабочая обувь (у карелов, саамов) в виде высоких кожаных сапог с широкими голенищами.

К стр. 191. Трактовка «кухаря» как человека на побегушках не совсем верна. Обычно человек, ведавший провиантом в походе, был доверенным лицом предводителя викингов. «Кухарь» мог быть и «законоговорителем».

К стр. 247. По данным 1968 г., в Ловозере было: однонациональных саамских семей — 80%; смешанных разнонациональных семей, где один из супругов является саамом, — 20% (в том числе саамско-русских семей — 12%).

К стр. 247. Автор называет так водохранилище, образовавшееся после постройки плотины Серебрянской ГЭС на реке Воронья.

3	Вступление
5	„Мурманка“
11	Первые впечатления. 1927 год. Голый человек. — <i>Ефим Андреевич.</i> — <i>О ягеле. Сказка «Землюшка, прости».</i> — <i>О Мяндаше</i>
27	Поперек земли
27	<i>В Иоканге. Сакка об англичанах в Иоканге.</i> — <i>Иокангский сейдушка</i>
38	<i>От Иоканги летней до погоста Каменского. Кейвы</i>
50	<i>От деревни Ивановки до реки Варзуги. Сакка про птичку.</i> — <i>Капитон Федорович.</i> — <i>Семга идет</i>
63	В краю Летучего камня. 1929 год
63	<i>Тайна Сейдозера. Сага об озере Сейдъявр</i>
72	<i>«Праудедки». Ловта «Дерево дружбы».</i> — <i>Ловта «О начале человека».</i> — <i>Мяндаш-пырре</i>
90	<i>Летучий камень. Сакка о Тёльшиве-старике</i>
99	<i>Каврай. О сотворении волка</i>
105	Лапландский заповедник. 1961 год
105	<i>В Мяндашах. «Про диких».</i> — <i>У Максимиыча.</i> — <i>Сказка «Олень-дикарь (Мяндаш)»</i>
118	<i>Рассказ Максимиыча о том, как он воевал на реке Пазреке в 1944 году. Рассказы жизни</i>
124	Мончегорск. 1935—1936 годы
124	<i>«Ищи Марфу!».</i> Лето 1961 года
125	<i>Зима 1935—1936 года</i>
125	<i>На Мончу.</i>
127	<i>Дети</i>
130	<i>В избушке Даниила Ивановича</i>

- 132 Однажды вечером
136 Муштолла про Мончегорск
- 138 **Жизнь Даниила Ивановича. Бывальщина «Кочевая жизнь».** — *Бывальщина «Сменное время».* — *Кайлес Ферсман.* — *Сакка о Даниле Ивановиче*
- 147 **Килопы. 1928—1929 годы**
- 147 На запад, к мотовским лопарям. *Чакли.* — *Свириная морянка*
- 160 У мотоков. *Сидор Савельевич.* — *Ночевка в пути.* — *Встреча в тундре.* — *Вежа Катерины*
- 173 **Круглый год**
- 183 Сага об озере Нял. *Историческая справка.* — *Сага о старом Няле и его сыновьях («Первый нагон»)*
- 206 В семье Дарьи Агиевой
206 В семье
- 210 Именины внучки
- 212 Немного об оленеводстве мотоков. *В стаде оленей.* — *«Оленья сказка»*
- 227 Подледный лов на озере Кошклумбол
- 231 **«Там могут жить два петуха и три курицы» (Оседание лопарей)**
- 244 **Ловозеро — «столица лопарей»**
- 244 Первая поездка в Ловозеро (1927 год)
246 Современное Ловозеро (1961 год)
- 249 *Т. В. Лукьянченко, Ю. Б. Симченко.* Об авторе и о саамах (послесловие)
- 264 **Комментарии**

Для заставок использованы рисунки саамских детей

**Чарнолуский,
Владимир
Владимирович**

**В краю
Летучего
камня**

**Редактор
Т. М. Галицкая**
**Младший редактор
Т. С. Положенцева**
**Художественный редактор
С. М. Полесицкая**
**Редактор карты
Г. Н. Мальчевский**
**Технический редактор
В. Н. Корнилова**
**Корректор
Ч. А. Скруль**

Сдано в набор 22 декабря 1971 г. Подписано в печать 1 июня 1972 г. Формат бумаги 60×84^{1/16}, № 2. Усл. печатных листов 17,2 с вкл. Учетно-издательских листов 17,69 с вкл. Тираж 50 000 экз. А05098. Заказ № 2581. Цена 69 коп.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая
Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. 113054. Москва, М-54, Валовая, 28.

В. В. Чаролуский
(1894—1969)

*Площадь в Апатитах,
названная именем
академика А. Е. Фер-
смана (Фотохрони-
ка ТАСС)*

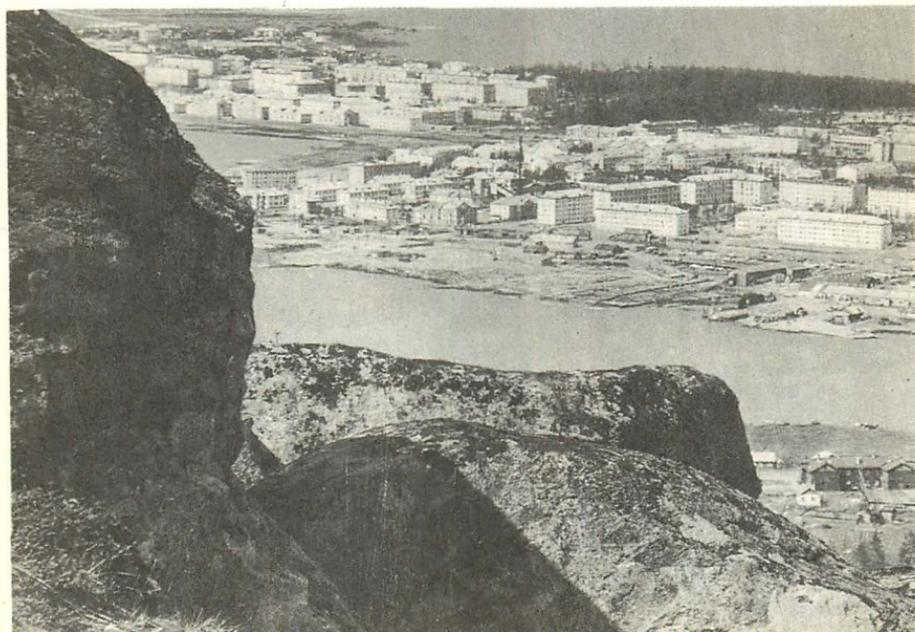

▶
*Саамские женщины
шьют прекрасные
изделия из оленьего
меха. Шитье бурок
(Фотохроника ТАСС)*

*Таким стал в наши
дни Мончегорск,
прежде небольшой
саамский поселок
(Фотохроника ТАСС)*

▶
*В современном Лово-
зере. У колхозного
универмага (Фото-
хроника ТАСС)*

«Лечение» больного оленя. Болезнь — «чертова пуля» — вошла через горло, поэтому пастух стреляет из винтовки вдоль спины оленя, через рога, вдоль шеи

Молодые приехали в гости издалека

Сидор Савельевич подобрал полог куvasа, пролез верхней частью туловища к очагу: иначе там всем не поместиться

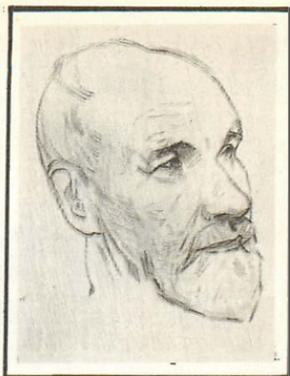
Возы были распакованы, и все вещи, необходимые для ночлега, расположены по кругу, над которыми мы все, сообща, быстро воздвигли конус шалаша — куvasа

Соня Сарванова,
автор рисунка
«Старая Монча»

Юный сказитель
Леонтий Александрович
Архипов (Левк)

Дедушка Сони
и Левка

Изготовление саней

*Жена снаряжает
мужа на дежурство
в стадо*

*По мере того как мы
поднимались все
выше и выше, тундра
теряла свою кустар-
ничковую поросль,
все более выступал
каменистый ланд-
шафт с озерами, в
которых отражались
невысокие увалы*

Сейды, священные «летучие камни» саамов. Пока они лежат здесь, но могут сняться и улететь на лучшее место...

Культура народа саами обожествила эти камни. Гора, в которой живет сейд, носит название Сайдапахк — «сейдова скала»

Недалеко от бывшего Верхнекаменского погоста стояла сложенная из плоских камней фигура — сейд, посвященный верховному божеству восточных саамов Кавраю. Каврай, верили лопари, принимает моления о даровании здоровья, избавлении от болезней, даровании мальчика в семью. Каврай же создал волка, эту «лесную собаку»...

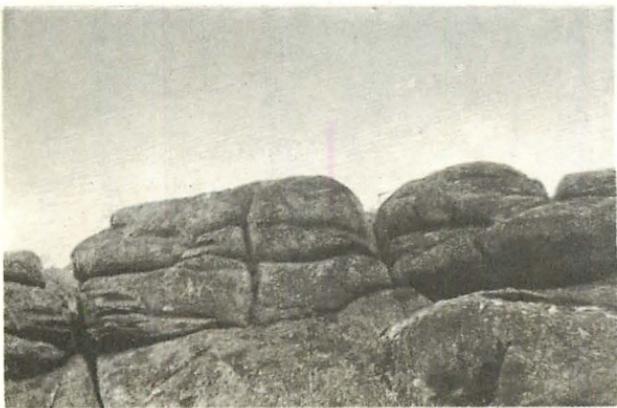

Вежа на озере Вулиявр. Эти древние самские кочевые жилища сооружались главным образом на местах рыболовного промысла

Дом богатого стащика-оленовода. На переднем плане — вежа, в которой жили Илья с матерью

«Праудедки». Эти каменные останцы похожи на головы гигантских людей, поднимающиеся из-за горы

В Черной вараке мы увидели огромный, седой от лишайников валун. Это был сейд, священный камень саамов

*Основатели деревни
Ивановки коми-
ижемцы Артиевы —
Иван Иванович стар-
ший (справа) и его
сын, Иван Иванович
младший*

*В таких амбарчиках
саамы хранят иму-
щество и запасы
продуктов*

*Илья со своей ма-
терью. Слепая
Принья Фоминич-
на — сказительница,
великая мастерица
и советник в любом
житейском деле*

*Саамские девушки
с вязанками хвоста
для веников*

*Саамы в оленьем
стаде*

*Деревня Ивановка
стоит на каменистом
мысе Чальм-Варре*

*Весной женщины
кончают свои зимние
работы, мужчины
приводят в порядок
сани, кережи, сбрую.
Запрягают ездовых
оленей — и в путь, на
весенние места, за
оленьями, за рыбой...*

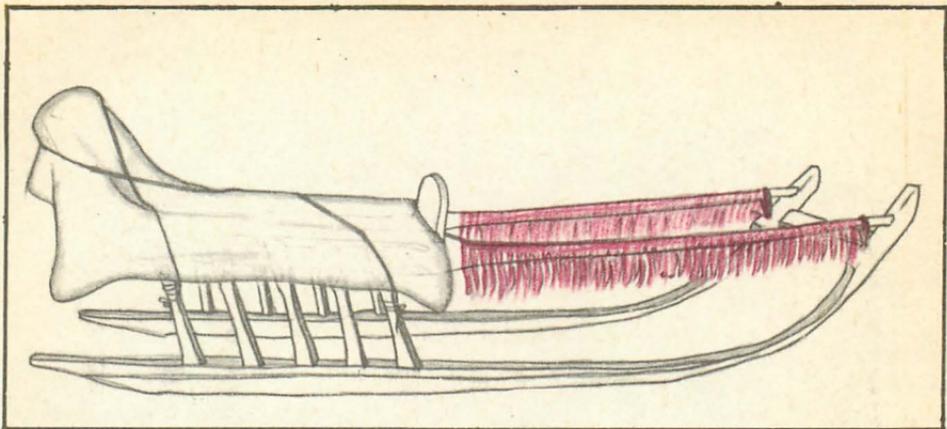

На Монче

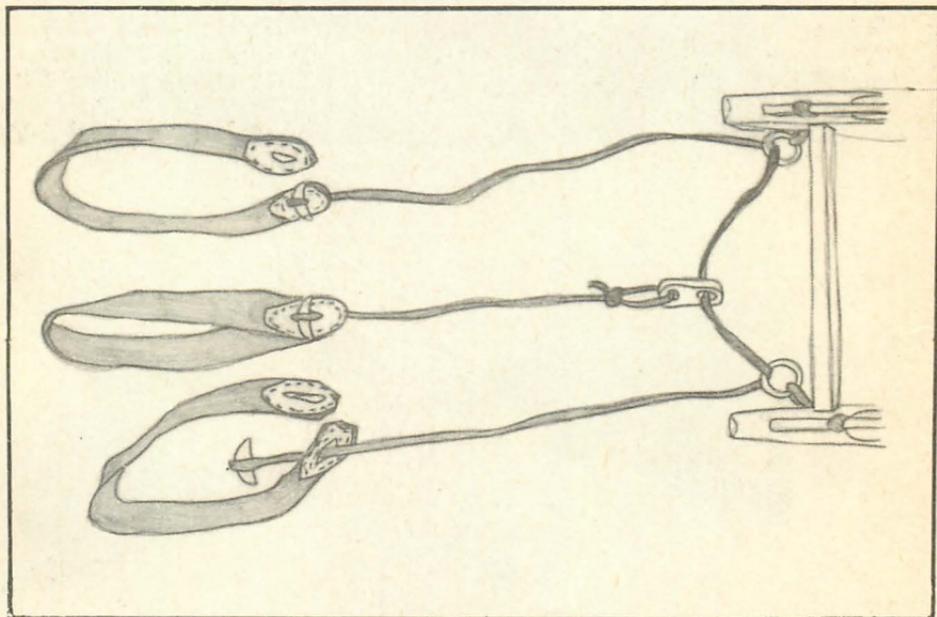
Пейзаж

Сани в праздничном
уборе

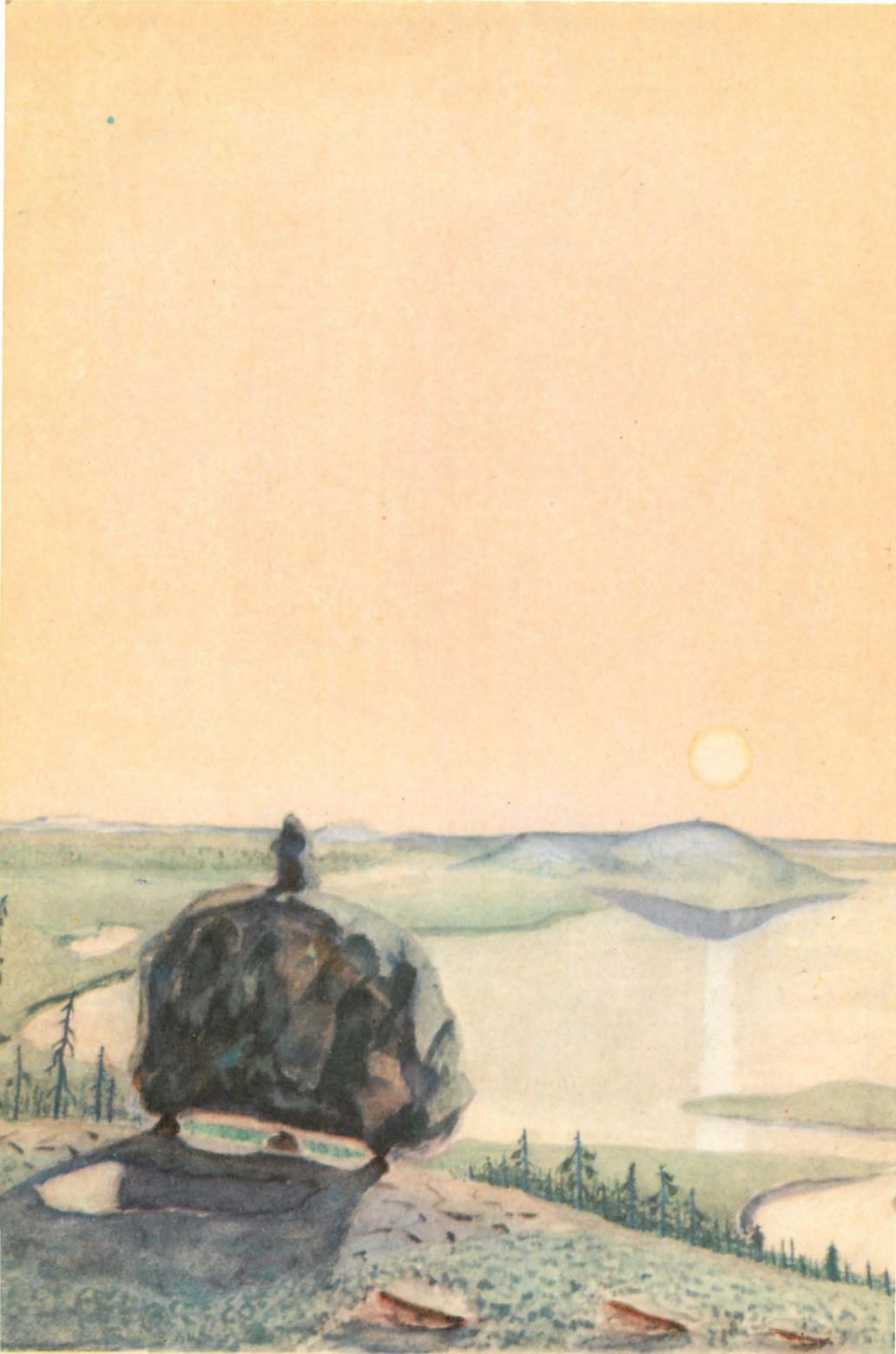
Саажская рукавичка

Лямки для грузовой
упряжки

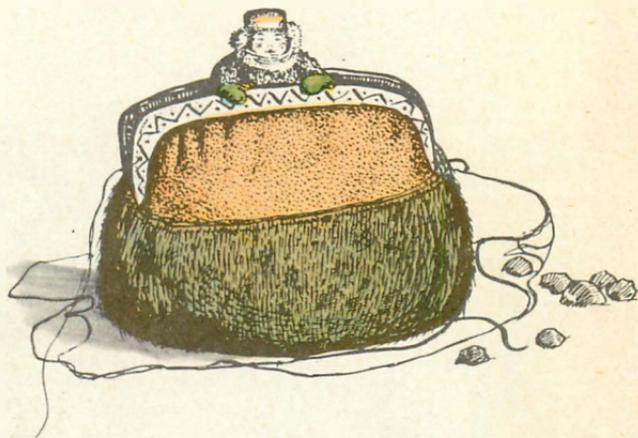
Полуночное солнце
в Лапландии.
Автор попытался
дать на этом рисунке
синтетическое пред-
ставление о ланд-
шафте горной тундры
Кольского полуостро-
ва. «Тундра» — слово
саамского происхож-
дения и обозначает
плоскую, безлесную
вершину горы
(в́раки), заросшую
ягелем. На таких вер-
шинках встречаются
огромные валуны, во-
круг которых, из-под
выветренной почвы,
виднеются материн-
ские породы — гра-
ниты, гнейсы. Озер-
ная и речная сеть
здесь необычайно
густа: зеркало вод
покрывает чуть ли не
больше половины
земной поверхности,
а там, где много
болот, — едва ли не
всю землю. На рисун-
ке изображена и са-
амская дорога. Она
проходит зимой по
озеру и дальше по
реке, на север. До-
рога отмечена до-
рожными знаками в
виде камней. Один из
таких камней постав-
лен на валун, другие
виднеются на вер-
шинах гор. На мы-
сочке при выходе
реки из озера
расположено промы-
словое место саамов

«Вот ребята с горки
покатились. Тала
(медведь) выскочил
из-за камня и рас-
ставил поперек доро-
ги большую кису —
мешок из тюленьей
кожи с костяными
затворками».

«Затворки щелкнули
и заперлись...»

Три иллюстрации к сказке «Великий колдун»

Талашка (медвежонок)

Иллюстрация
к сказке
«Про Гром сказка»:
«Гром несется выше
высоких небес, а и
Медведь за ним по-
спевает. Гром летит — Медведь ска-
чет...»

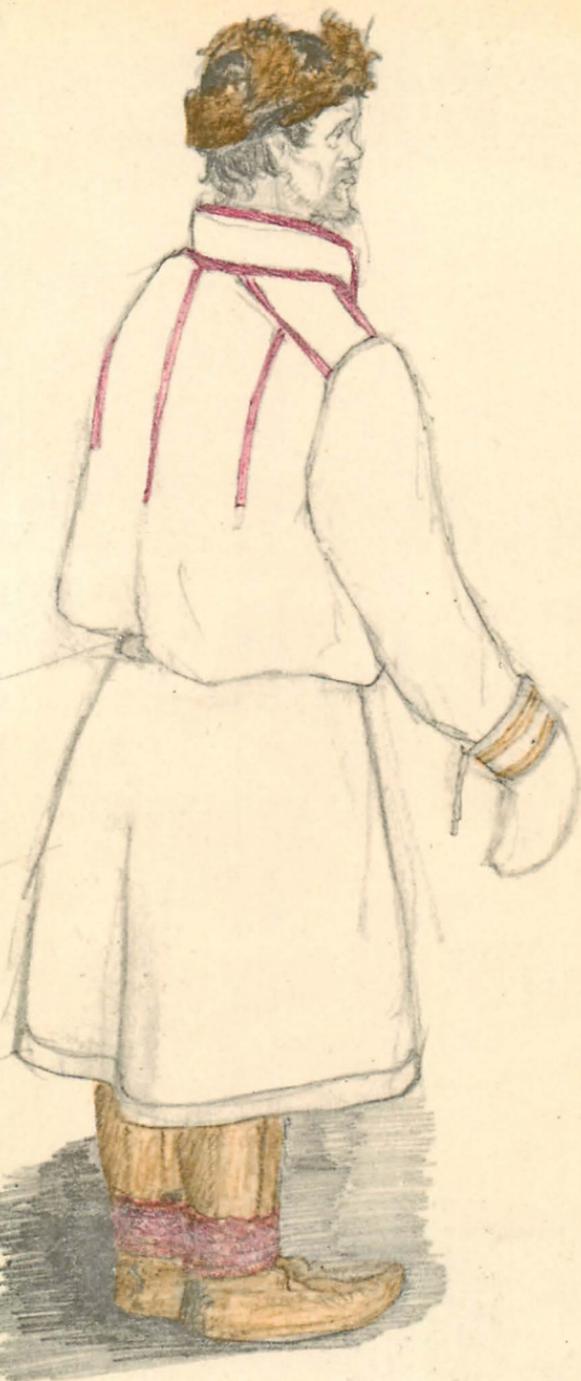
в.в. чарнолуцкий
в краю летучего камня

арми

рукав
добрек

рукав

осенний костюм лопаря

69 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

C. A. P. V.
—,65

66A

се

кр

руе

кр. кар.

ад суп

руе рур нурон.

руе рур

руе рур

тат

руе рур

руе рур